

**ФОЛЬКЛОР И
ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ:
из истории зауральской фольклористики**

Учебное пособие

03
14
82.3(2.0.1) - 1/201973
Ф 75
Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет

1.2.50.868

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ: Из истории зауральской фольклористики

Учебное пособие

Отделу краеведения
Курганской Голубки
с добрыми пожеланиями
В. Федорова

12/11-05

Курган 2005
Курганская областная
библиотека
им. А. К. Югоза
Книгохранилище

002.1

ББК 81.2Р-43-002.1
УДК 398
И 32

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор Б.А.Куган;
кандидат филологических наук, доцент О.В.Тимофеева.

Фольклор и литература Зауралья: Из истории русской фольклористики: Хрестоматия / Сост. и авторы статей В.П.Федорова и Е.Н.Колесниченко.-Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.-211с.

Хрестоматия отвечает современному вниманию к теоретической проблеме: «Общерусское – региональное – локальное». Она включает в себя малодоступную «Песковскую летопись» краеведа-священника Е.Д.Золотова, рукопись единственного экземпляра которой хранится в Шадринском государственном архиве Курганской области.

В хрестоматию ведена переписка Е.Д.Золотова и В.П.Бирюкова. «Песковская летопись» - это фольклорный свод с. Пески современного Катайского района, бытовавший в первую треть XX века. Он включен в значительный исторический, социальный и бытовой контекст. Составители сочли необходимым ввести несколько страниц подлинника рукописи Е.Д. Золотова и дать дополнительно авторскую нумерацию страниц.

Цель данной хрестоматии – познакомить студентов-филологов с одной из значительных страниц в истории зауральской фольклористики – деятельностью Е.Д.Золотова, которая во многом направлялась В.П.Бирюковым. Материалы публикуются впервые. Они привлекут внимание филологов, историков, этнографов, социологов, краеведов.

ISBN 5-86328-637-7

© Курганский
государственный
университет, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕДОРОВА В.П.
ПРЕДИСЛОВИЕ 4

КОЛЕСНИЧЕНКО Е.Н.
ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗОЛОТОВ И ЕГО КНИГА 10

ЗОЛОТОВ Е.Д.
ПЕСКОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ 22

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ 180

КОЛЕСНИЧЕНКО Е.Н.
ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРА В ПЕРЕПИСКЕ В.П.БИРЮКОВА И
Е.Д.ЗОЛОВОТА (1924 – 1931гг) 181

ПИСЬМА Е.Д.ЗОЛОВОТА В.П.БИРЮКОВУ 190

ПИСЬМА В.П. БИРЮКОВА Е.Д.ЗОЛОТОВУ 201

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ 208

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Песковская летопись». Так назвал свою книгу просветитель, священник, краснед Евгений Дмитриевич Золотов. Слово «летопись» ведет нас в глубину нашей словесности — к летописным сводам XI века, к известной «Повести временных лет» XII века. Характерно название старинной книги: «Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля». В самом названии заключена мысль о том, что книга адресована читателям: «Вот книга», то есть, - «Вам книга», читайте, узнавайте, понимайте, запоминайте. Идею обращения к людям и сокровенных знаний заключает в себе и корень слова «повесть». Оно в одном ряду с такими словами, как «ведунья», «ведьма», «ведовство», «ведать».

«Повесть»- это не просто рассказ. Это повествование о том, что не всем ведомо, не всем знакомо. «Словарь русского языка XI — XVII веков» называет следующие значения «повести»: объяснение, слово, речь, молва, наставление, описание, указание, образец¹. Вероятно, первые напши писатели видели в летописях не просто погодное повествование. Опираясь на летописные своды, автор XII века назвал свое произведение все-таки *повестью*, придав ему оттенок сакральности. Слово не просто сообщает, оно наставляет, поучает. В традициях летописания в XIX веке составлялись рукописные книги по истории отдельной церкви, отдельного села, конкретной школы. Эту традицию «Пермские епархиальные ведомости» публиковали фрагменты его «Церковной летописи города Кунгура». Создавая «Песковскую летопись», автор посчитал необходимым опереться на местные летописи: церковную и школьную. Где они, сохранились ли? Здесь больше вопросов, чем ответов. Но читатель получил книгу, в которой есть ссылки на те летописи, которые имелись в Песках.

«Песковская летопись» была завершена Е.Д.Золотовым в 1926 году. Она представляет собой часть рукописного наследия краеведа, талантливого, умного и беспокойного человека. К сожалению, труды просветителя не только не исследованы, но еще в полном объеме не обнаружены. Они даже при жизни автора

были рассыпаны по разным хранилищам, переданы и в частные коллекции. В настоящее время предпринят поиск наследия Золотова. Можно порадоваться выходу в Кунгуре его книги «Большая душа. Избранное»².

Краеведческая, в частности, фольклористическая деятельность Е.Д.Золотова связана с культурными традициями бывшего Шадринского уезда. Автор «Песковской летописи» связывает свою работу, культуру ума и сердца с семейным гнездом священнослужителей Флоринских-Кокосовых. В этой семье воспитывались разносторонние интересы, формировались нравственные, творческие личности. Достаточно напомнить, что семейным ее устоям обязан Василий Маркович Флоринский — первый почитатель первого в Сибири университета - Томского, собиратель его уникальной библиотеки. Не затерялось имя Владимира Яковлевича Кокосова - внука М.Я.Флоринского, врача, автора рассказов о жизни на Русском Севере («На Карийской каторге»). Проза В.Я.Кокосова издается и сейчас. Семью Флоринских — Кокосовых отличали интерес к жизни зауральцев, стремление внести в нее новое. Е.Д.Золотов сообщает, что Флоринские завезли в Шадринский уезд яблони, показали пример культурного пчеловодства. Они обучали крестьянских детей грамоте, трудились на земле, занимались хлебопашеством, помогали бедным. Внук М.Я.Флоринского, священник Иван Яковлевич Кокосов, организовал целую сеть сыроваренных заводов, которые действовали и в советское время, принося пользу государству.

Флоринские — Кокосовы были активными собирателями фольклористами. Этот аспект их деятельности только недавно привлек внимание исследователей. Внук М.Я.Флоринского, тоже священнослужитель, Александр Яковлевич Кокосов стационарно записывал фольклор своих прихожан, стремясь запечатлеть наиболее характерное. Его внимание привлекли формы молодежного досуга и послесвадебные обряды. Проблема их внутренней связи стала разрабатываться недавно. Однако А.Я.Кокосов, не вдаваясь в анализ этих явлений, сто пятьдесят лет назад записал фактологию, которая сейчас способствует исследованию обрядовой жизни в ее многогранности и целостности. «Круговые песни в селе Ушаковском» были изданы в 1869 стараниями Русского Императорского Географического общества. Это единственный пример публикации в XIX веке игрищных

крутовых (хороводных и игровых) песен, зафиксированных в одном селе. Архив А.Я. Кокосова еще ждет своего исследователя.

Флоринских-Кокосовых без преувеличения можно назвать просветителями. Они заботились об истории края, вели летописи — церковную и школьную, о них упоминает Е.Золотов. Он видел в семье Флоринских — Кокосовых пример для себя. Ему было разрешено пользоваться их рукописным наследием. В этом отношении Золотов был истинным представителем не только общерусской рукописной книжной традиции. Рукописная традиция была особенно заметной в Сибири. Здесь было принято ссылаться на опыт предшественников, их рукописи.

Что собой представляет работа Е.Д.Золотова? Трудночитаемая рукопись в лист (in folio), объем — 193 страницы. Почерк требует значительных усилий даже просто читателя-любителя. Исследователю нужно вчитаться в каждое слово. Много сил приложила Е.Н.Колесниченко, прочитав эту книгу и подготовив машинописный вариант в соответствии с современной пунктуацией. Дьяческий сын Е.Д. Золотов не имел даже семинарского образования, поэтому орфографических ошибок допускал много. Составители данной хрестоматии исправили явные ошибки (типа карова), но сохранили диалектные формы (брать рукам, баушка, трынь-трава). Надо сказать, для диалектологов Летопись — праздник духа. Со страниц ее льется живая, разговорная, умная и образная речь зауральцев первой трети XX века. Она сохранена полностью как документ конкретного времени и места: «набирали кой-чего», «поскогина», «еще добрые старики» (то есть — крепкие, здоровые), «пекчи хлеб», «в эти месяца», «срезывали колоски» и т.д. Сохранен также авторский принцип датировки событий: сначала год, потом месяц и число: «Помер в 1923 году, апреля 15 в 90 лет». Но рядом с такой формой датировки в рукописи также дается другая — светская: число, месяц, год. Обе формы сохранены. Е.Д.Золотов удивительно чувствовал движение жизни.

Летопись многоголосна. То слышим женщину, то свадебного дружку, то солдат, шагавших в разное время по трудным дорогам, переживших многое, но вернувшихся, к счастью, к родному порогу. Е.Д.Золотов передал их суждения, чувства, речь.

Эмоциональная тональность Летописи многогранна, как сама жизнь: от трагедийного накала до сарказма. Все, изображен-

ное в книге, пронесено через сердце автора — священника, труженика-крестьянина, творческого человека, мастера, краеведа. Перед нами — просветитель, философ, раскрывший свое видение человека и жизнеустройства в самом широком смысле и в конкретике.

Летопись пронизана интересом к человеку как к личности, тайне его рождения и дара жизни, смерти. Особенно показательно осмысление проблемы женщины — дарительницы жизни, воспитательницы, хозяйки дома. Вопреки известной средневековой традиции священник из провинциального села видит в женщине не дьявольский сосуд, а творческую личность. Подчеркнуты внутреннее единство, одаренность, ответственность перед жизнью, постоянное творчество русской женщины. На первый взгляд кажется, что не следует говорить о постоянном творчестве зауральской крестьянки. Какое творчество, когда с утра до вечера забот полон рот? Но вчитаемся в строчки и увидим, что вся ее жизнь — непрерывное творчество, начиная с величайшей тайны — рождения человека. «Самый акт зарождения человека и деторождение... — великое и таинственное. Кто как бы ни думал, но зарождение человека и назначение его есть величайшая тайна, и пренебрежение к этой тайне не может остаться не наказанным» (с.114).

Мотив «творчество женщины» пронизывает Летопись, придает ей глубоко гуманистический пафос. Отсюда громкий голос в защиту матери, жены, человека. Нет у священника дара Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, А.Н.Островского. Однако он по-своему сказал горькую правду о жизни зауральской крестьянки — мудрой, решительной, думающей, ежедневно творящей, но бесправной, придавленной жизненной долей. Гневный крик: «Постыдитесь обижать мать, жену» можно адресовать и нашему времени.

В духе мудрой проповеди напоминает: «А что должно быть в жизни человека выше, дороже, неприкосновеннее, святее матери, которой каждый обязан своим бытием, всеми ласками, уходом, заботам, болезни, понесенным по отношению его. Все это должно бы запечатлеться, запомниться в душе человека на всю жизнь...» (с.113).

Любовь матери — это «величайший акт, движущий всем миром. Из житейской практики известно как любят матери и

недостойных сыновей» (с.114). Золотов посчитал нужным и уместным включить сюжет о неизбывной материнской любви (с.78). В подтверждение этих рассуждений приведены пословицы, песни, предания, отражающие мнение народное.

Сам творческий и беспокойный человек, Е.Д.Золотов вглядывался в те стороны жизни своих земляков, где отчетливо проявлялись поиск, решение, как бы теперь сказали, нестандартных задач. Проявление творчества русских, в том числе и зауральцев, увидел Золотов в организации лада, которому подвержены природа, творение Божие — человек, общественная жизнь, семья, работа. В природе весна приходит на смену зиме, а осень не предшествует весне. Здесь действует лад. По закону лада связаны день и ночь. Человек телесно развивается от рождения (даже раньше) до старости. Развитие своей души он строит сам. Вот здесь важны нравственность и потребность в творчестве. Нарушение лада ведет к разладу, хаосу, трагедии. Примером разлада показана крестьянская жизнь в крае после революции и гражданской войны. Разлад в социальной жизни привел к хаосу в отношениях людей, семье и в душе. Вместо труда, трезвости и зажиточной жизни пришли лень, голод, пьянство, сквернословие, неуважение к человеку. Лад — не частное, не единичное явление, это категория всеобщности. Сбой в одном месте ведет к хаосу в другом.

Летопись беспощадна к разладу. В условиях общественного хаоса разрушаются, по мнению краеведа - писателя, устои семьи, нравственность. Пьянство и сквернословие стали приметой времени. Бесстыдство потесняет и притесняет совесть. Приведенная им статистика бесстрастно подтверждает горестные наблюдения.

В понимании жизни как лада Е.Д.Золотов разделял позиции русских философов. Трудно сказать, как выработывалась эта концепция зауральским священником: шел ли он только от жизни или изучал труды П.А.Флоренского, который писал: «Возьмите народную жизнь, хотя бы причитание над покойником. Тут и польза, и добро, и святость, и слезная красота. Теперь сопоставьте с этим причитанием интеллигентский концерт, и вы сами почувствуете, как он беден содержанием»(3). Имя Флоренского упоминается в Летописи.

Проявлением лада предстает в книге свадьба: в ней все сле-

дует своим чередом, без нарушения общего строя, хотя она тоже оказалась в круте вихрей враждебных.

«Летопись» - сокровищница устного поэтического творчества. Сказки, песни, предания, былички, легенды, пословицы широко вошли в нее. Золотов запечатлел локальное бытование фольклора в конкретное время. В этом состоит неоценимый его вклад в фольклористику.

Книга открыла творческого, наблюдательного, мудрого, сочувственного, пытливого просветителя — зауральца, увидевшего талантливость и трагедию своих трудолюбивых земляков, которых считал солью соли земли. Он не закоснел в прошлом — ни в мышлении, ни в делах, ни в речи. Приглядываясь к зернам добра в новом, призывает земляков развивать, утверждать доброе в страданиях всё то положительное, что облегчает жизнь.

Такой подход к действительности и человеку сблизил Е.Д.Золотова с другим мыслителем, краеведом В.П.Бирюковым, о чем свидетельствует их переписка, впервые представленная читателям. Влияние В.П.Бирюкова на деятельность и содержание Летописи отметил Е.Д.Золотов. Оно заметно читателям. В частности, характерно введение в книгу устных рассказов людей интересных, неповторимых судеб. По подсказке В.П.Бирюкова записаны рассказы зауральцев, оказавшихся в плену в начале XX века. У них как будто одна трудная дорога, но ее извилистость в каждом рассказе уникальна. Уникальны сами рассказчики-зауральцы, земледельцы. Письма выявляют обеспокоенность краеведов-зауральцев, мудрецов, философов судьбами России, Зауралья, проблемами народной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь русского языка XI — XVII веков. — М., 1989. — Вып.15. — С.154.
2. Золотов Е.Д. Боль души.Избранное: Сборник статей / Под ред.О.А. Пеновой.-Кунгур, 2002.-224 с.
3. Флоренский П.А. Сочинения: В 4-х т. — М., 1989.- Т.1. - С.33

В.П.Фёдорова

ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗОЛОТОВ И ЕГО КНИГА

Летопись, как и вообще история, должна быть отражением жизни во всех действиях и проявлениях, как в прошлом, так и в настоящем времени, чтобы следующие поколения, руководясь опытом прошлой жизни, не повторяли прежних ошибок.

Е.Д. Золотов

Вы держите в руках машинописный вариант рукописи Евгения Дмитриевича Золотова, датированный 1926 годом. Первые ощущения от нее были сродни впечатлениям В.Г.Белинского от прочтения повестей Гоголя: «Все сказанное автором есть сущая правда, без всякой примеси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти создания ознаменованы печатью истинного таланта, что они созданы по непреложным законам творчества. Эта простота вымысла, эта нагота действия, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемых автором происшествий суть верные, необманчивые признаки творчества; это поэзия реальная, поэзия жизни действительной, жизни коротко знакомой нам» / 3, 650 /. Работая с рукописью, мы не раз отмечали, как «просто, обыкновенно, естественно и верно, и вместе...оригинально и ново!» /3, 650 / рассказывает Е.Золотов о жизни народа.

Золотов рассуждает о быте и нравах жителей одного села, анализирует их поступки, ищет причины их аморальных действий. Читая его книгу, представляешь, как этот человек, страдающий, быть может, от невозможности высказать наиболее болезненное, просвещенность автора, его заинтересованность в происходящем и изображаемом. Е.Золотов использует новую общественно-политическую лексику (государство, произвол, общественная инициатива), разговорную (кое-как, как-то, худо-пустяки), высокую (ангел Божий, храм, супруг); цитирует произведения русских писателей и философов: Г.И.Успенского, Н.А. Некрасова, В.С. Соловьева /1; 9, 22, 124/.

Книга Е.Д.Золотова знакомит читателей с историческими, этнографическими, фольклорными материалами, неизвестными

ми до сего времени. Многие из этого документа являются уникальными. В рукописи имеются сведения об основании села Пески Шадринского уезда, первых переселенцев, быте, нравах, обрядах и традициях этой местности.

Начинается она с оглавления, в котором указано 79 глав. Главы разбиты по темам: «История села», «История церкви», «Учреждения», «Занятия жителей», «Трудовая жизнь людей разного уровня зажиточности», «Свадебные обычаи», «Воспитание и обучение», «Рассказы и воспоминания бывших на военной службе». В книге есть предисловие и заключение. В предисловии Е.Д.Золотов говорит о целях и задачах рукописи, предназначенной для того, чтобы указать людям на их ошибки. В заключении автор делает выводы, обобщения, подводит итог своим размышлениям.

Рукопись пролежала в архиве почти восемьдесят лет, но сохранила актуальность. Вопросы, интересующие автора, волнуют российское общество сегодня. Почему Россия так много страдает? Религиозны ли русские? Что модно читать? Как стать богатым? Правильно ли мы воспитываем детей? Как встречать праздники? Что нужно делать, чтобы жизнь стала лучше? Какое место в народной жизни обрядов и устного народного творчества? Об этих и многих других проблемах рассуждает Е.Д. Золотов.

Размышляет автор о зауральцах, их менталитете. Выстроена своеобразная концепция человека. Золотов говорит о тех знаковых ценностях человеческой жизни, которые должны быть неизменны во все времена и в любых ситуациях. Золотов стремится заглянуть в духовный мир человека, помочь в формировании еще не сложившегося внутреннего мира молодого человека, указать на недостатки взрослых людей, проступки, совершаемые ими бессознательно или намеренно. Смысл нашего существования Е.Д.Золотов видел в творчестве материальной и духовной культуры. Он считал, что в этом наше бессмертие. Но любой акт предполагает наличие развивающегося духовного мира человека. Достоинства и недостатки человека интересовали Е. Д. Золотова.

Интересна и сама личность автора. Он очень сдержанно, скромно рассказывает о себе, когда ведет разговор об истории церковного причта, говорит о причинах безнравственного пове-

дения песковцев и ставит себя в пример, делает выводы о трудовой жизни односельчан, подводит итоги своим наблюдениям.

Евгений Дмитриевич Золотов - церковнослужитель, фольклорист и этнограф, зрелые годы которого связаны с зауральской землей — современным Катайским районом. Евгений Дмитриевич Золотов, дьяческий сын, родился в селе Степановском Осиновского уезда Пермской губернии в 1852 году 18 января. Обучался в Пермской семинарии и выбыл из первого класса в 1869 году. Поступил на должность псаломщика в 1879 году и служил на таковой 34 года. В 1880 году рукоположен в сан дьякона на вакансии псаломщика в Кунгурском Благовещенском соборе. В 1904 году зачислен в штат дьяконом Черноярского села Кунгурского уезда и почислен в штат в 1909 году. После оставления службы занимался в кооперативах кредитованием товара, сыроварением, переплетом книг, и благодаря этому смог дать своим детям приличное образование /1, 18-19/. Больше ничего не говорится о семье Золотовых. Есть документ, свидетельствующий о том, что автор летописи уходил из села с А.В.Колчаком: «Уехал с белыми по недоразумению, из боязни преследования, как духовное лицо» /1, 18/. В настоящее время ведется работа в архивах с целью разыскать дополнительные материалы о жизни и деятельности Золотова.

Фольклорист по призванию, Евгений Дмитриевич Золотов записал немалое количество фольклорного материала, в том числе и песковскую свадьбу. Высшей ценностью народа, как отметил автор, является создание семьи. Неслучайно этот акт так широко обставлен обрядами, пронизанными поэзией. Золотов верно подметил вовлечение всего села в свадебное действо. Он говорит о том, что каждый мог наблюдать эту свадьбу, мог быть хотя бы зрителем. «Когда жених отправляется к невесте со всем поездом, чтобы ехать в церковь к венцу, то в это время в дом невесты собирается много публики, соседей смотреть свадьбу. Набивается ее до тесноты, так что жених с невестой укрываются только за столом» /1, 92/. Свадьба носила «показной», открытый характер. Любой обряд сакрален, и участие в нем, по наблюдениям Е.Золотова, считалось благотворным, влияющим на каждого. Поэтому на свадьбу приходили, считая ее делом благим, благодатью. Народ воспринимал ее как высшую ценность. Золотов показал сохранность старых обычаев, которая проявилась во всех компонентах свадьбы.

Обряд свадьбы описан так подробно, что, читая о нем, представляешь каждую деталь, каждый жест, слышишь каждое слово участников действия. Вот как Евгений Золотов объясняет стремление передать все подробности обряда: «Никто не посетует на меня, что я с излишними подробностями обрисовал местные свадебные обычаи, тем более, что их начинают уже забывать. А что они местные, передаются из рода в род, доказывают слова «Ирбитская ярморка, колючая боярочка», - и не посмеются над причетом девушки-невесты в ее наивных жалобах и предвидении ожидаемой горькой участи, потери девичей свободы, красоты, здоровья. В причете обрисованы общие переживания, а не единоличные, - эти трудноуловимы, но бывают. В прежнее время никакого другого выхода не было для девушки-крестьянки. Ни воспитание, ни образование, ни понятия, ни сама среда не указывали другого, кроме закрепощения себя в замужество, тем более, что на девушек не полагалось земельного надела, и она считалась в семье лишней обузой» /1, 98/.

Значительную часть рукописи занимают устные рассказы и предания. Интересно, что на каждый сюжет у Золотова есть свое мнение. Часто используются русские пословицы и поговорки. Так, рассказывая о положении женщины в крестьянском быту, он вспоминает пословицу «Муж любит жену здоровую, брат — сестру богатую». Описывая обряд сговора, ссылается на пословицы «Руби дерево по себе», «Бедный сватает — богатому дорогу очищает». В разговоре о первом и втором дне свадьбы называет еще три пословицы: «Кому жениться, тому и ночь коротка», «Не горюй, красавица, что за нас попала, - не мед пить, но горе мыкать», «Да не будет того после бани, что было до бани».

Отношения между супругами в послереволюционные годы, как заметил Золотов, недолго оставались добрыми, дело доходило до развода, и тогда звучала другая пословица: «У бабы волос долог, да ум короток».

С возмущением рассказывая о лентяях-бедняках, Золотов цитирует: «Что пень колотить, то день проводить».

В воспоминаниях старожил о земельных владениях песковцев он привел другую пословицу: «Земля не бревно — никуда не укачишь» /1/.

Ряд пословиц и поговорок, прозвучавших в рукописи, известен, но есть и совсем новые или забытые старые. Кроме ука-

занного фольклорного материала в рукописи можно встретить местную «быль-небыль-побасенку» (термин Золотова) «Харитон и Устинья» о том, как «Харитон постоянно укорял свою жену, что она все дома сидит и плохо помогает ему в полевых работах, и на постель приходит поздно. Надоело Устинье слушать его укоризны, и ушла она на весь день в поле, а мужа вместо себя дома оставила...» /1, 64/. Имеются в рукописной книге и частушки, особенно о послереволюционной жизни.

Таким образом, в книге можно найти частушки нового времени, пословицы, поговорки, былички, предания, рассказы служивых людей, редкие заговоры с обрядными действиями; есть уникальная этнографическая страница проводов в армию. Летопись является документальным свидетельством состояния локальной фольклорной традиции в крае. Тот факт, что Е.Д. Золотов, передавая истории из жизни песковцев, комментирует их разными фольклорными жанрами, говорит том, что он был очень внимательным человеком, вдумчивым, прозорливым, хорошо знал народную жизнь, русский фольклор.

Предметом особого внимания Золотова было обучение и воспитание детей (главы «Церковная школа», «Земская школа», «Детский приют», «Изда-читальня», «Воспитание детей», «Развлечение молодежи»). Сам Золотов не получил должного образования в детстве, потому что отец его был алкоголиком — «Я сам сын алкоголика, но к вину не был пристрастен во всю жизнь, и в этом меня винить нельзя». Его отец не заботился о том, чтобы помочь сыну в жизни. Поэтому Евгений Дмитриевич всю жизнь пробыл в качестве низшего чина причта и имел свое мнение о бедности. Регулярно, нуждаясь в необходимых средствах существования, занимался самообразованием, много читал. Е.Д.Золотов интересен не только как мыслитель, но и как личность практической деятельности. Он — один из людей, укоренившихся в жизнь трезвостью, умом и творчеством. В деревне Черный Яр Пермской губернии Золотов прожил 23 года. Там его занимало ведение сельского хозяйства. Как церковнослужителю, Е.Золотову дана была земля плохая, на никому не нужных участках. Он облагородил церковную землю тем, что самостоятельно расчистил два покоса от мелкого кустарника, сровнял все кочки, осушил болота остановил разрастание оврага, образовавшегося от разлива вешней и дождевой воды. Овраг угрожал уничтожением дороги, и жителям пришлось бы

делать мост через него. Но предприимчивый Е. Золотов сначала загородил этот овраг, присоединил его к своему огороду, завалил его чащей. И таким способом поднял овраг на 3-4 сажени, сравнял с дорогой и засадил овраг ивой, и «вырос на этом месте как бы сад, способствующий укреплению оврага» /1, 190/.

Видя, насколько страдают жители от нехватки медицинских средств для лечения различных заболеваний, он способствовал развитию траволечения в селе. Насадил клевер, тимофеевку, костер, кормовую репу. Для очищения семян клевера, тимофеевки, льна Золотов изобрел при помощи различных сит специальное устройство, которое потом у него купил предприимчивый домохозяин из той же деревни. Изобретенное Золотовым приспособление использовалось потом много лет. Через год «был поставлен крестьянами из соседней деревни и другой зерноочистительный пункт» /1, 191/. Этим же способом Золотов очистил зерно пшеницы, ржи, овса, ячменя, «устроил опытное поле с применением искусственного удобрения и посева улучшенными семенами» /1, 191/, чем достиг отличного урожая. «Все работы производил на свои средства. Никто ни в чем мне не помогал. На другой срок общественники мне эту пашню не дали, говоря, что это место для покотины. Действительно, на опытном поле оказался хороший подножный корм после посева тимофеевки, костра, клевера» /1, 191/.

Не останавливаясь на достигнутом, Золотов устроил для чернорабцев толоконный маслодельный завод, открыл артель, «помог артели получить из кредитного товарищества ссуду на приобретение сепаратора и всех принадлежностей» /1, 191/. Благодаря тому, что постройкой завода и маслодельным производством руководил техник маслоделия и сыроварения, через год перешли на сыроварение. «Сыр в продажу пошел ходко. Число членов артели увеличилось значительно» /1, 192/. Таким образом, Е.Д.Золотов сам поправил свое материальное положение и дал возможность подняться на более высокий уровень жизни большому количеству жителей села.

В 1920 году в феврале месяце поступил псаломщиком в Песковскую церковь. Когда он прибыл в Пески, то предлагал односельчанам заняться сыроварением и маслоделием. Но они не могли согласиться на это предложение, так как не имели понятия о травосеянии, о посадке корнеплодов. А заговорили о корнеплодах жители села только тогда, когда прибыли из Герма-

нии и Австрии военнопленные, участвовавшие в империалистической войне, где им пришлось быть в работниках у иностранных крестьян, занимающихся земледелием (глава «В плену у германцев»).

В Песках Золотов начал «переплетать книги, делать коробки для спичек, под очки, бритвы, соль, сахар, чай и прочая, а летом плел корзинки и работал в сутки 10-12 часов» / 1, 193 /. Он был очень трудолюбивым человеком, ответственным, находчивым.

Его книга интересна четкостью позиции ее составителя. Читатель имеет возможность понять ценностные ориентации краеведа, изучающего местные традиции и обычаи в условиях сложного времени. Задумываясь о формировании духовного мира песковцев, он называл причины проблем жителей села и способы решения многих насущных проблем. Книгу свою он создавал не для самовыражения, а для того, чтобы дать наставления потомкам, людям будущих поколений. Сразу вспоминается Владимир Мономах, князь черниговский, смоленский, переяславский, киевский, автор «Почения...», со словами: «Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться...Бога ради, не ленитесь, молю вас...малым делом можно получить милость Божью» /5,49-51/. О формировании духовного мира человека существует немало литературы. По мнению Н.А.Книгина /4, 11-12/, строение духовного мира человека состоит из пяти уровней, каждый из которых имеет свое название. Также в духовном мире человека имеются стержневые направления: 1 - когнитивные (познавательные) способности; 2 - способности чувствования; 3 - потребности.

На первом уровне возникают исходные условия для формирования духовного мира. Это чисто природный, предсознательный уровень и предродовый. Этот уровень характерен для всего живого /10, 124/.

На втором уровне жизнь понимается как существование. На нем происходит расширение познавательных способностей. Это уже более развитые функции: мышление, знание, язык. Формируются способности созерцания. Сфера чувствования обогащается: появляются более сложные эмоции: любовь, ответственность, долг. Возникает воля, и человек способен переживать себя человеком. Что касается потребностей, то они при-

обретают специфически - человеческие, экзистенциальные черты: познание мира и персонализация, то есть потребность в том, чтобы меня признали личностью, уважали. Здесь возникает духовность как индивидуальная субъективность.

Третий уровень полагается Духом как свободный мир. Возникает социальная память (объективный дух). Формируется сфера социального чувствования (альтруизм, гуманизм, сознание общественного долга). Появляется личность, которая способна быть свободной. Потребности имеют историю, могут развиваться в истории. Возникает самосознание рода, общение, диалог между «Я» и «Ты». Человек переживает себя социокультурным существом. Он устремляется в своих потребностях к объективному Духу — культуре, попадая тем самым, в сферу свободы или выбора. Возникает мир идеальных сущностей, символов, что расширяет область объективного Духа. Созерцание, мышление, чувствование становятся взаимопроникаемыми.

Четвертый уровень. Здесь человек обретает личную свободу. Он способен ориентироваться в нормах и запретах; сознание направляется на ритуал. Здесь смешиваются познания, чувства, потребности. Возникает духовность как мир устремлений к ценностям. Человек отождествляет себя с миром трансцендентным (запредельным), пытается решить проблемы собственного бытия через создание новой системы ценностей.

На пятом уровне сознание устремляется к Абсолюту, к познанию его, слиянию с ним. Это высший пункт нашего развития. Философия стремится познать бесконечное существование, но не слиться с ним. Религия же призывает к тождеству с высшим миропорядком /10, 126/. Здесь и наступает исторический синтез сознания и человеческой духовности. Ценность — это вовлеченная в сферу человеческих интересов и отношений положительная значимость для индивида какого-либо духовно-явления или реального объекта /9, 408/.

Ценность в широком смысле слова — это положительная значимость объектов (чувственных или абстрактных) для человека, их достоинство. В узком смысле под ценностями понимаются абстрактные представления и идеи, выступающие эталонами должного. В соответствии с этим определением чувственные, материальные объекты не являются ценностями, но они тесно связаны с последними, так как выступают в качестве

1.250.868

средств их реализации. К ценностям же относятся, в частности, мир между людьми, жизнь человечества (общечеловеческие ценности); представления о добре и зле, социальной справедливости, свободе, равенстве, правах и обязанностях людей (социально-классовые ценности); о дружбе, о любви, доверии (ценности общения); творчестве, познании истины (ценности деятельности); красоте и безобразии (эстетические ценности); вере и святости (религиозные ценности) /9, 179/. Именно об этом говорится в рукописи Е. Золотова.

Высшей ценностью Е.Золотов считал хорошие отношения между родителями и детьми, супругами, односельчанами. Именно этим можно объяснить наличие в рукописи глав с названиями: «О взаимных отношениях прихожан и духовенства», «Воспитание детей», «Сквернословие», «Воровство», «Алкоголизм и борьба с ним», «Ликвидация безграмотности и безнравственности», «Взгляд на песковцев как бы с высоты птичьего полета», «Стремление песковцев к материальному благополучию» /1/.

В «Заключении» Е.Золотов говорит: «Может быть, меня укорят за то, что я, как духовное лицо, при обсуждении экономического положения бедняков, обвиняю их в нетрезвости, лени, нежелании трудиться, а сам живу трудом других. На это я скажу, что в течение 74-летней жизни в разных местах изучил жизнь бедняков как среди крестьян, так и среди рабочих. Преобладающий их недостаток - это невоздержанность от вина, как наследственная передача от родителей алкоголиков, вследствие чего у них бывают периодические запои, перед которыми они не могут удержаться. Нет у них энергии, сила воли ослаблена, и они тянутся к вину, как к единственной усладе, к единственному утешению, и нет у них желания трудиться, и вместо водки находят в труде удовольствие» /1, 188/.

Неоднократно Золотов акцентирует внимание читателя на то, что «духовное лицо» несет высокую миссию. Он твердо знает обязанности пастыря. Пастырь — это священник, наставник паствы. Священник — православный церковнослужитель, допущенный к самостоятельному ведению богослужения и треб /6, 695; 7, 1193/. Словарь Брокгауза дает другое толкование слова: «священник - название представителя религии, состоящего при храме и совершающего, по силе данной ему благодати священства, все таинства (кроме священства), в храме (литургия другие общественные богослужения) и вне храма (по

домам прихожан, на полях и водных вместилищах), везде, где требуется богослужебная молитва. Священник - совершитель шести таинств церкви (крещения, миропомазания, евхаристии, покаяния, брака и елеосвящения) для всех своих прихожан; он - ближайший учитель своих прихожан, с церковной кафедры в храме, при посещении их домов и при всех встречах в разговорах; он - проповедник религиозных начал жизни, но в то же время канонически обязанный защитник всякого не противного религии и общественному благу знания (напр. медицинско-го, сельскохозяйственного и домоводственного), умственного и нравственного образования и воспитания. Права и обязанности священника подробно излагаются в особой науке о пастырстве, которую будущий пастырь проходит во время своего школьного воспитания, а также в церковных законах и правилах (1891)» / 11 /. Быть может, зная свои обязанности и понимая свою ответственность перед людьми, священнослужитель Золотов постарался стать ближайшим учителем для прихожан.

Ценностью Золотов считал опыт человечества, и на собственном примере стремился доказать самовластие человека. Эту мысль можно найти у старообрядцев, которые считали, что человек самовластен, ответственен за свою судьбу, за свой выбор на жизненном пути. «Так, все происходящее в мире, по версии зауральских старообрядцев, зависит от человека: его нравственности и безнравственности. В этом ключе решался вопрос о начале и конце мира...Только личная воля, личные устремления, личные дела и думы отводят от греха, в какой бы он форме не проявлялся. Таким образом, тезис о личной ответственности за свою жизнь и посмертную судьбу высвечивает не только требовательность двоедан, но и их доверие к личности, которой внушается мысль о внутренних силах, о возможной победе над злом. При этом подчеркивается значение нравственной ответственности человека за судьбу Вселенной» /8, 369/.

В Библии сказано, что Бог создал человека, поместил его в рай, дал разум и определил, что можно, а что нельзя. И только человек, наделенный умом и сердцем, может сделать выбор между добром и злом. Индивид, не имеющий верных жизненных ориентации, разрушает покой в своей душе, теряется в этом мире. Они придают смысл всей жизнедеятельности человека, образует основу его отношения к окружающей действительности и к самому себе. Благодаря ценностям у человека

вырабатывается определенная жизненная позиция, формируются способности к выбору целей и сознательному руководству собственным поведением, преодолению непосредственных побуждений /9, 179/.

Откуда мысль о самовластности человека идет в рукописи Е.Золотова? Может быть, это общая традиция, которая вошла в русский менталитет. Видимо, Евгений Дмитриевич понимал, и что самовластность человека, ответственность за свои поступки - это одна из констант, ценностей жизни. Ценности — необходимое условие формирования человеческой личности. При разрушении ценностных систем личность становится аномальной, деградирует. Когда ценности превалируют, рождается ложное сознание, идеология. Носители ее — люди, которым свойственен догматизм, фанатизм, нравственная глухота (поражает смелость Золотова, который не побоялся говорить об этом в то время, когда рассуждать на такие темы было опасно). Между носителями и целями есть весьма условная и относительная граница. Цели, к которым субъект в своей деятельности стремится приблизиться, но никогда их не достигает, называется идеалами. Идеал вместе с тем обладает всеми признаками ценности. Он есть высшая ценность, определяющая направление и способы общественного или индивидуального развития. Таковы идеалы красоты, человеческого совершенства, общественного устройства. Общественные идеалы выступают как последние основания целей и сила, организующая людей ради решения конкретных, исторически назревших задач. Близки идеалам социальные нормы, хотя и отличаются от них более конкретным, инструментальным характером /9, 181/. Социальная норма — это общепризнанное в данном сообществе средство оценки существующих и складывающихся ситуаций, а также правило их воспроизведения и изменения. Важнейшая функция социальной нормы — регуляция поведения всех членов данного сообщества, характера их взаимоотношений, взаимодействия и общения. Диалектический материализм устанавливает между ценностями и знаниями глубокие, тесные взаимосвязи. Конечно, деятельность человека строится в соответствии с его ценностными установками. Но если они противоречат законам развития внешнего мира, то весьма скоро обнаруживают свою утопическую сущность. Так происходит отбор ценностей. Действительные ценности соответствуют закономерностям внеш-

него мира и содержат знания о нем /9, 181/.

В последнее десятилетие двадцатого века в философской литературе происходил процесс расширения «арсенала» ценностей. Под ценностями стали понимать более широкий круг явлений, чем ранее /2, 276/. Ценности стали восприниматься как нравственные и эстетические идеалы, как любые феномены сознания и даже как объекты из «мира сущего», имеющие ту или иную мировоззренчески-нормативную значимость для субъекта и общества в целом /2,277/.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 Золотов Е.Д. Рукописная книга, 1926 г. ШАКО, д.№887.
- 2 Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник для вузов — М.: ТЕИС, 1996. — 504 с.
- 3 Белинский В.Г. О русской повести и повестях г.Гоголя //Н.В.Гоголь Избранные сочинения. — М. Художественная литература, 1987. - 650 с.
- 4 Книгин Н.А. Проблемы сознания. Томск,1992.- 430 с.
- 5 Поучение Владимира Мономаха. //Русская литература XI-XVIII вв. — М.: Художественная литература, 1988. - 493 с.
- 6 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — М.: «Азъ», 1994. — 907 с.
- 7 Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1989. - 1632 с.
- 8 Федорова В.П. Вопросы мироздания в верованиях старообрядцев Южного Урала // История Курганской области. Т. 4. — Курган, 1998. - 487 с.
- 9 Философия: Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов /под ред.В.Л.Калашникова.-2-е издание-М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. - 384 с.
- 10 Философия: Учебное пособие для студентов ВУЗов / В.Ф.Берков, П.А.Водопьянов, Е.З.Волчек и др. Под общ. Ред. Ю.А.Харина.-3-е изд., доп. и испр.-М.:Тетрасистемс, 2000.-416 с.
- 11 Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. / Интернет.

Е.Н. Колесниченко

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Предисловие	1		
2. Описание местности (отсутствует в рукописи)	2		
3. Первые русские поселенцы (отсутствует в рукописи)	3		
4. Бедствия их	4		
5. Военный колок	5		
6. Земельные владения	5		
7. Образование самостоятельного прихода и постройка церкви	8		
8. Наружное описание храма	10		
9. Внутреннее описание храма	11		
10. Церковная ограда	12		
11. Кладбище и часовни	13		
12. Причт церковный и его обеспечение квартирой, землей и содержанием	13		
13. Священники	14		
14. Дьяконы	15		
15. Дьячки, пономари, псаломщики	18		
16. О взаимных отношениях причта	20		
17. О взаимных отношениях прихожан и духовенства	22		
18. Церковно-приходской совет	23		
19. Гражданское управление	25		
20. Церковная школа	25		
21. Земская школа	26		
22. Детский приют	30		
23. Кооперативы	32		
24. Изба-читальня	33		
25. Медицинская помощь	34		
26. Стихийные бедствия	36		
27. Главное занятие жителей	44		
28. Скотоводство	47		
29. Птицеводство	48		
30. Кролиководство	48		
31. Садоводство	49		
32. Пчеловодство	50		
33. Охотничество	50		
34. Кожевенное производство	50		
35. Мелкие ремесла	51		
36. Вывод о трудовой жизни песковцев	51		
		37. Трудовая жизнь зажиточного домохозяина	52
		38. Трудовая жизнь ниже средней зажиточности	53
		39. Еще жизнь зажиточного	53
		40. Ниже средней зажиточности и ремесленники	54
		41. Жизнь бедняка	55
		42. Жизнь бедной женщины	57
		43. Трудовая жизнь молодой женщины	57
		44. Значение женщины в крестьянском быту	61
		45. Харитон и Устинья	64
		46. Приготовление самогонки одной женщиной, и как эта женщина ослепила другую, плеснув ей в глаза горячей самогонкой	66
		47. Другая слепая	67
		48. Третья слепая	68
		49. Стрельба в девочку	70
		50. Убийство волостного сторожа	71
		51. Искатель	72
		52. Как брали в старину солдат	74
		53. Свадебные обычаи, причеты, песни	79
		54. Свадебные обычаи	91
		55. Воспитание детей	101
		56. Развлечение молодежи	105
		57. Праздники	109
		58. Сквернословие	112
		59. Табакокурение	115
		60. Воровство	119
		61. Строительство жизни и о семейных пределах	121
		62. Несколько слов о праве на землю и о разделении труда	127
		63. Волостной суд	130
		64. Бедность, как она возникла, и как с ней бороться	132
		65. Ведомость «Экономическое положение жителей»	138
		66. Алкоголизм и борьба с ним	140
		67. Ликвидация безграмотности и безнравственности	144
		68. Комитет взаимопомощи	147
		69. Взгляд на песковцев как бы с высоты птичьего полета	150
		70. Стремление песковцев к материальному благополучию	158
		71. Рассказы и воспоминания бывших на военной службе и пленных: Ив. Мих. Чистяков о войне 1877 года	166
		72. В плену у японцев. Рассказ Антропова И.П.	172
		73. В плену у германцев. Рассказ И.В. Чистякова	174

74. Участие в японской войне 1905 года. Федор Павлович Антропов	177
75. В плену у австрийцев. Рассказ Ефима Васильевича Антропова	181
76. В плену у германцев. Рассказ Петра Балина	183
77. В плену у австрийцев. Рассказ Н.И. Чистякова	186
79. Заключение	188

1 стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для составления летописи служили архивные дела Песковской церкви, краткая летопись священника Иоанна Кокосова и рассказы старожилов: как очевидцев происшествий, так и слышавших предания от своих дедов и отцов.

Летопись, как и вообще история, должна быть отражением жизни во всех действиях и проявлениях как в прошлом, так и в настоящем времени, чтобы следующие поколения, руководясь опытом прошлой жизни, не повторяли прежних ошибок.

В настоящее время каждый человек и отдельный домохозяин должны быть проникнуты общностью интересов, и все общество - в устройстве своей жизни, и выступать на борьбу с природой и всеми стихийными бедствиями: засухой, пожарами, эпидемиями и прочим - всем сообща и единственно, и выработанным планом при помощи агронома и других сведущих лиц.

В настоящее время жители могут улучшить свою главную отрасль земства - хлебопашество, но приступают к этому разнобразно: выходят на отруба или на хутора, а кто остался, по-старому. Но это действительной помощи не принесет.

4 стр.

БЕДСТВИЯ ИХ

По преданию, первые поселенцы терпели много бедствий в борьбе за свое существование от зверей и от татар, враждебно настроенных по причине отобранных земель. Татары делали частые набеги на русских, грабили имущество, жгли, убивали

людей, уводили скот, брали в плен женщин. Собравшись «кучей», казаки гнались за ними, отбирали награбленное, отнимали женщин. Из истории известно, что татарские бунты происходили в 1704 году, при правлении Петра I, в 1736 году - в правление Анны Иоановны, в 1741-1762 годах - в правление Елизаветы Петровны, и в 1774 году - в правление Екатерины II.

Казаки были вооружены большей частью пиками, саблями, стрелами, как и татары. В защиту от стрел казаки имели щиты, устраиваемые таким простым и скорым способом: во время походов брали гибкое дерево, загибали полукругом в 4-5 четвертей длины, шириной 5-6 четвертей. Обтягивали коровьей, свиной кожей, вставивши предварительно в полукруги изогнутые поперечины, и получался щит овальной формы, кожа сушилась на огне и была непроницаема для стрел. Для скорого снятия кож практиковался такой способ: с головы и шеи кожа, не разрезаясь, сворачивалась к туловищу, привязывалась веревкой к дереву, на животе коровы вдоль разрезали кожу, а первую веревку привязывали к хвосту лошади и, понукнув ее, моментально снимали кожу.

Стрелы готовили так: древко стрелы - 3/4 аршина длины и толщины 6 1/2 дюйма - к тетеве оправлялось двумя орлиными перьями, а перед ней конец вооружался зазубренным железным лезвием, которое к древку прикреплялось так крепко, обматывалось сырыми кишками вокруг основания, кишки несколько надрезывались; попав в человека, лезвие в нем оставалось и производило отравление /смотри описание Далматовского монастыря/.

5 стр.

ВОЕННЫЙ КОЛОК

Во время походов молодых казаков обучали стрельбе из лука более опытные, причем из умеющих хорошо стрелять: своей стрелой попадали в стрелу, пущенную новичком, и разбивали ее на лету /записано со слов Сергея Ивановича Сукина/.

Со времени пугачевщины в 3 верстах от Песковского села сохранился лесок, который с того времени сохранил название «военный колок». По преданию, в этом колке песковцы отбивали нападения татар. В нем остановились возчики с хлебом на

ночлег, предварительно огородившись в лесу бревнами; татары на них напали, возчики стали отбиваться. Не имея возможности из-за лесу и защиты попадать в возчиков, татары стали пускать свои стрелы кверху, чтобы стрелы попадали в головы возчиков, а эти, во избежание поражения, закрывались кошмами и кожами. Одна женщина, случившаяся в обозе, незаметно от татар выехала из колка на лошади верхом, подала вест в Пески и Катайск (в Катайске была крепость и военная команда), откуда пришла помощь, татар отбили, не допустили до села.

При набегах татары издевались над русскими, убивали мужчин, женщин насиловали и уводили в плен, детей сажали на кол или давили их между огородными жердями, положат рядом 5-6 ребят на нижнюю жердь, придавят другими жердями или сами сядут на жерди и задушат /записано со слов Михаила Ивановича Боженка и Стефана Артемьевича Костоусова/.

6 стр.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ

Жители соседних сел: Ильинского, Ключевского, Черемисского, Першинского и других у песковцев землю стали отбивать. В 1853 году отрезали жителям села Ильинского 1053 десятины. В 1859 году жителям сел: Черемисского, Ключевского, Першинского отрезали 3057 десятин. В том же году песковцами был избран старостой Дмитрий Ефимович Нетунаев. Для ходатайства об этих землях взял он с собой охранную грамоту и отправился в Петербург, где пробыл 3 года, и все хлопотал. Перед тем, как ехать, зашел к своему земляку, Василию Ивановичу Талину, бывшему на военной службе, и передавал, что землю охлопотал всю, но документов никаких не получил, - обещали выслать в Пермь, а сам и домой не воротился. Талин, придя домой со службы, передал слова Нетунаева своим односельчанам.

В 1880-х годах опять был выбран ходатай о земле - Василий Дмитриевич Нетунаев, и отправился он в Петербург разыскивать дело о земле и о пропавшем Дмитрие Нетунаеве, но без хорошего результата воротился домой. На все ходатайства вышло потом решение, что земля переходит во владение жителям соседних сел. А о Дмитрие Нетунаеве пришло в волость изве-

стие, что он помер в лазарете московском.

Много было смуты, вражды, драки у песковцев с крестьянами, к которым отошла земля. Песковцы осенью перепахали свои пашни на пары, а весной бросились все сеять, т.к. других паров не было. Никто из начальства заблаговременно не разъяснил, как поступить с перепаханной землей, и весной произошла междоусобица. Выходили стена на стену толпами, кто с колом, кто с поленом, иные привязывали к кнуту бороний зуб и дрались, кто на лошади, кто пешком. Много было увечий. Старожилы рассказывают, что можно было отстоять часть земли, если бы задарили кого следует. И загадка была

7 стр.

загадана нужным человеком старосте сельскому, Левану Федосеевичу Баженову: «Затворы-то затворите, тогда и земля будет вечно ваша». Но староста не обратил внимания на загадку, хотя и деньги были готовы, он думал свое: « Земля не бревно — пикуда не укадишь», и продержал деньги в кармане. А противники дарили.

В 1890-х годах песковцы добровольно отказались от дальних пашен и покосов с лесом в размере 4000 десятин на Бильчике, Баташевом, Мараевом озерах, за лесом по причине отдаленности от села и в надежде, что, отдавая дальние земли, могут вернуть удворные пашни. Земский начальник предупреждал их, чтобы наперед охлопотали назад отобранные удворные пашни, а потом отказывались бы от дальних пашен, но общественники не послушались. В 1893 году снова были избраны уполномоченные для ходатайства о возврате удворных пашен — П.Т.Снегирев и В.А. Лешиков. Подавали и на высочайшее имя, но ничего не добились.

Замечательно в земельном деле следующее: в течение сорока лет время от времени отбирают от песковцев свыше 4000 десятин земли, и все общество оказывается беспомощным. Из рассказов старожилых выяснилось, что никто не надоумил их заблаговременно посоветоваться с кем-либо из опытных людей в уездном или губернском городе, что нужно сделать, чтобы отстоять хотя бы часть удворной земли, не пожалеть и денег на расходы, как они ничем не жалели уполномоченным. А на мес-

те были деятели, волостные писари, которые заботились о своих интересах и помогали противной стороне. Но всего более поразительно, что они отказывались от дальних пашен и покосов с лесом в 1890 году.

А тот отказ совпал с голодным бедствием 1891 года, и главную роль в этом имела беднота, для которой дальние пашни были неподручны за неимением рабочих лошадей, и накопилось много недоимок, которые нечем было платить.

Несогласных было от 18 до 20 домохозяев.

Всей земли у песковцев к наставшему времени наберется: пашни, покосов леса 5641 десятина, 174 квадратных сажень, усадебной - 70 десятин. На землю имеется план, утвержденный 21 февраля 1917 года. На каждую душу причитается 1 десятина 18 сажень пашни и по 9 сажень покосов.

У чусовцев: усадебной земли 44 десятины, пашни 1509 десятин, покосов 874 десятины, выгону 513 десятин, лесу 328 десятин, всего 3208 десятин, плана нет /записано со слов Петра Тимофеевича Снегирева и Козьмы Мироновича Божкова/.

8 стр. ПОСТРОЙКА ЦЕРКВИ

Образование самостоятельного православного религиозного общества.

Жители деревень Пески и Чусовой состояли приходом в Китайских церквях: Богоявленской, Троицкой и села Ильинского. В этих деревнях в 1836 году числилось 759 душ мужского пола и 852 женского пола. Богоявленская и Троицкая церкви находились в 10 верстах за рекой Исетью, которая весной мешала проходу по причине разлива, почему они и вознамерились отделиться приходом и построить свою церковь. В 1836 году, апреля 27 дня, они, собравшись в числе 127 домохозяев, постановили общественный приговор и положили начало православного религиозного общества.

1836 года мая 18 дня уполномоченные прихожане: Савва Осипович Божков, Ефим Лазаревич Чистяков подали прошение Преосвященному Аркадию Архиепископу Пермскому об открытии самостоятельного прихода и постройке Кашинной церкви, с представлением плана и приговора, в котором выяснены

были следующие условия: строить храм на собственные средства и при помощи добровольных пожертвований. Для начала было приготовлено 117 т. кирпича и денег 3000 руб., а на дальнейшую стройку обязались вносить с каждой десятины посеянного хлеба на своих пашнях по одному рублю с десятины (700-800 домохозяев ежегодно засевали около 3000 десятин), кроме того, изготовить кирпича на всю стройку. В 1837 году, апреля 5 дня Святой Синод разрешил постройку храма, и в июле того же года Далматовского монастыря Игумен Павел по благословению Преосвященного Аркадия совершил заложение церкви.

В 1837 году, июня 2 дня строителями Ефимом Лазаревичем Чистяковым, Яковом Дмитриевичем Балиным и Иваном Прокопиевичем Чистяковым был закончен контракт на постройку храма с крестьянами Матвеем Андреевичем Гусевым на следующих условиях: приступить к работе за будкою и кладкою в нынешнее лето — искусно, прочно, не отступая плана и фасада, и кончить в 6 лет, т.е. будущего 1842 года. Все материалы обязано приготовить общество. Ушаты, ведра, шайки, гвозди, лопатки, квартира с отоплением должны быть на средства Гусева. За работу получать Гусеву за каждую тысячу кирпича и за выдутку фундамента с каждой сажени и за колонны по 7 рублей и 50 копеек и 20 фунтов муки, за карнизы - по 1 рублю с сажени.

9 стр.

На постройку церкви разрешено было отпустить леса из Каменской дачи бесплатно 800 деревьев. Место под церковь было отведено на участке Ивана Михайловича Антропова. План местности чертил Шадринский уездный землемер Ласкин, а план церкви - член Пермской губернской комиссии Константин Золотавин в 1836 году.

Старожилы рассказывают, что строители храма: Ефим Лазаревич Чистяков, Яков Дмитриевич Балин и Иван Прокопиевич Чистяков так были воодушевлены, возвышенно настроены, близко приняли к сердцу это дело (где сокровище ваше, там и сердце ваше), что постоянно днем и ночью думали о храме и видели его во сне, и днем он им мерещился (передавал Иван Михайлович Антропов).

В настоящее время при умножившемся безверии и отрицании Бога стремление песковцев устроить храм кажется напрасной тратой времени и средств, и высказывается пожелание в храме устроить театр. По учению коммунизма, всякая религия, как пережитый предрассудок и суеверие, вредна крестьянству и рабочему классу, являлась в то же время поддержкой неравенства и рабской покорности трудящихся, что никакие сверхъестественные силы не оказывают действия на общественное развитие. (Азбука коммунизма. Издание 1919 года Бухарина и Преображенского, стр. 134).

Да позволено будет в силу Декрета о свободе совести от 23 января 1918 года высказать и свое мнение, что такой отзыв ошибочен и неоснователен, что религия не мешает достижению материального благополучия, что человеку нужна не одна сытость, но и стремление к Высшему, и в доказательство привести слова (и полную убежденность в существовании Бога и всеобщее воскресение мертвых) человека независимого, не заинтересованного в жречестве культа, высокообразованного, философа, публициста Владислава Сергеевича Соловьева в его полном собрании сочинений, издательства «Общественная польза»:

«Пусть гибнет все, что правды не выносит,
Но сохраним же вечности зарок,
За то, что, дух, бессмертный просит,
Что явно обещал бессмертный Бог».

10 стр. НАРУЖНОЕ ОПИСАНИЕ ХРАМА

Строители храма и все прихожане, желая совершать богослужение в своей церкви, не выжидая шестилетнего срока, (чтобы ускорить постройку, прихожане помогали каменщикам в работе: месили известку, носили кирпичи, строили леса и проч. даже девочки 12-13 лет носили кирпичи на церковь по своим силам). Такая торопливость отозвалась неблагоприятно на прочности храма, впоследствии в куполе трапезы образовались трещины до нижних окон на север и юг. Также и главная арка имеет трещину, и железные связи в ней лопнули 1923 г., в августе месяце, и заменены новыми. Вознамерились в трапезе уст-

роить придел в честь великомученика Георгия, освященный 23 октября 1838 года, к этому времени был назначен и священник о.Марк Флоринский с причтом.

Церковь одноэтажная в стиле ампир, оштукатурена, покрыта железом, и крыша окрашена малахитом. Главный купол в три яруса, четырехугольный, основан на стенах и арке, сверху купола глухой фонарь, на верху которого пустая деревянная маковица, крест на ней железный, покрыт листовым золотом. Алтарь четырехугольный, колокольня в три яруса, средний ярус четырехугольный с 4 олухами, третий восьмигранный с фальшивыми окнами на нем, полукруглый купол, и на этом деревянный шпиль, покрытый белым железом, на шпиле железный крест, покрытый червонным золотом. Под колокольной помещаются: паперть, кладовая, сторожка, ход на колокольню. Колокола помещаются в среднем ярусе, всего их 7.

Первый весом 127 пудов 23 фунта в 5 ярусов, на нем рельефная надпись: «Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их. Отлит в заводе племянницы Николая Алектovichа Бакулева - Любви Николаевны Куренковой». Приобретен в 1904 году, 20 апреля.

11 стр. ВНУТРЕННЕЕ ОПИСАНИЕ ХРАМА

2-ой весом 61 пуд, 6 фунтов, в 5 ярусов, на нем рельефная надпись: «Благовестите день от дне спасения Бога нашего. Господи возвах к тебе услыши мя. Гласом моим ко Господу возвах и гласом моим ко господу помолимся. Сей колокол отлит для храма Казанской иконы Божией Матери в селе Песковском купцом Иваном Киняковым».

В 1884 году этот колокол перелит из расколотого колокола в 50 пудов, 30 фунтов. 1840, марта 15 в Екатеринбурге купцом Алектотом Тетеныным за 2182 рублей 25 копеек серебром.

Третий весом 10 пудов, 28 фунтов; четвертый — 4 пуда, 30 фунтов; пятый — 2 пуда, 30 фунтов; шестой — 1 пуд, 10 фунтов; седьмой — 30 фунтов.

Из храма три выхода: на запад, север, юг; два последних выхода с восьмью коринфскими колоннами, во всем храме 29 окон с двойными рамами, нижний ряд с железными решетками. Вся церковь с колокольной и алтарем занимает простран-

ства — длины 18 сажень, ширины 6 сажень, 6 аршин. И вышины (колокольня) 18 сажень, 3/4 аршина.

Внутренность храма состоит из 4 частей: паперти, трапезы, главного храма и алтаря. Храм состоял из двух приделов. Главный (холодный) в честь Казанской иконы Божией Матери, освящен 1851 г., в мае. Храм придельный в честь Великомученика Георгия. Помещавшийся в трапезе храма алтарь выдвигался в главный храм полукругом. В 1914 г. этот придел и алтарь были упразднены, и главный храм соединен с трапезой при высоте главной арки. В трапезе свод коробовый, стены окрашены масляной краской; в куполе хорошая живопись, написанная в 1882 году. В общем, внутри храм величественный, пространный, светлый, с хорошим резонансом, без колонн и столбов, но скучно украшен, хотя и имеется живопись, но ничем не отличается, написана в 1882 г. В главном храме купол коробовый, стены окрашены клеевой краской. Иконостас сработан в 1847 году, с марта 27 московским мастером Алексеем Даниловичем Голышевым, жившем в Екатеринбурге, за 1000 рублей серебром. В нижнем ставе иконы писаны московскими мастерами, а остальные писаны в Екатеринбурге, всех икон до тридцати.

12 стр.

Иконостас четырехставный из соснового дерева, гладь его оклеена толем и вызолочена червонным золотом на гульфарту, а колонны, пилястры — резьба, царские врата (резные) и громадная корона над царскими вратами. Иконостас величественной, чистой отделки — в нем выделяются коринфские колонны (всего 8), каждая пара которых завершается полукругом, и над каждой колонной устроены пилястры. Алтарь четырехугольный с коробовым сводом, четырехугольный, стены окрашены клеевой краской, имеется стенная живопись с 1882 г. Снаружи храм очень красив.

Замечательные иконы в церкви:

1. Снимок с Сикстинской иконы Божией Матери Рафаэля написан на полотне, длиной 4 аршина, шириной 3 аршина. В золоченой раме, пожертвованной в 1864 году попечителем Сибирского Учредительного округа, доктором Петербургской хи-

ругической Академии Василием Марковичем Флоринским, помещается в алтаре на горнем месте.

2. Икона Казанской Божией Матери длиной 1,5 аршина, шириной 1 аршин древней иконнической живописи помещается за правым клиросом. Икону эту принес из Казани Феохтист Костоусов для часовни, которая задолго до постройки, находилась в Песках (передавал Сергей Иванович Сукин).

3. Деревянный большой крест с предстоящими Божией Матери и Иоанна Богослова привезен откуда-то Феохтистом Костоусовым, помещается в трапезе, вышины 3 аршина без постава, хорошей живописи.

ЦЕРКОВНАЯ ОГРАДА

Вокруг церкви с 1874 г. устроена каменная ограда вместо бывшей деревянной, с железными решетками в мраморных столбиках, решетки окрашены малахитом, скаты ограды крыты железом. На западной стороне ограды по углам сложили 2 каменных колеи, покрыты железом, в них помещалась земская школа до 1886 года.

13 стр. КЛАДБИЩА И ЧАСОВНИ

Между столбами кованые железные ворота, окрашены малахитом, средние ворота двухстворчатые. На северной стороне также одностворчатые ворота.

В церковной ограде имеется кладбище с немногими могилами. Первое кладбище находилось задолго до постройки церкви у часовни на восток от села, на том месте, где ныне находятся усадьба и дом Михаила Константиновича Столбова.

Второе кладбище, отведенное во время постройки церкви, находится в полуверсте от церкви на запад, при кладбище — каменная часовня, построена Трофимом Филипповичем Балиным в 1899 году в честь Федосия Черниговского.

В версте от села на юго-восток построена другая часовня в 1892 г. Иваном Петровичем Балиным в честь Скорбящей Божией Матери. Третья часовня в деревне Чусовой построена 1903 году в честь Иконы Божией Матери «Умиления».

ПРИЧТ ЦЕРКОВНЫЙ И ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ КВАРТИРОЙ, ЗЕМЛЕЙ И СОДЕРЖАНИЕМ

При образовании прихода причт состоял из священника, дьякона, дьячка, пономаря. В 1874 году штат был сокращен, остался священник, псаломщик. В 1836 году при возникновении самостоятельного прихода по приговору общества на содержание причта было положено с каждого прихожанина от 18 до 60 лет, священнику по 1 пуду, 15 фунтов зерна, дьякону — 1 пуд, причетникам по 30 фунтов, просфорне по 10 фунтов. Но условие это не выполнялось. В 1859 году священник получал «руж» с венца 1 пуд и причетники по 20 фунтов, но и это условие не выполнялось, пользовались добровольным сбором хлеба. Жалования от казны было положено в 1856 году священнику 105 рублей 84 копейки; дьячку 35 рублей 28 копеек, пономарю 23 рубля 52 копейки. Братского дохода высуживали от 200 рублей до 300 рублей в год. В 1838 году пашни от песковцев было отведено 99 десятин и от чусовцев покосов 9 десятин. Пашня была отведена на спорной земле и со временем не была укреплена за причтом.

14 стр.

В 1866 году снова было нарезано земли от песковцев 40, 5 десятин, которые и были в пользовании причта до 1916 года. Члены причта сами вели хозяйство на земле.

С 1839 года дома у священника и дьякона были собственные. В 1885 году церковь приобрела дом покойного священника Марк Флоринского под квартиру для священника. Перестроен, значительно расширен, причем было израсходовано церковных денег 1721 рубль 26 копеек.

В 1889 году был пожертвован крестьянином Иваном Михайловичем Частиковым пятистенный дом в церковь. С разрешения Епархиального начальства, перевезен на церковную усадьбу, причем было израсходовано 300 рублей церковных денег. Был еще третий дом на церковной усадьбе, в котором проживала просфорня.

СВЯЩЕННИКИ

Отец Марк Яковлевич Флоринский родился 1799 году, 23 апреля, сын диакона, обучался в высшем отделении Владимирского уездного училища. В 1820 году рукоположен в сан диакона в село Фроловское. В 1838 году поступил в Пермскую Епархию и 30 июня рукоположен к Катайской церкви священником и тогда же переведен к Песковской церкви. По словам старожил, о.Марк был хороший священник, доступный для прихожан и обходительный. Также и матушка его, Мария Андреевна. Оба помогали бедным, занимались хлебопашеством, засевали по 20-25 десятин земли, имели 4-5 рабочих лошадей, 4-5 дойных коров. Первыми завели в Песках плодовое и ягодное садоводство на церковной усадьбе; от них заимствовали садоводство и местные жители. Семейство имел большое: 4 сыновей и 2 дочери. Всем дали хорошее образование. За 30 лет вел службу и как строитель, не имел никаких наград от духовного начальства. Зачислен за штат в сентябре 1867 года; пенсии получал 90 рублей в год. Скончался 70-ти лет 19 февраля 1872 года, похоронен в церковной ограде Песковской церкви.

15 стр.

Священник Семен Маркович Флоринский родился в селе Песковском, обучался в семинариях: Пермской, Тобольской, а кончил курс в Петербургской в 1867 году. И того же года, 21 ноября, рукоположен во священника Песковской церкви. Но знавшие отца прихожане им были не довольны, и ссорился он с мелким сельским начальством, почему и был принужден в 1877 году переехать в село Скатинское, поменявшись с его священником Иваном Кокосовым.

Священник Иван Яковлевич Кокосов, священнический сын, кончил курс в Пермской семинарии, к этой церкви причислен. Кокосов был деятельный человек. Заботился об устройстве и благополучии храма. При нем была возведена каменная церковная ограда, произведен капитальный ремонт церкви снаружи, заведено 2 больших колокола. Внутри церковь украшена отменной живописью, приобретено и перестроено два церков-

ных дома; также принимал немалое участие в постройке земской школы и детского приюта. Семейство имел большое: 6 сыновей и 2 дочерей, которым дал хорошее образование; хозяйством занимался в больших объемах: засеивал пашни по 25-30 десятин, держал 8-10 рабочих лошадей, дойных коров 5-6. Имел награды и благодарность за свое служение и законоучительство, начиная с набедренников и кончая орденами Анны 3-ей степени и наперстник крестиком.

Был благочинным, характер имел вспыльчивый, но отходчивый, как священник был строгий с прихожанами. Матушка его - Александра Николаевна - была трудолюбива, много занималась по домашнему хозяйству и по уходу за садом. Он организовал целую сеть сыроваренных заводов, приносящих теперь громадную пользу государству. Его рукописи о местном крае и вообще Кунгурском уезде вызывали общее внимание и интерес культурных организаций.

16 стр.

ДЬЯЧКИ, ПОНОМАРИ, ПСАЛОМЩИКИ

Павел Михайлович Ундольский, дьяческий сын, определен к Песковской церкви 1838 года 19-ти лет.

Алексей Павлович Ставровский, из высшего отделения Пермского уездного училища. Определен 7 октября 1839 года 17-лет. Григорий Стефанович Прибылев, священнический сын, из нижнего отделения Пермской духовной семинарии. Определен в 1841 году, 13 октября.

Петр Николаевич Ладыжников, дьяконский сын, из высшего отделения Далматовского духовного училища, 19-ти лет определен к сей церкви 1843 года, марта 27. Утонул в сентябре 1860 года во время купания в реке Тече.

Павел Петрович Ладыжников, из высшего отделения Далматовского духовного училища. По просьбе матери определен на место отца 18 октября 1860 года. Характер имел строитивый, выпивал. Как рассказывали старожилы, в нетрезвом виде был жесток по отношению к жене и детям, с прихожанами ссорился. По службе был исполнительный, умер 15 апреля 1905 года.

18 стр.

ДЬЯКОНЫ

Андрей Семенович Фелицин, из Владимирской губернии перевелся в Пермскую епархию 1838 году, тогда же рукоположен в сан дьякона и переведен к Песковской церкви. Был многосемейный, имел 6 детей.

Василий Павлович Федоров, священнический сын, поступил сюда 17-ти лет, в 1847 году. В 1861 году рукоположен в сан дьякона на дьяческой вакансии, и с того же года 4 октября начал обучать в своем доме крестьянских детей грамоте. Занимался до открытия земской школы.

Евгений Димитриевич Золотов, дьяческий сын, родился в селе Степановском Осинского уезда Пермской губернии 18 января 1852 года. Обучался в Пермской семинарии и выбыл из 1-го класса в 1869 году. Поступил на должность псаломщика в 1870 году и служил на таковой 34 года.

В 1880 году рукоположен в сан дьякона на вакансии псаломщика Кунгурскому Благовещенскому собору. В 1904 году зачислен штатным дьяконом Черноярского села Кунгурского уезда и зачислен в заштат в 1909 году. По оставлении службы занимался в кооперативах (кредитном товариществе и сыроваренной артели) и переплетом книг. В Черном Яру прожил 23 года. В 1920 году, в феврале месяце поступил псаломщиком в Песковскую церковь. Партийные лица отнесли к нему подозрительно, и Песковский волостной военкомат навел справку, на которую Черноярский исполком от 20 августа 1920 года за №1890 ответил следующее: « На ваше отношение от 1/3 с.г. за №124 Черноярский волостной исполком сообщает, что Золотов проживал в Черном Яру заштатным дьяконом и уехал с белыми по недоразумению из боязни преследования, как духовное лицо. Был идейным работником в деле просвещения народа, в особенности сельского хозяйства, в частности, много работал для граждан черноярских по улучшению ведения скотоводства и земледелия».

20 стр.

Псалтырщик Василий Семенович Беляев, 19-ти лет поступил 1873 года, мая 22 числа.

Николай Лаврентьевич Горяев родился в октябре 1879 года, священничествовавший из 1-го класса Пермской духовной семинарии, поступил к сей церкви 1905 года, мая 30, и того же года переведен в село Травянское.

Андрей Лаврентьев Богомолов, сын дьякона, родился в селе Катайском 1 октября 1885 года, поступил к сей церкви в 1908 году, мая 2 дня. Во время переворота уезжал с белыми.

О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРИЧТА

Какими были отношения священника к низшим членам причта, из рассказов старожил не выяснилось, и нет никаких дел в архиве, характеризующих эти отношения. Но, зная вообще из прошлой жизни, что члены низшего причта выходили из духовных училищ с самыми малыми знаниями, где и учились они механически. Их не развивали, не воспитывали, не укрепляли ни волю, ни характер, не приучали к чтению книг, не давали никаких практических знаний, выпускали многих до получения дальнейшего образования как безнадежных неудачников, для которых была одна дорога — идти в солдаты или поступать на низкие должности церковных служителей. И они сложили про себя антифон на 4 гласа: «От юности моя, не имея разума остра токмо в било бити и кадило разжигати. Сим же образом пребываю до сего дня». (В доброе старое время из недоучившихся в духовном училище к церкви назначались звонари, причетники, пономари, обязанность которых состояла: звонить на колокольне во время службы в известное время, в храме разжигать и подавать кадило, выносить подсвечники и помогать священнику).

21 стр.

Со временем реформ в духовном ведомстве в 1880 — х годах пономари и причетники упразднены, и на их место назна-

чались псаломщики с большим разбором и экзаменами, и помимо отправления церковных служб вели все церковное животноводство, а потом обучали в церковных школах, вели беседы с прихожанами в церквах, но к ним остались прежние отношения, ставящие их на низшую ступень общественной жизни.

Священники же были с преимущественно семинарским образованием и относились к низшим членам причта свысока, не допускали с ними фамильярности, дружественных отношений, и в силу этого и причт держал себя приниженно, заискивающе, не высказывая своего мнения, суждения и раболепно выполнял все, что ни скажет священник. С детства припоминаю, как дьячки и пономари относились к священникам. Доводилось ему (пономарю) идти в дом священника, то еще дома он со страхом собирался идти и дорогой шел не обычно, а как бы сторбившись приниженно, и, придя в дом, не садился, а стоял, дожидаясь выхода священника, и его не приглашали садиться, и при всяком обращении к нему священника кланялся. Прием ему всегда был в кухне, где белье стирают и телята живут, и прислуга с насмешкой смотрит. И матушки бывали тоже высокомерны, к причту относились покровительственно.

Бывали, конечно, исключения.

И пред судом духовным в большинстве были всегда виноваты. «У сильного всегда бессильный виноват». Да и преосвященные часто давали большие полномочия священникам по отношению к причту. Например, по указу консистории низкий член причта не может быть

22 стр.

переведен в другое место без суда и следствия. Но бывало, что по частной жалобе священника на псаломщика этого последнего преосвященство переводило на другой приход без всякого объяснения. Такие случаи были 6-7 лет назад.

В общем, члены низшего причта, забиты, принижены, бесправны. Даже на собраниях духовенства на благочиннических съездах раньше не бывало равенства. Священники пользовались при закрытых баллотировках 4 шарами, дьяконы - 2-мя, а псаломщики — 1. И это бесправие низших чинов причта продолжается в церковноприходском отличии: мнение псаломщи-

ка или дьякона во многих случаях в церковноприходских ответах игнорируется. Даже просьбы, нужды, пожелания, не приносящие никому никакого ущерба, но просьбы эти как облегчение, связанное с исполнением служебной обязанности, не только не исполняются, игнорируются, но подчас высмеиваются, сопровождаются издевательствами.

О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРИЧТА И ДУХОВЕНСТВА

«Будьте мудры как змея, и чисты, как голуби». И эти слова спасителя ни к кому так не относятся, как к духовенству, а притязаний к нему прихожан и всех кого угодно предьявляется много и как к служителям церкви и как вообще людям, в особенности к священнику. А каково его положение и каков почет «попу», ярко и образно представил Некрасов в своих стихах: «Кому хорошо, вольготно живет на Руси».

Остается прибавить отношения прихожан к священнику — как к служителю Божию при совершении (обрядов) таинств и богослужении и как вообще к человеку. В первом отношении священник почитается как ангел Божий, во втором отношении

23 стр.

при житейских столкновениях, зависимости от прихожан в материальном отношении, при постоянном обращении к ним со своими нуждами во время сбора различных продуктов питания для священника в высшей степени понижается, и отношение к нему бывает другое, и прихожане начинают сознавать себя господами положения, теряют к нему уважение, неделикатны, в суждениях о нем между собой не стесняются, выражаясь: «Без попа, как без поганого ведра». Ни в каком сословии нет такой зависимости от людей, как в положении духовенства и в среде своего прихода. А на стороне, на железнодорожных, паровозных станциях и вообще публичных местах ни к кому так запанибрата не относятся как к духовному лицу. Часто — рабочие люди, крестьяне или из купечества — «навеседе» — начинают заводить разговор с незнакомым священником

или псалтырьщиком в шутовском тоне и, подхватив под руку, обращается с предложением: «А что, отец, не выпьем ли по единой?»

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКОЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ЦЕРКОВНОПРИХОДСКОЙ СОВЕТ

По указу Екатеринбургский Духовной консистории 17 января 1907 года открыто 25 марта Церковноприходское попечительство при церкви и через несколько годов преобразовано в церковноприходской Совет. В настоящее время

24 стр.

Совет имеет первостепенное значение в приходской жизни, и правительственные учреждения за всяким делом обращаются к нему.

От 4 июля 1923 года за № 3012. Епархиальным начальством приходскому Совету поручено производить допрос и расследование по прошениям лиц, желающих расторгнуть церковный брак. В виду рассмотрения браков гражданским судом не только по вине которого либо из супругов, но даже и по взаимному согласию, а иногда и по одному единственному желанию одного из супругов, и церковный брак разрушается как не признаваемый правительственной властью. Но все же церковный брак для многих желателен. Поступает много прощений от прихожан к епархиальным властям как о расторжении прежнего церковного брака, так и о вступлении в другой брак. Для скорейшего разрешения и поручено Совету на местах произвести расследование по просьбе желающих. Получив заявление, Совет посылает обоим супругам повестки, когда нужно явиться в храм и привести от себя двух свидетелей в назначенное число не из родственников. В положенном составе (5-6 человек) Совет убедительно предлагает супругам не разводиться, не нарушать совместной брачной жизни, а в случае несогласия приступать к разводному делу, допрашивают супругов и их свидетелей, внося их показания в протокол со своеручной подписью

ЗЕМСКАЯ ШКОЛА

Открыта была 4 марта 1876 года по приговору общества, обещавшего дать отопление и сторожа, открыть земское училище, помещавшееся в двух каменных церковных кельях. 1886 года, в октябре, школа переведена в отстроенное для училища здание, для которого общество пожертвовало хлебозапасные амбары, стоившие 250 рублей, а земство дало субсидию 500 рублей. В октябре 1908 года отстроено другое здание для школы, белое, просторное, имеющее три класса, раздевальню, учительскую комнату, но без квартир для учительского персонала. Школа строилась на средства земства, ассигновавшего 7500 рублей, занятия начались в ней с 8 января 1909 года.

С 1878 года по 1910 год в Песковской школе кончило курс 398 человек, 330 мальчиков и 68 девочек; всех поступивших за это время было 425 мальчиков и 185 девочек, недоучившихся 95 мальчиков, 117 девочек.

В голодный 1911-1912 г. при школе с 12 января 1912 г. была открыта столовая для детей на счет благотворительного общества при Шадринском земстве. Столовая помещалась во флигеле при церковном доме на 8 человек, половина на средства Шадринского благотворительного общества, половина — на средства братьев Вахрашевых — Ипполита и Елисея Федоровичей — и других лиц города Ярославля, выславших ежемесячно по 50 рублей. Дети получали в 12 часов 1/2 фунта хлеба и суп / Школьная летопись/.

Хотя школа просуществовала 50 лет, но на жизнь населения не оказала заметного влияния вследствие того, что ученики, проучившиеся 3-4 зимы, порывали связь со школой и скоро все забывали: дисциплину, как вести себя вне дома, а домашняя и общая среда сразу поглощала их и глушила все, что там они усвоили. Лучшее доказательство тому, что бывшие школьники, в настоящее время - деды,

под своими показаниями. Бывали случаи, что после увещания супруги сходились для дальнейшей совместной жизни. Положенный протокол, подписанный членами Совета с выражением заключения, выдается просителю, который от себя с прошением и обращается о разрешении на вступление в другой брак. Это упрощает и ускоряет дело.

25 стр.

УПРАВЛЕНИЕ

Песковский приход состоял в Петропавловской волости, а на месте находилась сельская управа. С 1869 года образовалась самостоятельная волость. С 1918 года во главе управления стал Исполнительный Комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, или сокращенно Исполком и в деревне Чусовой - сельский совет.

С января 1924 года Исполком управления Пески с деревней Чусовой присоединились к Катайской волости, а на месте образовался сельский совет для обеих деревень, и в Совете регистрировали и рождение, и браки.

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА

От 16 июня 1830 года за № 2995 Шадринское Окружное управление обратилось к шадринскому духовенству с предложением относительно обучения крестьянских детей в своих домах или особо наемных помещениях. Расходы на это обучение должны быть отнесены на остаток училищных сумм по губерниям. В силу этого предложения с 4 октября 1861 года открылась церковная школа в Песках. Детей обучал в своем доме диакон Василий Павлович Федоров на первый раз бесплатно. Школа существовала до открытия земства. По рассказам старожилов, до школы дети учились у солдат, пришедших со службы, да у монахов, державших у себя на дому 2-3 учеников (Церковный архив. Других сведений об этой школе не сохранилось).

обучить их выделывать торф, но они не пожелали. Где он теперь находится, не известно.

2. Стефан Федорович Лесников, учился в шадринской сельскохозяйственной школе, на шадринских учительских курсах 2 года, на готовом содержании, получив звание учителя. Служит учителем в с. Лобановском. Теперь ему 34 года.

3. Михаил Стефанович Сукин кончил курс в своей школе в 1912 году. И в следующем году поступил в Катайское высшее начальное училище на своем содержании, учился 4 года и поступил в Шадринскую ученую семинарию как стипендиат, но учения не кончил, был мобилизован. Состоит учителем в Песковской школе.

4. Тот же учебный и военный стаж прошел Павел Филиппович Ваторонин.

5. Стефанида Даниловна Снегирева кончила учение в 1910 г., училась в Катайске и Шадринской гимназии, вышла из 6-го класса, училась в школе 2-ой ступени, но курса не кончила.

6. Иван Сергеевич Сукин по окончании курса поступил в Далматовскую второклассную школу, служил телефонистом на Катайской станции. Занимается сельским хозяйством.

7. Василий Егорович Никифоров кончил курс с похвальным листом, обучался в Катайске, где кончил училище, кончил курс и в 1924 году уехал в Москву для дальнейшего образования.

8. Брат его, Павел, прошел тот же учебный стаж. Учится в Омском училище.

30 стр.

ДЕТСКИЙ ПРИЮТ

Вследствие неурожая 1890-1891 годов осталось много детей, не имеющих ни пристанища, ни пропитания, поэтому дворянкой Еленой Григорьевной графиней Орловой-Давыдовой в сентябре месяце 1892 года открыт в с. Песковском детский приют, заведывание которым было поручено священнику Кокосову. В первый год в приюте призревались 31 мальчик и 41 девочка, размещенные в трех наемных квартирах. В апреле месяце 1893 года мальчики были отправлены в Надыровский приют. В течение первого года израсходовано на содержание приюта 1234

рубля 40 копеек. В 1894 году приют был принят под покровительство великой княгини Елизаветы Федоровны, в нем приняла участие графиня Орлова-Давыдова, пожертвовавшая 2500 рублей. В этом же году призревалось 34 девочки, на содержание которых израсходовано 722 рубля 42 копейки. Две девочки приюта — Матрена Панцева — Бисеровская, и Мария Батанова — Верхтеченская - в 1895 году были отправлены в Петербург в Мариинскую школу для кружевниц, для обучения ткацкому мастерству. В этом же году на пожертвованные княгиней Юсуповой деньги 500 рублей и Пермским губернатором Погодиным 50 рублей, выстроен для приюта собственный дом со службами, помещавшийся против церкви на запад, в нем была кухня и две комнаты. Года через 3 к этому дому пристроили коридор и ткацкую мастерскую. В 1896 г. пермским губернатором Погодиным было выслано 298 рублей 15 копеек.

Надзирательницей была жена священника Александра Николаевна Кокосова. Девочек принимали отовсюду с малых лет, начиная с 1-2 годов. Семилетних приучали вязать чулки, носки, рукавички из шерстяной и льняной пряжи; с 9-ти лет плели кружева на «пути» и вязали крючком.

31 стр.

С 12-13-ти лет приучали ткать небольшие скатерти, платки, сарпинку и разные материи. Грамоте девочек обучали в сельской школе, носили форму, как гимназистки. Ткацкие станки работали на месте, по указанному рисунку, было их 4 и один станок для ковров. Берда и челноки брали в Москве. Взрослые ткали ковры, материи для чехлов, широкие скатерти, двухполосные в 5 четвертей шириной и 1/2 аршина, платков в 5 четвертей.

Ковры ткали пермские и гладкой продавки, материалы брали в Петербурге, а некоторые готовили из шерсти, льна на месте пряли сами и нанимали старушек, а красила сама Александра Николаевна; для обучения крашению она ездила в Петербург. Материи и ковры продавались в Екатеринбурге, Петербурге, поступали заказы и от местных жителей. Изделия посылались на разные выставки, и за них выдавались похвальные листы. В Песковской церкви сохранилось 4 ковра работы приюта, но, к

разрозненных, с вырванными страницами сочинений Тургенева, Толстого, Успенского и др. Газет имеется несколько, и совершенно нет их излюбленного журнала, кроме безбожного «Крокодила». А читатели имеют. Хорошие книги по беллетристике и разным отраслям сельского хозяйства необходимы.

34 стр.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Сыздревле песковцы не имели ни фельдшера, никакого врачебного пункта и в разных своих немочах и болезнях скота обращались (в старое время) к колдунам, колдуньям, знахаркам, а в настоящее время — к «баушкам», которые лечат разными травами, а больше заговорами.

К врачебной помощи и в старину обращались немногие и уже тогда, когда и медицинская помощь бесполезна. Во время эпидемии (тифа) редких увозили в больницу, и большинство (молодые) отлеживались дома всей семьей, а старики умирали. Если кто и съездит в больницу в Катайск, то жалуются, что медицинского персонала мало, народу массы, дожидаться приходится долго, и осмотр бывает торопливый, невнимательный, таких и посылают в Шадринск, давши рецепт. И лекарство, если пропишут и пообещают выдать, в тот же день нельзя получить из-за недостатка служащих, и ехать за ним на другой день. И для оспопрививания ездят редко в деревню и на малое время. Обычно приедет оспопрививательница с вечера, заставит оповестить, чтобы на другой день явились для прививки, а являющиеся в тот же день мало, приходят на другой день, а оспопрививательница уже уехала. А иногда и с прививкой оспы запаздывают, приезжают спустя теплое время. Так, в декабре месяце 1923 года прибыла оспопрививательница, всем назначили день приема, было холодно, женщин явилось немного; из-за холода оспа привилась у малого числа детей. А потом появилась натуральная оспа, и дети помирали, как мухи. Только и применялось лечение — парение в бане. Некоторые и выносят это лечение, но обезображиваются и лишаются зрения. Всего с осени по июнь померло от оспы 40 человек.

35 стр.

Особенно беспомощны матери в детских болезнях. В больницу ездить с ребенком далеко и часто безрезультатно, нет необходимых лекарств. И со спокойной совестью обращаются к «баушкам» с той уверенностью, делают все для излечения ребенка, а про медицинскую помощь говорят: «Да что они знают про болезнь ребенка, ведь он не может сказать, что у него болит».

И у каждой баушки своя специальность. Одна баушка лечит от собачьей старости, таким способом: возьмет ребенка у матери и вынесет из избы в ограду. Наклонит его к земле и что-то пошепчет. Потом приносит в избу к печи, просунет сквозь круг из жести, положит ненадолго в печь и отдает матери. Мокрые лишай (экзему) лечат пресеканием искр от огнива. Грыжу лечат: наговаривают на разбитое яйцо и привязывают к животу и кормят ребенка; продергивают сквозь нетолстую, расщепленную осину. При боли головы, зубов у взрослых ставят «татарски пиявки». При изломах, вывихах рук, ног обращаются к костоправам.

В последние 2 года свирепствуют лихорадка, а также воспаление легких. От лихорадки лечат: осиновым настоем и настоем пережженного копыта, детской мочой, конским потом (моют хомут или вспотевшую лошадь). Мочат крест или колокол и поят, или просто наговаривают на воду и поят. А наговаривают следующее: «Стану я, раба Божья, благословясь, перекрестясь, Господу Богу помолясь, на все 4 стороны поклонясь. Пойду из двери в дверь, из ворот в ворота, в восточную сторону, под красное солнышко, под частые звезды, под кудрявое облако, в чистое поле, широкое раздолье. Стоит дерево, под ним 3 святителя: Козьма, Демьян, Пимен Преподобный. Мимо этих святителей проходило 12 дев — косматы, пологруды, беспоясы. Спрашивает Пимен Преподобный:

36 стр.

«Чьи вы, девы, и куда идете?» Отвечают девы: «Мы царя Ирода дочери, идем в смертию знобить, кости дробить, душу к

смерти производить. Тут встает Пимен Преподобный и берет 300 копий в руки, и бьет царя Ирода дочерей, и наносит по 300 розог кровавых. Тут девы взмолились: «Не бей нас, Пимен Преподобный, пусть тебя почитают и три раза твои молитвы читают, и никогда мы к тому дому не приступимся. Век по веку, отныне и до веку, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

А можно ли винить жителей, что они, потерявши веру в медицинскую помощь, обращаются к «баушкам» с их наговорами. Конечно, есть и для них выход из такого положения: открыть для своей волости врачебный пункт на свои средства. Но для этого необходимо организовать в одну семью, но для этого они не подготовлены.

СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ МОР СКОТА

И 1840 году жители пострадали от моровой язвы на скоте. С этого времени ежегодно 8 июля существует крестный ход по селу.

ГОЛОДОВКИ

Но более всего и чаще жители страдают от недорода хлеба. В начале 19 столетия (1800 год) был большой голод; ели «белокопытник», сушили и толкли всякую траву /Церковная летопись. Передал Михаил Иванович Чистяков, а он слышал от деда своего, Ивана Ивановича Чистякова/.

1860 год. Был неурожай хлеба от засухи. Многие уезжали в урожайные местности.

37 стр.

1880 год. Был неурожай от засухи.

1886 год. Был неурожай от червя. В оба эти года народ не уходил никуда. На пропитание выдавали нуждающимся от правительства и земства по 30 фунтов муки и семени для посева.

1890 год. В продолжение всего лета почти не было дождя; не

выросли ни хлеб, ни трава, ни овощи. Никто не помнил из старожил, чтобы в здешних местах бал такой неурожай.

1891 год. Неурожай повторился, дождей не бывало. Появилась во множестве кобылка, которая пожрала и хлеб, и траву. Большинство жителей ушли в разные стороны. Правительство пришло на помощь. Беднейшим выдавали пособие без возврата, а более состоятельным от земства выдавали по 30 фунтов муки на человека, исключая работников — мужчин. Цена хлеба 1 рубль 90 копеек, 2 рубля 10 копеек за пуд, воз сена — 8 рублей.

1892 год. Кобылки в этом году была масса, пожраны пшеница и овес с ячменем, родилась одна рожь. Благодаря урожаю у окрестных жителей цены на хлеб понизились — 60-80 копеек за пуд. Корма для скота родилось с излишком, но бедность в народе была поразительна /Краткая церковная летопись. Передал Артемий Александрович Зайцев и Афанасий Федорович Балин/.

Было распоряжение от земства: собирать кобылку и зарывать ее в землю. Наряжали всех жителей в течение 3-4 недель. Повели так: к мешку привязывали обруч с палкой и, взяв в руку, волокли его устьем вперед, и кобылка в него заскакивала, ее душили, пересыпали в другой мешок и с первым мешком опять шли дальше. Таким образом, один человек мог собрать в день около 1 пуда кобылки, за что земство платило по 80 коп. за 1 пуд. Но это не помогало, кобылка не убывала. Благодаря вскоре перепавшим сильным дождям кобылка погибла, с высших мест ее наило валами /Краткая церковная летопись. Передал Артемий Александрович Зайцев и Афанасий Федорович Балин/.

38 стр.

В марте месяце 1843 года из Петербурга прибыл Егор Александрович Соломонов, устроил столовую на 100 человек. Варили пищу и давали хлеб по 1 фунту в день. С мая месяца начались работы по посадке тополей ветками на отведенных 10 десятинах общественного покоса в 2-3 верстах от села. Эти 100 человек и работали: и копали ямки, сажали тополя, поливали; им платили по 10 коп. в день и кормили утром в столовой, а в

поле варили кашу. Работали до 15 июня. Для поливки был прокопан глубокий канал из озера и до речки. Заимка была огорожена и существует до настоящего времени.

В 1893 году урожай ржи был хороший; пшеницы, овса 0 средний, ячменя, льна, конопли - плохой. Была масса мышей, которые поедали хлеб на корню и в кучах. Трава была очень плоха /Передал Артемий Александрович Зайцев. Краткая летопись Кокосова/.

2 мая 1901 года в деревне Чусовой начался пожар от неосторожности ребят, куривших табак. С середины деревни при сильном ветре с северо-запада, от Андрея Захаровича Чистякова, горела одна сторона улицы к озеру. Пожар длился 2-3 часа, сгорело 38 домов /Записано со слов Сергея Ивановича Сукина.

1909 год. Урожай хлеба средний. Цена пшеницы: 1 рубль - 1 рубль 20 копеек, ржи 60-70 копеек, овса 40-50 копеек.

1911 год. Был полный неурожай хлеба и кормовых трав, вследствие чего экономическое состояние жителей было очень тяжелое, и только своевременная помощь правительства продовольствием и семенами и открытие волостного комитета, организовавшего столовые, избавили население от голода и неувявших его спутников - эпидемических заболеваний, появившихся с 10 - 20 ноября. Три четверти населения с

39 стр.

декабря уходило на посторонние заработки. Цена хлеба была: пшеницы 1 рубль 30 копеек - 1 рубль 50 копеек, рожь 1 рубль 30 копеек - 1 рубль, овес 1 рубль за пуд. Вследствие легкого кредита создалась громадная задолженность населения, достигшая к 15 сентября 1912 года 42000 рублей /Краткая летопись/.

1920 год. С последнего голодного года жители Песковской волости начали было поправляться, но с наступлением германской войны экономическое благосостояние волости год от года ухудшалось: уменьшался скот, посевная площадь и урожайность, конечно, от того, что земля не удобрялась, не надлежащим образом, за неимением молодых рабочих людей. 1920 год отозвался на экономике волости особенно резко; из-за засухи урожай был ниже среднего. Но, не смотря на это, жители внешне полностью разверстку свыше 30 тысяч пудов хлеба и оста-

лись без продовольствия, питаюсь хлебом, смешанным с суррогатами. И весной 1922 года на всю волость могли засеять своими семенами 1500 десятин, вместо 4000 десятин.

1921 год был тоже неурожайный. Зерна падало по 7-10 пудов на десятину, и скоту корму не запасли. Многие ушли с лета на заработки в урожайные места. Значительное большинство жителей питалось хлебом, смешанным с суррогатами: лебедой, прослянником, березкой, глиной, болотным илом, деревянными опилками, древесной корой, мякиной и проч.

У кого что было, все продали: лошадей, коров, всякое имущество: одежду, холсты, хомуты, телеги, машины и прочее.

40 стр.

К началу 1922 года истощились все припасы, и для скота стали раскрывать крышу и соломой этой кормили скотину. От бескормицы стали валиться коровы, лошади, овцы, свиньи, и тогда бросались на павший скот. Люди поедали его, чтобы не умереть с голоду и, благодаря этому, не было людоедства. А скотина падала от голода, не от эпизооидии, также не было и заболевания жителей. Бывало, что если у кого пала скотина и он повез ее в поле, то другие просили себе и поедали.

Появилось страшное воровство на съедобное: воровали хлеб, кололи скот в чужих дворах, овец, свиней, телят и уносили по своим дворам, собираясь компаниями; доили чужих коров в загонах. Народ пришел в отчаяние. Воров били, некоторых убивали. Были покушения на жизнь других. Так, мать душила свою маленькую дочь и бросила в поле, ее нашли, она оказалась живой, и ее потом прибрали в приют. Сын убил родного отца из-за того, что он не давал молока.

В марте месяце снег стаял рано, и все бросились по утрам по насту в поля и леса собирать лебеду и семена других сорных трав. Многие уезжали на поклон к татарам за лебедой. В мае месяце питались кореньями и разной травой: крапивой, коноплей, кислицей, кобылятником и другими травами. Сушили ее, толкли в ступах, мешали с малой частью муки или отрубей, для связи, пекли олябушками и ели. Хлеб был черный, как земля, ни собаки, ни скотина его не ели, а люди ели.

41 стр.

У кого были коровы, главное питание составляло молоко. По счастью, весна была ранняя, теплая, подножный корм появился скоро, и коровы поправились и доились хорошо. Женщины, у которых не было коров, доили их в покотине вечером по лесам или в чужих огородах рано утром и тем кормились. Но если воровку ловили на том, то били жестоко. Из Исполкома изредка выдавали по 2-3 фунта на человека жмыхов или овса.

Весна была благоприятная, сев начался рано. У кого были свои семена и лошади, те посеяли скоро, хотя с большим напряжением сил, так как от недоедания сами или лошади обессили. На лошадей было жалко смотреть: худые, понурые, кое-как ходят, но и они как будто сознавали, что нужно работать и все работали, благо, что работа была легкая, одна бороньба, так как под посев пшеницы пахали осенью, когда лошади были с лета в силе. Но по весне на подножном корму скоро поправились, и дальнейшая работа была им легче.

Не имеющим семян выдавали по 25-30 фунтов на едока. Всем безлошадным посеяли те, у которых были лошади.

В июне месяце дожди перепадали хорошо, и во множестве появились ягоды: земляника, клубника, и каждый бросился собирать; ведрами носили и кормились, и продавали на хлеб. А хлеб сохранился во всех Песках у 18 домохозяев, которые не прибавляли травы, но пекли хлеб из не сеяной муки. Весной при посадке в огородах по ночам воровали только что посаженный картофель, затем и в июне месяце только что появившийся. Все жители по ночам караулили свои огороды, и один вор был убит при краже. Некоторые воровали по ночам незрелую рожь, срезывали колосья и сушили, толкли, мешали с суррогатами.

42 стр.

Надо полагать, что во многих семьях были подвиги самопожертвования со стороны взрослых к детям. Вообще малые дети не умирали от голодовки, и где бы ни встретились, выглядели здоровыми. Привелось быть у одной многодетной вдовы - Пелагеи Михайловны Костоусовой - в июне месяце. Страшно было

смотреть на вдову и дочь ее 15-ти лет: бледные, худые, глаза ввалились, горят, и сами кое-как ходят. Но трое маленьких выглядят хорошо: здоровые, румяные, веселые. Я еще спросил: «Что это вы такие изморенные, а дети здоровые, любо на них смотреть?» - «Кормим их молоком, сколько есть, все скармливаем».

И терпеливо на удивление народ переносил голодовку. Иногда голодающие собирались толпами в 30-40 человек к Исполкому и просили хлеба. Но что им можно было дать, когда его не было, и отвечали, что хлеба нет. «А у нас отбирали хлеб, куда его девали?»

Но буйства не было, говорили спокойно. В конце месяца открылся местный комитет помощи голодающим от Америки, в состав которого вошли местные лица в составе 6 человек. Спешно составили списки. Особенно нуждающимся по волости - 300 человек взрослых и 300 человек детей - в конце июня выдали каждому взрослому по 22 1/2 фунта кукурузы и за июль столько же. А в начале июля открылась детская столовая при школе; просуществовала до сентября. Выдавали каждому по 1/4 фунта хлеба крупчатого, порцию рисовой каши с салом и манной с сахаром или какао с сахаром по очереди, сначала это, а потом другое. Остатками питались немногие и взрослые. Эта столовая оказала громадную пользу детям. Погода почти все время была хорошая, дети дожидались за оградой школы, обедали в школе. Большинство жителей были до невозможности изнурены, не могли работать, не нарубили дров, не накосили сена, были голы, босы. Надворные постройки все раскрыты на корм скоту. Селение выглядело разоренным.

43 стр.

Стали все поправляться уже тогда, когда поспела рожь, которой было посеяно немного, и все же помогали один другому, надеясь на урожай пшеницы. Всего померло от голодной смерти 40 человек и от тифа 16 человек.

Из расспросов голодающих можно было понемногу выпытать, в чем проявлялось чувство голода. Каждый из них говорил мало, неопределенно: «Есть часто хотелось, слабость, весь не можешь, голову кружит, тошнит, спать клонит».

Вообще не могли они словами объяснить чувство голода. А из всех их рассказов можно вывести в таком роде ощущения голодного человека: в желудке чувствовались боли, сосало, казалось, что из тела соки медленно вытекают. Во рту и глотке сухость, постоянно глотали слюну, в голове мутилось, мутилось в глазах, в глазах мелькает, появляются пятна, принимающие вид кусков мяса, хлеба, а обонянием чувствуется запах горячей пищи, а в желудке словно нож повертывается, человек вообще начинает бредить. И слабость. При наклонном положении появлялось желание упасть на землю и есть что-либо, хотя бы ту же землю. И все говорят, что позыв на пищу был постоянный.

Но что более всего удивительно: голодающие, как только поправятся, жизнь их придет в нормальный порядок, то все скоро забывают, ни о чем не задумываются, несмотря на то все их голодовки в продолжение ста лет чередуются постоянно через 10 лет.

И, несмотря на это, не научились быть подготовленными к предстоящему бедствию заблаговременно.

44 стр.

ГЛАВНОЕ ЗАНЯТИЕ ЖИТЕЛЕЙ

Все жители - русские, бывшие государственные крестьяне. В общем, простодушны, наивны, терпеливы, но грубоваты, самоуверенны.

Основное занятие жителей составляет хлебопашество и, преимущественно, посев пшеницы. Сеют и овес, рожь, ячмень, горох, просу, лен, коноплю, мак. Зерно пшеницы самого лучшего качества, крупное, тонкокорое, тяжеловесное, из которого выдвывается лучшая крупчатка.

До войны вся наделная земля обрабатывалась, и по недостатку ее арендовалось пашни до 6000 десятин и столько же покосов всей волости, соседних жителей Першинской, Ключевской и других волостей, а покосы у татар — и свои же бывшие покосы по Бильчику и на Баташевом озере. Земля требует тщательной обработки; пахут глубоко от 3 до 5 вершков сабонами

и плугами, на 2-3 лошадей; при плохой обработке посевы зарастают сорными травами. До германской войны пашню удобряли назьмом почти все жители, возили по первому снегу. Зажиточные занавоживали по 2-3 десятины, средние - 1-2, нижесредние — 0,5-1 десятину. Искусственного удобрения не применялось. При самом хорошем урожае пшеницы получалось по 90 пудов с десятины. В среднем запасы хлеба были: у зажиточных от 2 до 3 тысяч пудов, у средних от 500 до 1000 пудов и у нижесредних небольшие, а у бедняков и в хороший урожай доставало от хлеба до хлеба. Улучшений по хлебопашеству никаких не вводилось — ни посева кормовых трав, ни посадки корнеплодов, несмотря на то, что покосов нет краем болот.

Машины: сеялки, жатки, плуги и другие стали заводить 20-25 лет тому назад.

Никакие нововведения для улучшения своей жизни они тоже не имут. Например, проточной воды нет; озерная вода для питья не годится, загрязнена. Колодцы хотя и есть у каждого жителя, но летом иногда пересыхают. Лет 15-20 тому назад

45 стр.

земство предлагало обществу выкопать буровой колодец, но оно не согласилось, опасаясь, что все расходы по копанью вызутся в податях, и ссылались на то, что у всех жителей имеются колодцы на большой глубине и некоторые с хорошей водой.

Тоже земство предлагало выдвывать торф на топливо, залежей которого имеется в достаточном количестве. И ныне веской торфовой произвел подготовительные работы, остается только заняться выделкой, но никому не хочется. Между тем, лесу нет, и не разрешают рубить, и за дровами нужно ехать за 80-100 верст в казенную дачу.

Между тем, будущее угрожает бедствиями: во-первых, частыми засухами по причине неимения лесов, усыхания почвы, истощения земли от постоянных ветров, чему могут служить следующие доказательства и примеры: в 1920-1921 годы была засуха. В 1923-1924 году урожай тоже должен быть плохой. Из 5-летних наблюдений можно вывести такое заключение, что обложные — заливные дожди будут перепадать редко. Обычно в сухой год тучки идут с запада, и по приближении их к Пес-

кам всегда подымается сильный ветер. Тучка разделится на две — к Китайску и на Шутиху, а над Песками ветер все раздует, и дождик помочит кое-как. Но в 1922 году было совсем другое, тогда тучки были и с запада, и с юга, и с востока, и были заливные дожди, и урожай хороший, но был громадный недостаток, вместо 5-6 тысяч десятин было по всей волости посеяно около 1000 десятин и, во-вторых, из-за неимения лесов на стройку и отопление. Для устранения этих бедствий нужно стремиться к искусственному разведению лесов и другой обработке земли, для чего здешний народ не подготовлен. В общем, непридирчивый, ленивый, нестарательный, в особенности беднота — прежняя, застарелая, опустившаяся беднота от лености и воздержания.

Старожилы рассказывают, как жили прежде бедняки: пашни и покосы отдавали зажиточным в аренду, и некоторые из них отдавали двум-трем домохозяевам, а засеивал тот, кто знал условия взятия пашни в аренду в волости. Так и бились со средняками и зажиточными — кого обманут, у кого выпросят займы хлеба, а когда и работают на поденщине, пособираются по домам. Так и бились из года в год, особенно не голодовали, а середняки и богачи, имея всего вдоволь, помогали.

И ныне беднота, добившись уравнивания земли, плохо поправляется, несмотря на то что и скотину им давали, и семян: малую часть земли кое-как при помощи соседей засеивали, а остальная лежала впусе. А при налоге на землю все бедняки стараются часть земли отдать в общество, и берут трудолюбивые крестьяне. А любо на них смотреть! Всякую работу делают заблаговременно, обдумывая каждый шаг и ведя всю домашность в порядке. Только такими домохозяевами и держится крестьянское хозяйство в волости, — они опора бедным, маломощным жнивьям. Доказательство тому: в 1922 году из 800 до 900 десятин, а остальное неимением семян, было засеяно от 800 до 900 десятин, а остальные пашни, около 6000 десятин, оставались необработанными, заросли полынью в рост человека, и беднякам никогда бы не распахать, и она так бы и лежала. Но когда разрешено было арендовать землю, то старательные домохозяева стали брать ее в аренду на 3 года, кто 4-5 десятин, кто 8-10, и в конце 1922-начале 1923 г. распахали ее и сделали годной для посева. Но каким трудом это далось! Первоначально пашню боронили. Сбили полынью, собирали в кучи и жгли, а потом пахали и боронили.

47 стр. ПОДСОБНЫЕ ЗАНЯТИЯ

СКОТОВОДСТВО сыздревле велось в больших размерах благодаря обилию земли. Но с уменьшением земли и увеличением народонаселения оно было значительно. По рассказам старожилов, до германской войны в урожайные годы скота было.

	1903-1908гг	Число по сословиям	лошадей		коров		Зимующих Овец	Свиней зимующих
			Раб.	Подр.	Дойн.	Подр.		
У зажиточных		30	10-12	8-10	10-12	25-30	25-30	2-3
У средних		300	6-7	6-8	5-6	8-10	15-18	2-3
У ниже средник		120	3-4	4-5	3-4	6-7	8-9	2
У бедных		100	1	1-2	1	1	1-2	----
Итого у всех было до весны в среднем		550	2560	3000	2260	4000	7800	930
По волости	В 1920	----	887	322	671	252	784	95
-----	В 1921		682	288	613	255	82	----
-----	В 1922		614		606	---	498	----
-----	В 1923		698		585	563	534	
-----	В 1924							

Весь скот местной породы. Лошади были как рабочая сила и предмет продаж. Рогатый скот служил для пропитания и как доходная статья: продавали масло, мясо, кожу, сало и живым весом.

От овец продавали: шерсть, мясо. Много кололи для себя, солили и сушили, и доставало на весь год.

Рабочих лошадей, коров дойных и овец зимой содержали в теплых помещениях, а за остальным скотом уход был плохой, зимой жил на холоду в картонных помещениях, кормили его только соломой.

48 стр.

ПТИЦЕВОДСТВО раньше велось также в больших размерах благодаря обилию озер и корма. Жазиточные держали по 2 стада гусей и уток (5-6 гусей), (5-6 уток), куриц 30-40 голов; средние — по одному стаду гусей и куриц по 20-25; ниже средние — гусей 3, куриц 10-15. Бедняки — куриц по 10. Птицеводство

было доходной статьей. Колотого гуся продавали 1-1 руб. 50 коп., пух 2 руб. за фунт, перо 30 коп. за фунт, яйца 1 руб. 50 коп.

ОГОРОДНИЧЕСТВО прежде велось в больших размерах, в особенности посадка капусты, огурцов, и служило значительной доходной статьей. Старательные домохозяева одних огурцов продавали на 100-150 рублей. Ныне же огородничество находится в большой заброшенности; за неимением сбыта на огурцы стали сажать для домашнего употребления. Между тем огородничество может служить большим подспорьем в хозяйстве, если взяться за него с умением и старанием, в особенности - для бедняков. Если не найдется лошади, то каждый домохозяин с женой может разрыхлить свой огород лопаткой и мотыгой и засадить всякими овощами, а кроме того, корнеплодами: турнепсом, кормовой свеклой и другими, и посадить ручным способом пшеницы, и можно будет прокормиться весь год с одной коровой. А огородничество особо необходимо в неурожайные годы, причем, возможна поливка, а колодцы у каждого есть.

КРОЛИКОВОДСТВО завелось 3-4 года назад, занимаются 4-5 домохозяев. Тоже может служить доходной статьей. Выделанная шкурка продавалась по 1 пуду пшеницы, а мясо идет для супа.

49 стр.

САДОВОДСТВО ПЛОДОВОЕ И ЯГОДНОЕ

Возникло здесь с 1858 года по инициативе Ивана Полукарповича Сукина и отца Марка Флоринского. Летом 1858 года Иван Полукарпович отправился в Тамбовскую губернию (Горбатовский уезд) и у тамошнего садовода Василия Федоровича Фибианова взял 300 привитых саженцев по 25 коп. за штуку яблоней: антоновки, хорошавки, анис разных сортов, китайской, вишеня, крыжовника и семян смородины красной, белой, зеленой.

Сукин развел большой сад у себя на гуменнике в деревне Чусовой, а отец Марко - при своем доме, на церковной усадьбе. С того времени стали разводить сады местные жители и соседних волостей. Прежде садоводство процветало и особенно усилилось с возникновения земства, которое рекомендовало всем жителям губернии засадить свои прогалы между домами и промежам огородов деревьями для безопасности в пожарном отношении. Все жители сочувственно отозвались на это предложение и кроме того увеличили в своих огородах посадку яблонь и смородины, в чем много им помогал отец Иоанн Кокосов с матушкой Александрой Николаевной, выдавая саженцев и семян смородины. Песковская волость славится и ныне своими садами. Садоводство составляло доходную статью. Некоторые выручали по 50-80 рублей в год. В годы 1920-1924 садоводство стало упадать по причине засухи и от чрезмерного появления вредителей, а как с ними бороться, садоводы не знают. Что выручали садоводы за последние годы, они не сказывают из опасения, чтобы не обложили налогом. В голодные годы садоводы от ягод питались.

50 стр.

ПЧЕЛОВОДСТВО возникло 40-50 лет тому назад. Первым пчеловодом был священник И. Кокосов, имел 5 ульев. В настоящее время пчел имеют всего 5 домохозяев, у которых до 30-40 ульев.

Для пчеловодства здешняя местность благоприятная благодаря значительному садоводству: яблоням, смородине и прочая, которые начинают цвести рано и цветут в течение месяца, а потом цветут огурцы, белый клевер и другие медоносные растения. Хорошо поставленное пчеловодство дает хороший доход.

ОХОТНИЧЕСТВО - также старинное занятие. Из зверей в здешних местах водятся: волки, лисицы, горностай, хорек, колонок. Птица: гусь, казарка, лебедь, журавль, утки разных пород, косач, чернеть, куропатка, рябчик.

А последние годы организовался кооперативный промышленный союз охотников, руководствующийся уставом 1924 года. Всего членов в нем 35 человек. Охотничество тоже составляет

доходную статью и кроме того уничтожает волков, которые во времен германской войны особенно умножились и много вредят скотоводству. В зимнее время часто давят овец во дворах. Но ныне число охотников уменьшается из-за дороговизны взноса за право имения ружья и уплаты членского взноса.

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

До войны в небольших размерах кожевненным производством занималось 4-5 домохозяев. Ныне таковые имеются в деревне Чусовой у Я.Н. Трапезникова как подсобное занятие при земледелии. Кожевенному производству Трапезников научился, работая на других заводах. Выделяет 500 кож местным жителям на обувь, кожа получается хорошая. Платит патент 5-го пояса, 1-го разряда.

51 стр.

МЕЛКИЕ РЕМЕСЛА И ПРОИЗВОДСТВА

Имеется много других ремесел, необходимых для деревни, как то: кузнечное, слесарное, столярное, чеботарное, плотничество, портняжное, маслобойное, выделка овчин, дегтярное - в небольших размерах как подсобное занятие в свободное время от земледельческих работ. В нынешнее время по причине неурода только и возможно прокормиться при помощи добавочного занятия.

Обрисовав трудовую жизнь волости и присовокупив к тому, что крестьянство в России составляет 85% населения и что все необходимое для государства продовольствие получается от крестьянина и чрез крестьянина, то из этого следует вывод, что и государство со своей стороны должно дать крестьянству возможность трудиться в уверенности, что оно (крестьянство) - не пасынок, а родной сын России, и дать ему знания, технические притом налоги, поддержки не только общественную, но и единственную инициативу в достижении материального обеспечения, но без навязчивого опекуна, произвола на местах, и

чтобы все правительственные учреждения и его агенты, как ко всей массе и, в частности, к каждому лицу относились доброжелательно и внимательно, не допуская разных проволок и волокиты.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТ

Песковского села дьякон Евгений Золотов. 1924 г., июня 15.

52 стр.

После такого страшного потрясения государства, как германская война, междоусобица, частые недороды, можно сказать, что не только подорвалось в большой степени экономическое благосостояние жителей, но они как бы упали духом, не могут с прежней энергией взяться за свое хозяйство. Потому не лишне представить картину трудовой жизни отдельных хозяев разной зажиточности как до войны, так и после войны. Трудовая жизнь зажиточного О.А.С., 73 лет. Лет 20 тому назад хозяйство было большое. Засевал по 40 десятин разных сортов хлеба, надельной земли было 24 десятины. Остальную арендовал по 8-12 рублей за десятину; покосов арендовал до 30 десятин по 2 рубля за десятину; сена накашивал по 600 копен или 1200 зародов. Разного скота было: рабочих лошадей 8-10, жеребят 10-12, дойных коров 12, телят быков 18-20, овец зимовало 25-30; держал по 2-3 годовых рабочих на своем содержании с платой каждому по 50 рублей в год с готовой одеждой и обувью, а сверх того с 1/4 десятины пшеницы, зерна с любого места в пользу каждого. В страду занимал по 40 поденщиков на готовом содержании; они приходили и уходили в определенное время, поработают 10-12 часов, а летом ночи приходилось не спать. Огородничество было большое, и все хозяйство давало хороший денежный доход. Масла накачивали по 5-6 пудов криночным способом; огурцов продавали на 100-150 рублей; коров живьем продавали по 5 голов от 30-75 рублей. Сеял льна и конопли помногу. Лен всегда родился и ныне родится, знаю, на какой земле и когда сеять. В общем, от хлебопашества оставалось от 1000 до 2000 пудов. Для себя скота запаса хлеба хранилось от 1000 до 2000 пудов. Кололи много, к лету солили мясо, и всего хватало на год, 1920 год. Семья 9 человек, рабочих лошадей 7, жеребят 3,

дойных коров 4, телят 5, овей старых 6. Сеял 8 десятин пшеницы, 4 десятины овса.

1921 год. Сеял 4 десятины пшеницы, 1/2 десятину овса.

1922 год. Сеял 2 десятины пшеницы, 1 десятину овса. Скотины уменьшилось, запасов хлеба нет, и нечего продавать.

53 стр.

Трудовая жизнь ниже средней зажиточности домохозяина Ф.Ф. К., 76 лет и жены его, 74 лет. Трудовая жизнь его началась с 6 лет и до 12 лет у отца; ростом был мал, а потом отец посадил его на лошадь, ноги его связывал под брюхом у лошади. С 12 лет пошел жить в люди, нанимаясь на небольшие сроки, и пахал. Двадцати одного года женился на сироте и стал жить дома. Кормили отца, мать до смерти. Жили с отцом согласно, ни отец, ни сам не пили вино, не курили табак. Дети у них пошли со 2-го года женитьбы, было много, но в живых осталось 2 дочери. После смерти отца и матери остались 50-ти лет. Надельной земли было на одну мужскую душу 3 десятины пашни, покосу 1/2 десятины, лесу 1/4 десятины. Лошадей рабочих было 3, дойных коров 3, овец больших 7. Засевал по 10 десятин всякого хлеба, землю арендовал у своих однообщественников по 5 рублей за десятину или засевал, у кого брал при всей работе своей десятины, готовились с семенами. Пашни отдавали лентяи, выпивохи, игровщики в карты.

1924 год. Семья - трое, работница одна дочь, но трудятся все. Земли всей 3 1/2 десятины. Лошадь одна, коровы 2, овец три. Побочные занятия: огородничество, садоводство, посадка корнеплодов, охотничество, ткачество, и у дочери портняжное ремесло. Старики еще добрые, проводят время в неустанным труде.

Трудовая жизнь зажиточного домохозяина П.Ф.Т., 20-25 лет тому назад держал 12 рабочих лошадей, жеребят 8-10, дойных коров 8-10, телят 25, овец 20-25, свиней 10. Семья 8 человек. Дома работают 5 человек, и кроме того держал двух годовых работников, да в страду нанимал по 30-40 поденщиков. Надельной земли было 20-22 десятины; арендовал 20 десятин пашни и покосов по 30 десятин; засевал по 40-45 десятин, сена ставил по 600 копен; рабочим платил по 30 рублей в год и пшеницы зерна по 1/2 десятины каждому и готовая одежда.

54 стр.

Пашни арендовал у бедняков — ленивых и пристрастных к вину. Лежало хлеба, скапливалось до 3000 пудов. До постройки железной дороги занимался извозом. Продавал каждый год по 20 голов рогатого скота, коровьего масла по 5-6 пудов, от кричного копления. Продавали шерсть, огурцы, птицу. И у самого всего было в избытке.

1924 год. Семьи 6 человек, семейных рабочих 2 человека, надельной земли 10 десятин, посева 7 десятин, сена накашивал 100 копен. Рабочих лошадей 3, жеребят 1, дойных коров 3, телят 3, овец 3, свинья 1. Запасов никаких нет, и продавать нечего.

Ниже средней зажиточности и ремесленник NN - 50-ти лет, семья - 7 человек, работников 6 - сыновья. Взрос в сиротстве; с 10 лет пошел жить по чужим людям борноволомом, а с 13-14 лет — за настоящего работника. С начала 20 столетия завел свое хозяйство и дом. Была 1 лошадь и 1 корова. Надельная земля досталась плохая. Удобрять было нечем, хлеб родился плохой. Тяжело было жить. Нужда заставила обучиться кузнечному и плотничному мастерству, которые были для него большим подспорьем. Работает всякие долгуши, телеги, сани, кошевы, ремонтирует молотилки, сабаны и разную мелкую кузнечную работу. Трезвый, табак не курит, не сквернословит. Для местных жителей — самый необходимый человек. Вообще полюбные ремесленники в деревне заслуживают поощрения. Занимаются его семейные огородничеством и садоводством. Трудятся постоянно в течение всего года. А в конечном итоге только одет, обут, сыт и «окуплен».

55 стр.

ЖИЗНЬ БЕДНЯКА NN

Старуха - мать 73 лет, сын 50-ти лет и внук 13-ти. Дом без крыши, десять лет никаких надворных построек, кроме соломенных, крыльца, дворика. Никакой скотины, кроме куриц, никакого инвентаря, кроме топора. Сын летом уходит по соседним волостям на заработки, живет у кого неделю, у кого

две. Зимой пробивается дома. Хлопочет по домашности старуха. И дров заготовит, и посеет 1/4 десятины. На пашне и в огороде посадит; как поспеют ягоды, то каждый день ходит за ягодами и ими кормится, где дает на хлеб, зимой прядет. Сколько родится хлеба, одна выжнет и зерно выколочит валиком. Внук все время только шляется и милостыню собирает. И такой нахальный и пакостный. Бабушке ни в чем не помогает: ни жать, ни дров приготовить. Иногда позовут его боронить, немного поработает и убежит. — «Что мне работать? Я лучше собираю!» По соседям ходит каждый день, и кто не подаст, то, уходя из дома, ругается, сквернословит. Однажды просил у соседа молока, и ему не дали, то он, выйдя за ограду, опоганил хозяйского сына 4-х лет своей мочой с головы. К священнику постоянно ходит в голодное время раза по 3-4 в день, и ему же угрожает; ходя за милостыней к соседям, говорит: «Я, когда вырасту большой, то всех попов перестреляю!» И пакостит. В одно время весной дети священника нарежут лунок, чтобы копилась березовица, и пьют ее, так N напустит тайком в лунку своей мочи и хвастает. И в лесу, увидев подобную лунку, пакостит. Везде просит нахально. Если подадут ему черный хлеб, то, выйдя из дома, дорогой его разламывает и бросает. Курит табак, ходит с такими же сорванцами и напевает пахабные частушки. А зимой сын и внук пособляют старухе есть хлеб и картошку, да еще сын же бьет старуху и гонит из дома.

И много таких бедняков с непокрытыми домами, живут кое-как, ни коня, ни возу. По семейному положению земельный надел имеют одинаковый со всеми, но обленится человек до того, что не хочется ему хотя бы огородничеством заниматься, для чего нужна одна лопатка, и в людях не хочется работать. А как-то все живы! И удивительно, чем живы. Может быть, вы-глядывают что где худо лежит и собирают по сторонам милостыню. И рассуждают: «Теперь полная свобода, теперь мы равны все!» Но как в лесу не уравнивать все деревья, так людей нельзя уравнивать по способностям, талантам и трудолюбию. Этот старается, у него все спорится, дело кипит. Всякая работа делается в свое время. Заботливый, оборотливый крестьянин всякий ремонт постройке делает заблаговременно, выбирая свободное время. Осенью, в ненастную погоду, он ремонтирует телеги, бороны, литовки. Весной до начала полевых работ готовит сани, дровни. И так во всем, а необоротливый прождет, пролежит.

А у другого, как говорят, «башка» не варит. Не умеет он, прежде всего, как распределить работу, что следует одно после другого делать, во всяком деле запаздывает и во всем не успевает. Например, надо косить, а он еще пар пашет, и литовки у него не готовы, надо жать, а он еще сено не косил; и бросается от одного дела на другое. А при жатве пропустил день — два — половину хлеба упустил в сухую ветреную погоду. Есть и такие примеры: выделит отец сына ни с чем; уйдет сын на квартиру, — ну и если старательный, не ленивый, работает год, два по чужим людям, но между тем потихоньку при помощи добрых людей, у которых работает, поставит дом, приведет его в порядок и построит все необходимые постройки, а то и жену поставит в свой дом, а сам продолжает жить в работниках. Год от года присевает на своей земле хлеб, заводит корову, инвентарь, а потом и лошадь; годов через 5-6 становится самостоятельным хозяином.

57 стр.

Трудовая жизнь бедной женщины 59 лет - Н.П.А., разошедшейся с мужем 20 лет назад по несходству характеров. Имеет свой дом, оставшийся после отца, и усадьбу; дом старенький, на подпорах, вросший в землю, и двух дочерей. До переворота обществу земли ей не давало, а теперь владеет двумя десятинами, держит корову, телку. Чтобы обработать 1/2 десятины пашни для посева пшеницы, должна сработать 10 поденщин в страду; и за всякую работу на лошади рассчитывается поденной работой. В голодный год бедствовала страшно, было 3 пуда пшеницы, и взяли в разверстку. Ели лебеду и коренья. Летом по жниве собирали колосья все и набирывали по 10 фунтов в день. Ослабели до того, что не могли ходить. Остались живы потому, что питались молоком. Постоянно пряли, в неделю напрядали все по 30 мотков и выручали по 15 фунтов муки. Когда работы не было, собирали милостыню, но подавали мало. В 1921 году старшая дочь вышла замужеством за партийного, который наобещал, что и дом поставит, и лошадь заведет, и все домашние постройки, но ничего не делал, ел их хлеб, лежал, а потом ушел неизвестно куда, оставив жену с ребенком. Вся семья по своим силам трудолюбива, но бедность одолела непокрытая.

ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ, 25 ЛЕТ

NN воспитывалась в большой трудовой семье. Начала себя помнить с 3-4-х лет, как с подругами и братом таскали землю, чтобы устроить плотину в канаве, по которой бежала дождевая вода. «Я землю таскала в подоле новенького белого платья, а подруга в запоне, сделали плотину, стали мыть в ней одежду и сушить, а мать моя, увидавши грязное платье,

58 стр.

выстегала меня до крови. А как нас бабушка пугала за крыжовник. С 6 лет начала водиться с братьями и помогала бабушке доить коров, носила в избу воду и дрова, во всем помогала матери по домашности. 9-ти лет отдали учиться, выдержала экзамен и кончила курс. В школе пристрастилась к рисованию и дома рисовала углем по стенам или карандашом на бумаге, за что меня мать наказывала. С 9 лет начала боронить и пасти скотину осенью до заморозков и ранней весной. Работа эта была тяжелой особенно осенью - намокнешь, намерзнешься. Рукоделью стала учиться с 8 лет. В 16 лет была настоящей работницей: жала, косила и всякую работу правила, при косье не уступала в работе мужчине. Мать держала строго. В праздники обычно девушки уходили на улицу, к озеру, гуляли весь день, а меня никуда не отпускали, все дома сидела, занималась рукодельем. Зимой работали с наемным работником всю тяжелую работу (отец был мобилизован), возила дрова, сено на три лошади, бабушка не помогал, и за лошадьми сама приглядывала.

В замужество вышла на 18 году 16 января за своего общественника. С мужем жила 4 месяца, а в июне он до срока был мобилизован, и опять пришлось в новой семье работать за мужика. Семья была большая - 7 человек, но я была из семьи одна настоящая работница: свекра не было дома (мобилизован), свекровь в поле не ездила, а девери и золовка были подростки. Нанимали поденщиц, а я же зарабатывала деньги осенью и зимой шитьем. Бывало, что свекровь напустится ни за что и начнет «шпынять». Не понравится, что пол вымыла плохо или само-

вар не так вычищу, тогда она кроме руганья возьмет и насыплет на мокрый пол песку, и доводилось снова мыть и молчать, но и молчанье не нравилось: «Дай, Бог, доброго здоровья глазонькам, проморгаются. Хоть кол на голове теши, не отешит».

59 стр.

А я про себя думала: «Отмолчимся, как в саду отсидимся». Но жизнь ее была некрасна. Муж ее был все на службе и домой приходил на малое время - не один раз - и в работах по хозяйству не помогал. Она забеременела и, находясь постоянно в такой работе: возить снопы в кладу и подавать их, повредила себя, родила преждевременно в самую страду. Поправиться по-настоящему не могла, надо было жать, и с этого времени здоровье пошатнулось.

А время подошло переходное, тревожное. Надумал свекор прятать хлеб зимой. Позвать кого-либо из соседей - мужчину - нельзя, опасно, чтобы не разболтал, даже своих домашних береглись: старухи и двух подростков. Прятали по ночам, когда все соседи и домашние улягутся спать. Запрутся кругом и начнут копать ямы и ссыпать туда хлеб, землю вывозили с назьмом за село и сваливали в надежное место. Хлеба было довольно, а в ограде некуда стало. Надумали припрятать его на крышу. Для видимости днем крышу разобрали, была к тому же старая, а потом набросали нетолстый слой соломы и ночью подымали ту же сторону крыши покрыть другим слоем соломы. Но это показалось тихо работать, тогда свекор насыпал мешок на другую ночь - 7-8 пудов пшеницы, привязал к нему веревку, полез на крышу и стал тянуть его по лестнице кверху, а сноха подталкивала его снизу. Положение обоих было самое неудобное - свекор невольно опустил мешок, что-то, как он говорил, порвалось в спине, мешок и опустился на плечи снохе, и она опять повредила

60 стр.

себя вторично, все жаловалась на боль в животе и ничего уже работать была не в состоянии. После этого и муж воротился, но

больной тифом, и скоро умер. И осталась на руках с ребенком во враждебной семье как лишний человек, тем более, больной. А в семье появился и свой работник, деверь ее. Думала-думала, как ей быть, и надумала выйти в замужество во второй раз за одинокого человека, в той надежде, что в семье будет одна, не под началом, сама хозяйка. Оно так и оказалось впоследствии, что жизнь с мужем пошла согласная, но здоровье не поправилось: чуть что поработает тяжелое, даже если принесет два ведра воды из колодца, то и заболевает. Развилось сильное малокровие, головные боли, до того ослабела, что не могла ходить. Летом 1922 года лечилась впрыскиванием мышьяка и немного поправилась. А зимой родила сына, и такой был беспокойный, не давал ей по ночам спать и по настоящес время такой же.

А на всякое дело мастерица как по хозяйству, так и по рукоделию: выткать и шить — все сможет, завела швейную машину, и многие соседи приходят к ней скроить что-либо из одежды, и она никому не отказывает. Но уважением от соседей не пользуется. Как бы на слуху у всех, зовут барыней, что ничего не делает. Но характер у ней очень хороший, тихая, скромная, умница, а говорить умеет и за словом в карман не полезет. Держала у себя работниц и обращается с ними хорошо, говорит, распоряжается тихонько, не кричит на них. Из-за такой тихости одна работница и слушаться ее не стала, и сама стала с ней ругаться: «Что ты за хозяйка, не ругаешься, не кричишь?». Цены бы не было этому человеку, если бы было настоящее здоровье.

61 стр.

ЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ БЫТУ

Присмотревшись здесь к жизни крестьян, видим, что самая главная, движущая и созидающая опора в крестьянстве основана на хозяйке дома. Если не стало жены в семье или другой женщины — матери или сестры, дочери в доме, хозяйство делается плохо, неряшливо, не приветливо; дети не умыты, не накормлены, скотина безо всякого ухода, не накормлена, не напоена, разбредается куда попало. У хозяина его мужское дело

из рук валится, и ни к чему нет охоты; сам он в течение 1-2 месяцев после смерти жены изменяется до неузнаваемости, становится раздражительным, злым. Но вот хозяин женился, попалась ему здоровая домохозяйка, и в доме все оживилось, появился уют, чистота, дети сыты, умыты, одеты, скотина не надоедает своим ревом, и сам хозяин охотно принялся исправлять все запущенные работы по домашности и в поле.

И пошло все хозяйство безостановочно, и все делается со старанием и в свое время. Но характеры и привычки бывают разные у людей. «Безалаберные», неустойчивые в скором времени забывают затруднительное положение, в каком были жены, и относятся к жене иначе: требовательны, взыскательны, в особенности пристрастные к вину, разгулу, а жена старается от этого удержать и заставить его бросить пьянство и приняться за работу. И чем дальше, тем хуже становится их жизнь. Муж начинает делать все наперекор жене, да если товарищи станут над ним смеяться, что жена над ним командует, то эти насмешки больше ожесточают его. При всяком обращении к нему жены с добрым советом или увещанием, он начинает ругаться и величать ее не по батюшке, а по матушке на все «манеры», во всех падежах и склонениях,

62 стр.

с разными прилагательными. Считает работу ее ни во что и укоряет хлебом, который она ест. Но муж как земледелец работает по-настоящему полгода, а другую половину отдыхает, а жена работает весь год непрерывно, как по домашности, так и во всех летних работах наравне с мужем. Подсчитаем его работу: весной — пахать, сеять до косьбы в течение 2 месяцев. В эти 2 месяца жена ему не помогает, у нее своя работа по огородничеству, ткать, шить — всю необходимую одежду для семьи. И еще 2 месяца летних и 2 месяца осенних — тяжелых для него, но в эти месяцы и жена во всем ему помогает в полевых работах. И правит все по домашности. Проследим страдную работу жены: муж еще спит, а жена встала задолго до света, надо хлеб приготовить, пищу на весь день, коров подоить, доглядеть всю скотину, птицу, в комнате прибрать, уход за детьми. А мужа забота — доглядывать лошадей и приготовить все,

что взять с собой в поле. А вечером придут с поля, муж отдыхает, а жена без отдыха принимается за работу: муки засеять, квашонку замешать, воды, дров принести, коров подоить, скотину, птицу накормить, квас развести, ужин приготовить и после ужина надо все прибрать, а муж уже давно лег и спит, а жена долго еще управляется по домашности. В страду жена работает в сутки 19-20 часов, а муж 15-16 часов. В осеннее время года жена работает по 14-15 часов в сутки.

Осенью и зимой у мужа — вывезти дрова, произвести ремонт построек и разного инвентаря, на что уйдет 0,5 месяца, а в остальное время он уже вполне отдыхает, если не имеет никакого ремесла: ходит по гостям, покуривает табачок, а когда и погуляет, выпьет пивца, водочки, особенно в праздники. Для жены эти праздники — самое светлое, хлопотливое, тяжелое время.

63 стр.

Обычно подготовка к празднику начинается за неделю: пиво варить, самогонку готовить, квас, а пред самым праздником — испечь хлеб, пирогов всяких, завитушек, жареное-вареное для угощения гостей, полы вымыть, прибрать все в доме. А какой жене почет за всю ее работу в течение года? Есть примеры, что муж с женой живут согласно всегда. Обычно муж в раздражительности, под пьяную руку и бьет жену, гонит из дому.

Помимо тяжести всей работы много жене составляют труда и заботы дети — с самого рождения и до полного возраста. И подрастут, тоже забота о них и печаль при отдаче в военную службу. А дети часто и неуважительно относятся к матерям, не слушаются их и, бывает, что обидят словами, и нередко поднимают руки на мать.

Какое бережение жене от мужа и семейных? Самое тяжелое в жизни ее — деторождение, но и оно обставлено так небрежно, невнимательно к беременной и родившей в крестьянском быту, что удивляться надо, как они выносят. Родильного покоя и акушерки в деревнях нет, и нет обыкновения, чтобы женщина перед родами заблаговременно посоветовалась с акушеркой, чтобы за 1-2 недели до родов побережись. Каждая из них работает все время и в том случае, если есть в семье дру-

гие женщины, и стыдится себя показать трусливой, неженкой. И свекровь, чуть заметит, что сноха, видимо, через силу даже ходит, как бы в укоризну говорит: «А я, бывало, никогда не береглась, не нежничала». И после родов в редких семьях дают возможность поправиться. Обычно же, если некому пособить, то на другой — третий день начинает уж ходить. И расплачиваются затем за всю жизнь: делаются истеричными, мало-

64 стр.

кровными, слабонервными, склоненными ко всяким женским заболеваниям. Не дай Бог женщине жить в крестьянской семье, терпеть укоризны от всех, поношения, нередко сопровождающимися словами: «Ну, разлежалась дохлая дармоедка, скоро ли ты пропадешь?» И пословица сложилась: «Муж любит жену здоровую, брат — сестру богатую». Вообще в крестьянстве к больному человеку нет сострадания, относятся к человеку, как животные к себе подобным; у животных больной всегда в погоне: и курица бьет, гонит больную курицу. Да и винить крестьян в этом нельзя. В большинстве живут в темноте, скученности, а зимой и скотину держат в избе. И у всех у них недостаток, нет лишнего помещения для больного человека. А что жена способна и без мужа все хозяйство вести и хлебопашество, не растеряется, не опустит руки, как муж без жены, доказала германская война. Тогда дома остались старики, женщины и малые ребята, но женщины не растерялись, все домашние и полевые работы делались вовремя, все повинности уплачивали своевременно: денежные и натуральные. И в добавление ко всему заметно поправились по виду, поздоровели, были веселы, бодры. И это можно объяснить тем, что они жили спокойно, не боясь тиранства, издевательства мужей: кулаки над ними не свистели, матюки не летели, не было ни пьянства, ни буйства.

После обрисования труда женщины не лишне представить местную бль-небыль-побасенку: «Харитон и Устинья».

Харитон постоянно укорял свою жену, что она все дома сидит и плохо помогает ему в полевых работах, и на постель приходит поздно.

Надоело Устинье слушать укоризны, и она говорит Харитону: «Оставайся дома на весь день, я пойду жать, а ты управляйся дома: рубахи выстирай (щелок был готовый); сметану сметопи». Харитон согласился, а Устинья ушла жать. Рубахи слонут, а потом вымою в реке, высушу, а теперь стану мыть в избе и одновременно сметану мешать. Начал мыть пол, а сметану в горшке привязал к спине в том расчете, что, когда он моет, сметана смешается. Это он припомнил, как татары летом во время «перекочевывания» смешивают сметану, привязав ее в бутылке к возу. Во время езды бутылка качается, и сметана образуется в масло. Вдруг в ограде курица закудаhtала, на улице кто-то вскричал, что вороны потащили цыпушек; он вспомнил, что Устинья наказывала ему доглядывать за цыпушками, бросился из избы, забыв отвязать горшок со сметаной, поскользнулся на мокром полу, пал, горшок отвязался, разбился, сметана разлилась, выбежал в ограду и увидел, что из десяти цыпушек двух вороны унесли, а 3 утонули в корытге с водой, что было поставлено для питья. Харитон бросился управлять с цыпушками, отдувать их, забыл про всю работу, жалко стало цыпушек. Бегал, суетился, не заметил, как день прошел. Забыл и баню затопить. Устинья пришла с поля, выжала хлеб, а Харитон ничего дома не сработал. А в избе как было напачкано, так и осталось. Покачала головой и принялась сама все прибираться. С того времени Харитон не стал укорять Устинью за домашнюю работу.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ В ЗДЕШНЕЙ ЖИЗНИ И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ. ПРИГОТОВЛЕНИЕ САМОГОНКИ И ОСЛЕПЛЕНИЕ

Между песковцами есть такой обычай, что в соседнем деле принято пользоваться взаимными услугами и домашними принадлежностями: горшками, чугунками, топором и прочим всем, что у самого нет.

Зимой 1918 года при новой свободе по тому времени редкие не варили себе пива, браги, самогонки, наголодовались и с лихвой стали наверстывать утрату выпивки за время войны. Надумала и NN самогон варить, достала чугунку через людей у соседки Пелагеи Харитоновой, которая и передавала следующее в долгое время после этого: «Все произошло из-за чугунки. NN взяла у меня через соседей обманом чугунку, а она нужна стала для стирки белья мне самой. Я и пошла к ней, и узнала, что варят самогон в бане, зашла туда, а дочь находилась там же, я стала просить у нее чугунку. А дочь NN говорит: «Надо, так возьми» - «Как я стану брать горячую посудину? Опростай сама и отдай». Дочь NN пошла из бани к матери, а я вышла за ней и стою у бани, NN вышла из избы и обнесла меня нехорошими словами, и что-то поговорила с дочерью. И дочь взяла 2 ведра на коромысле и прошла мимо меня в баню боком, как будто прятала ведро. Я тоже зашла в баню и прошу свою вещь. «Да бери, говорит, сама» - «Да как я возьму голыми руками?» - «А возьми на стене перчатку», - отвернулась от дочери, а она ведра поставила на пол и как будто, что-то взяла из ведра. Я взяла прихватку и стала брать чугунку, наклонившись к самому доньшку, и когда несколько выпросталась и хотела из чугунки вылить самогонку в ведро, дочь NN плеснула горячей самогонки в глаза ковшом. И я света Божьего не увидела, убежала кое-как домой. Мужа дома не было - на войне, оставалась со старухой-матерью да четырьмя малыши детьми. Все подняли плач. Две недели страшно болели глаза, вылежала 2 месяца в больнице, но зрение пропало навсегда. И в таком состоянии приходится по домашности работать самой, пекчи хлеб, доить коров, стираться. Помогают муж и дети». Из разговора с Пелагеей Харитоновой можно было заключить, что она и гнева

не имеет на тех людей, которые ее ослепили. Подобный случай наталкивает на многие размышления. В этом деле сошлись две стороны, два права. Право домовитой хозяйки, право собственности. И право женщины, для которой все «трын-трава», право произвола, насилия, безнаказанности. Пелагее Харитоновой жалко стало своей собственностью, старой чугунок, которая нужна ей постоянно по домашности для кипячения воды. У NN было свое право, право нужды, необходимости. Ей крайне нужно было доварить самогонку, и если не доварить, то остатки приходится бросать, чего ей крайне не хотелось: дело было перед Масляной, самогонку надо было продавать.

ДРУГАЯ СЛЕПАЯ

Такое несчастье, как потеря зрения, служит для некоторых забавой. В деревне Чусовой живет слепая старушка NN. Соседка Е.С. на шутку ей сказала, что в Екатеринбурге доктора вставляют новые глаза. Обрадовалась старуха (на старости лет впала в младенческое состояние), надумала ехать в город и пошла в сельсовет просить билет на поезд. Дело было зимой в воскресный день, народу было в «сборне» много, и старуха объяснила, зачем пришла, и просила выдать ей билет до Екатеринбурга. Бывшая в «сборне» молодежь и вознамерилась над старухой позабавиться. Дали ей в руки бумажку от численника и сказали: «Вот тебе, бабушка, билет. Иди, и мы тебя сейчас же отправим по железной дороге». И Е.С. тоже с ней собралась. Вывели из «сборни» и посадили на телегу с пожарной машиной (с осени машина стояла на телеге), и сказали: «Садись и держись крепче, машина теперь же пойдет». Села старуха на телегу. Взялась за ручку, что качают воду, положила и хлеб в мешочке. Шутники впряглись в оглобли 15-20 человек и начали возить кругом «сборни» (стояла на площади). А народу собралось много на это зрелище. Шум, крик, хохот, телега гремит. Возили-возивай билет, пойдём пока на квартиру, а потом в больницу к доктору сходим» - «Вот как скоро приехали, я даже хлеб не успела съесть». Привели ее домой, где жила, и посадили на печку, и много над ней шутили.

На ногах она была крепкая и часто ходила из дома в дом.

Пришла в одно время в дом, и при ней же вошла оспопрививательница, и старуха спрашивает: «Кто это пришел к вам?» - «Пришел агент, записывает всех старух, чтобы из них варить мыло». Убежала старуха живо из избы быстрехонько.

68 стр.

ТРЕТЬЯ СЛЕПАЯ

Макрина Степановна Антропова, 54-х лет, вдова, живет в своем худеньком доме с сыном. Ослепла 12 лет тому назад. Вот что она рассказывала о себе: «Ушла убогом в замужество дочь Елена, а за это меня муж бил жестоко. И к чему мне было держать дочь, когда жизнь наша была самая несчастная? Жили все по людям, что я ее не удержала, за это меня и бил. Возьмет за волосы, таскает-таскает из стороны в сторону и начнет мою голову бить в стену или в столб. Был горячий, раздражительный, за малость принимался ругать, бить. Бил за каждого родившегося ребенка и приговаривал: «Зачем носишь?» А дети были от него, худым я не занималась. Беременную тоже тиранил — тыкал в живот кулаками. Сонную меня часто пугал. Бывало, схватит внезапно, закричит, заругается, от внезапности я вся вздрогну и долго не могу успокоиться. Харкал мне в лицо ни с чего. Даже бывало схватит лицо руками и давит, готов глаза выдавить, или тычет в глаза веником. Через это и ослепла. Когда мы были еще молоды, то душил меня ночью подушкой. Однажды мы жали. И я молвила ему какое-то слово, он так осердился, что бросил в меня своим серпом и чуть не заколол, я успела отвернуться. Часто он меня «клял». Сядет со мной на лавку, стукнет по лавке кулаком и закричит: «Будьте вы прокляты от меня ты и дети твой». А я ему на это отвечу: «Будь мои дети не прокляты, и я не проклята».

Во всю жизнь мою не было у меня зла и вражды на мужа. И теперь не поминаю злом. Да и как мне иметь на него зло, когда он был мой законный муж, мой хозяин?. Трудом рук своих кормилась от огородничества и пряжи. Детей обувала, одевала, домик построила». Соседи о ней отзываются хорошо, она набожная, смиренная, честная женщина. И в настоящее время кормится своими трудами, постоянно прядет, про себя ткёт и шьёт.

Часто по заказу прядет нитки для шитья на швейной машине. И что удивительно, сама вдвигает нитку в тонкую иголку при помощи осзания. Сама маленькая, сухонькая, все ее имущество на себе и в машинном ящике.

70 стр.

СТРЕЛЬБА ПОДРОСТКА В ДЕВОЧКУ

1923 года, в мае месяце сын вдовы Анисьи Павловны Балиной — Алексей, 13 лет, баловался заряженной винтовкой, рассматривая ее, сидя у крыльца с товарищем-соседом, а потом стали они бегать, а Алексей грозился стрелить в товарища. В это время в ограду зашла дочь соседки Матрены Кузьминичны Балиной, Ксения, за граблями и видела, как ребята бегали. Взявши грабли, пошла к воротам и, обернувшись, опустила грабли в землю, а на ручку оперлась, наклонилась и говорит мальчику, бегавшему тоже с Алексеем: «Не бойся его, Алешка не стрелит, ведь он только хвастает». Тогда Алексей с ружьем оборотился на Ксению и говорит: «Я тебя стрелю» - «Да где тебе меня стрелить?» - «А вот и стрелю». Спустил курок и попал Ксении в руку, положенную на грабли, плечо и чушку. Кость раздробил, и теперь девочка не работница на всю жизнь. Суд присудил родственникам кормить ее.

УБИЙСТВО ПОДРОСТКОМ МАЛЬЧИКА

1924 года, мая 29 утром в ограде Стефана Петровича Балина мальчик Андрей, 16 лет, застрелил мальчика Григория Антропова, 9-ти лет, сына вдовы Матрены Андреевны Антроповой. Андрей приехал к Стефану за тем, чтобы ехать пахать пары. (Стефан и отец Андрея, Иван Петрович Нетунаев вкладчину пахали). Хозяина дома не было, и Андрей взял ружье Стефана, сел с ним у крыльца, а ребят в ограду набежало много к сыну Стефана. Андрей и стал их пугать ружьем: того-другого, и те убежали, а Григорий стоял у избы, и на него Андрей стал наводить ружье, а Григорий сказал: «Я не боюсь». А тот стрелил, попал в глаз и убил наповал.

В настоящее тяжелое время у взрослых жизнь человеческая потеряла всякую ценность, и дети подражают взрослым, забавляются ружьем и жизнью других, как игрушкой.

71 стр УБИЙСТВО ВОЛОСТНОГО СТОРОЖА

1889 года ночью с 29 мая на 30 мая ограблено волостное правление, бит сторож Сергей Федорович Тетев, и другой, Иван Максимович Балин, изранен, денег похищено 426 руб. 88 коп. /Краткая церковная летопись/.

Очевидец этого Прохор Филиппович Балин рассказывал следующее: « Я был в то время сельским старостой; пришел к волости по делу рано, она была затворена, вышел от крыльца, заглянул на окна, у одного створка была открыта, подошел, заглянул в окно и услышал, что кто-то там стонет. Испугался, отошел от окна, стал кричать, народ сбежался, забили набат. Никита Иванович Снегирев заскочил в окно, отворил двери, все вбежали в волость и увидели: Сергей Тетев убит, голова прошиблена колодкой. Это убийца сначала оглушил его колодкой, что лежала для обороны, и ножом дал 7 ран. Десятник Иван был тоже изрезан ножом, но был жив, и одна рана утдила его в шею. И когда десятника стали допрашивать, кто был наряджен дополнительно к ним в караульные, и раненый мог кое-как говорить; «Ван, Ван». Десятника Ивана Балина свезли в больницу. Когда он поправился и мог говорить, то показал, что резал их Иван Григорьевич Снегирев. А тот же стал отпираться. Но бывший в волости накануне Димитрий Кузьмич Антропов слышал, что десятник Балин (раненый) наряжал Ивана Григорьевича Снегирева. Произвели первоначальное расследование, допросы, обыск у Снегирева. Нашли рубашку в крови. Нож, которым он резал, подходил как раз к ранам. Работница Ивана Снегирева показала, что его на-

72 стр.

ряжали к волости, и он ночью уходил. И на окружном суде он не сознался. По уликам, показаниям свидетелей его присудили в каторгу, куда отправился вместе с женой. До убийства

жил за речкой, хутором. Детей не было, занимался хлебопашеством, засеивал по 20 десятин хлеба, держал работника, работницу. Имел 6 рабочих лошадей, 3-4 дойных коровы, много мелкого скота: овец, свиней и разной птицы. Чем бы ему не жить? А еще был не доволен и решил на ограбление и убийство. Воровством он и раньше постоянно занимался. В то время мимо его двора постоянно днем и ночью проезжали жители из Петропавловской волости и Шутихи с хлебом в Катайск, где продадут хлеб и с деньгами и покупками едут домой. Многие, конечно, напивались в Катайске, а по пути заезжали в Пески, пьяные. Уснут, а лошадь привычно идет домой тихонько. Вот таких — то по ночам и обирал Снегирев, осматривая карманы и поклажу. В каторге пробыл 25 лет, воротился домой до войны. Помер в 1923 году, апреля 15, в 90-то лет.

ИСКАТЕЛЬ

Лифан Данилович Мартюшев, 70-ти лет, прибывший в Пески из села Боровского к деду Андрею Родионовичу Березину, у которого прожил 13 лет, потом прибил к обществу и стал жить самостоятельно. Название «искатель» получил за то, что, имея громадную память, наблюдательность, подвижный характер, ходил по людям, деревням с 25 лет и приспособил себя замечать у всякой скотины пятно, наружность и все приметы и, бывая в народе, передавал, где какую скотину видел. Поэтому и стали поручать ему отыскивать все, у кого потерялась лошадь, корова, овца. Обходы он делает осенью по выпадению снега и весной, как запрут поскотины, от села Песковского в 30-40 верст. Во время этих обходов, он все примечает, наводит справки в волостных правлениях, где ведутся списки загнанного скота. Во всякой деревне его встречают дружелюбно, принимают охотно и расспрашивают, и он расспрашивает о гульбном скоте. Так это и ведется им из года в год в течение 45 лет. За отыск берет пустяки: 15-29 копеек за овцу, за телку 30-50 копеек, за лошадь, за корову — 1 руб. 50 коп. И теперь еще бодрый, живет воздержно, в голове нет седины, зрение острое, на ноги крепок, может пройти 20-25 верст без отдыха. Занимается в небольших размерах хлебопашеством.

74 стр.

КАК В СТАРИНУ БРАЛИ В СОЛДАТЫ

Прежде рекрутскую повинность отбывали крестьяне, мещане, купцы. Помещики своих крестьян сдавали по своему усмотрению, кого хотели, а государственных крестьян, по расказам старожил, вербовали так. Внезапно военная команда окружала село или деревню, чтобы никто не мог убежать. Старший в команде с охраной входил в дома и брал очередных, вязали и отправляли в город, откуда они уже не возвращались до окончания службы. Бывало, что некоторые убежали из деревни, прорывали охрану, и за такими была погоня.

Рассказывают, что один рекрут убежал в поле, в лес, за ним погоня. В лесу спрятаться не мог. Бросился в сторону к реке Исети. Дело было поздней осенью, река покрылась тонким льдом, рекрут бросился на лед, который стал гнуться под ногами, проламываться, тогда беглец лег на лед, и где полозком, где катком перебрался за реку, и тем освободился от рекрутчины, а погоня не посмела идти по льду. При такой вербовке в деревне подымался страшный переполох, плач. Семейные прощались с рекрутом как с покойником. Со временем такой набор отменился, брали уже через волостные управы в определенный срок. При этом бывает и злоупотребление со стороны местных сельских волостей. Рекрута провожали с плачем, служба была 25 лет. Взамен личной рекрутчины дозволялось брать зачетные квитанции или нанимать другого желающего, или попросту «наемщика» за выряженную плату деньгами и гулянку в течение месяца или более. Этим пользовались купцы, мещане и зажиточные из крестьян. «Наемщик» во время гулянки жил в доме нанимателя, дебоширил и измывался, как хотел.

75 стр.

Максим Яковлевич Балин нанял за своего сына Федора в наем Добровольца из села Петропавловского Ивана Петровича Чегодаева за 700 рублей и чтобы гулять 2 месяца. И чего только наемщик ни проделывал! Ел, чего душа желала, водка и вино-

радное вино были готовы с утра и до вечера, а также пара или тройка запряженных лошадей, и чтобы ямщиком был или отец, или сын. Приведет товарищей, и чтобы всех угощали. Из пищи, что не понравится, бросал на пол. Не понравится вино, выливал все в лохань. Наедятся, напьются, едут все кататься и водку с собой. Заедут к кому-нибудь из рекрутов или в непотребный дом, и ямщик должен стоять и ждать, сколько бы они не пробывали там, домой уехать было нельзя. Приедут после гулянки домой, наемщик «закуражится»: «Не хочу ехать в ворота, раскладывайте заплот». И раскладывают. В другой раз: «Не хочу идти, несите меня». Заставляет, когда приедет с гулянки, слать в огороде шали, платки или ковры и по ним идет в дом. В избе также заставлял слать шали, платки и пляшет. При катанье всегда надевает на шею шали и покрывается шелковыми платками, принадлежащими жене рекрута, за которого нанялся. И при всем этом безобразил постоянно, «бахвалится» перед всеми семейными и выговаривает: «Я иду за вашего сына, и потому должны меня уважать, я ведь кровь свою иду проливать». И все должны молча переносить, ублажать его ласковыми словами. Этот Чегодаев таким манером гулял у шестерых крестьян, а перед тем, как ехать на сдачу, заставлял истопить баню и в бане производил вредительство над собой: или глаза портил, или выпивал конопляного масла, от чего тело его делалось синим. Или растравит, надует на теле язвы, нарывы и прочее, от чего его браковали. Но Балин был научен, как надо поступить с Чегодаевым при сдаче, и привез его в город, привел в присутствие, где его знали, сколько раз он нанимался, не в очередь его осмотрели, нашли здоровым, годным, зачли за сына и сказали: «Пусть теперь делает с собой, что хочет, будет отвечать по закону». Когда его привели на квартиру, он стал просить, чтобы истопили про него баню, но Балин отказал, всю ночь не спускали с него глаз, чтобы не сделал над собой какого вредительства, а утром свезли в казармы и окончательно с ним развязались.

И «посудачил» потом Чегодаев, когда дело было обделано и говорит: «Ну, Максим, не думал я, что меня примут, сумел ты дело обделать, счастлив. Захватили меня добра молодца, обреют мою буйную головушку, не приведется больше погулять на волюшке» /Передавали Петр Иванович Балин и Иван Федорович Балин, за отца которого нанимался Чегодаев/.

77 стр.

1855-1856 годы. За Филиппа Сергеевича Балина нанимали желающего Данила Андреевича Барабошина. За 400 рублей и чтобы гулять 2 месяца. Барабошин вел себя тихо, но пьянствовал. Перед тем, как явиться в присутствие, напился водки с купоросом, и его стало рвать, но заблаговременно все было улажено (израсходовано 400 рублей), и Барабошин был принят, проболел сутки. Служил 9 лет и на военной службе помер /Передано Прохором Филипповичем Балиным/.

1860-1861 годы. За Ивана Семеновича Воротникова был нанят добровольцем песковский житель Демьян Антонович Антопов за небольшую плату. Гулял 2 месяца, но вел себя хорошо и вредительства над собою никакого не делал. Прослужив 15 лет, воротился домой, и Воротниковы его женили, построили дом, дали 1 лошадь и 1 корову, и он стал жить самостоятельно. В голодный 1891 год со всем семейством уехал в Барнаул и там остался /Передано Николаем Ивановичем Воротниковым/. Служили в солдатах по 15 лет.

Кроме найма желающего брали из казначейства зачетные квитанции. Так, в 1856-1858 годах была взята квитанция за Тимофея Алексеевича Снегирева, уплатившего 2000 рублей серебром. До обязательной для всех волостной повинности рекрутов сдавали по приговорам сельских обществ, причем не обходилось без угощения общественников водкой, а волостных начальников дарением. Много было несправедливости тогда, и бедняки страдали от этого.

В 1874 году была введена воинская повинность для всех сословий. Предварительно составлялись списки с выяснением семейного положения; второго и третьего разрядов каждый брал лично жребий в воинском присутствии. Служили новобранцы по 6 годов.

79 стр.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ, ПРИЧЕТЫ, ПЕСНИ

Сватание начинается из домашнего совещания отца, матери, жениха. Намечают 3-4 дома с невестами, сообразно своего имущественного положения, - по пословице: «Руби дерево по себе». Едут сватать отец и мать без жениха, но всегда берут родственника или знакомого отцу невесты, «сватовщика» для смелости, зачину и, в случае согласия, для разнятия рук. Заезжают в ограду, не спрашиваясь, обычно днем под вечер, лошадь не выпрягают, а оборотом к воротам привяжут или повернут по входу в дом. Помолясь Богу, поздороваются с хозяевами, не раздеваясь, садятся на лавку, поздороваются с хозяевами, неговщик начинает речь: «Мы к вам приехали с добрым словом, со сватаньем - откажете или прикажете?» Если родителям невесты известен жених и материальное положение его не подходяще или жених не нравится, то начинают нечестно отговариваться, что, мол, невеста молода еще, или приданое не готово, или наоборот откажут. Сватанье невесты от бедной семьи не считается бесчестным: «Бедный сватает - богатому дорогу очищает».

Если у отца с матерью есть намерение отдать дочь, то дают обещание и выражают желание осмотреть дом и все имущество жениха и назначают день приезда. Некоторые осматривают дом снаружи, проезжая мимо его, и, заезжая к соседу или к кому-нибудь из знакомых, расспрашивают. Другие заезжают в ограду, заходят в дом и все осматривают: в амбарах, скотину во дворе. Бывали примеры, что отец жениха приводил к себе во двор скотину от соседей. В случае согласия сватовщик со стороны жениха наказывал, чтобы ехали отец с матерью и жених.

80 стр.

Тогда снова едут отец с матерью и жених, и сватовщик к невесте на смотрины, и отец с матерью дают свое согласие, и невеста соглашается. В старое время еще был такой обычай: хотя отец с матерью и дали свое согласие, но невеста начинает «куражиться» - скочит на лавку, ходит по ней и говорит: «Хочу - скочу, не хочу - не скочу», а жених ходит за ней и спрашивает: «Скочи - скочи с лавки». Ходит она так долго, а жених все

упрашивает. Когда скочила на пол, этим дала согласие, и жених ее ведет к столу, где она начинает причитать:

Не сгавайся, родимый пятенка, на чужие слова ласковые.
Погержи меня с годик поры - времечко.
Хоть бы два да миновалися, хоть бы три да прокатилися.
Я во первый - то годочек порастила русу косыньку;
Во второй - то бы годочек поносила платья цветного,
А во третий бы годик понажила ума-разума.
Я гораздо тебе наскучила,
Я гораздо - то напроскучила,
Износила платья цветного,
Истоптала черны чеботы,
Я сусеки хлеба выела,
Я колоды воды выпила.

Мать стоит около невесты и плачет. После этого начинается сговор и зацен. Родители невесты выражают разные вещи из одежды, или хлеба, или денег. Чем больше у невесты приданого, тем больше выражают от жениха. Когда уговорятся, зажигают перед иконами свечи, становятся на ноги, молятся Богу. Возьмутся за руки сватовья и жених с невестой крестообразно, а сватовщик разнимает. Затем опять молятся Богу, и невеста дает задаток: 3-4 скатерти, 2-3 полотенца, а жених - денег. В старое время часто бывало, что невесту отдавали за немилую; был, может быть, у ней избранник, но не посмел посвататься по бедности или по чему другому, а невеста не смела в этом открыться, не в обычае, и

81 стр.

могла высказать горе в слезах и причетах. Есть пословица: «Кому жениться, тому и ночь коротка». В таком состоянии невеста всю ночь продумает, а утром, вставши и сидя на кровати, начинает плакать и причитать:

Ты гумушка моя крепкая,
Ты словечушко мое тайное.
Некому мне высказати,

Некому мне поведали,
Я спала да высыпалася,
Ждала да дожигалася
Сельских ранних петухов,
Уж до звону колокольного.
А еще я дожигалася
Я от тятеньки побужденьица
Я от маменьки покриченьица.
Не могла я дожигатися
Я от маменьки покриченьица,
Я от тятеньки побужденьица.
Отказал мне родной тятенька
От хлеба, от соли,
От теплого подворьяца,
Запросватал меня тятенька,
Запоручила родима мамонька,
За поруки — руки крепкие,
Крепкие — погвенечные,
Погвенечные — вековечные.
Ты гора ль моя высокая,
Ты стена ль моя каменная,
Ты родимая моя мамонька,
Во утробе девять месяцев,
На десятом же меня родила.
Носила же моя мамонька
Во парную- то баненку;
Берегла меня мамонька
От буйных ветров да ненастийц,
Пеленала меня во каленкорову пеленочку
И во шелкову покримочку.
Метала родима мамонька
Выше плеч и буйной головы,
Метала да приговаривала:
- Рости, мое дитятко,
Не отдам тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина.
- Не спасибо, моя мамонька,
Изменила свое словечушко:
Отдала меня, мамонька,
За свою ровню - крестьянина.

Ты родимой мой братенько,
Петр свет Иванович,
Не спасибо тебе, братенько,
Не разговорил мово батушку -
Запросватали меня, младешеньку.
Ты б коня продал — выкупил.
Поезжай-ка, мой братенко,
Ты к чужому-то чуженину,
Ты скажи-ка, мой братенко:
- Твоя сужена упокоилась,
Вся по лавке протянулася,
От тебя, чуженина, отвернулася,
Ай не хотит за тебя, за немилото игтить.

Мать тут же стоит и плачет. После этого невеста встает, идет умываться и принимается за свое дело. Собираются подружки невесты для шитья приданого и утечи в горе невесты и живут до венчания. За два дня до венчания утром заплетают невесте косу с ленточками и цветами. Приезжают

82 стр.

к невесте свекровь и золовки, она их дарит холстом. При заплетении косы невеста причитает:

- Походить бы молодешеньке по высокому нову терему,
Поискать бы молодешеньке себе место, себе местечко.

Девушки, сидя вокруг невесты, каждые два стиха повторяют:

- Во первое место я сагилась ко печке ко муравчатой,
Тут мне не место да не местечко,
Не житье-бытье-красованье, трубочатой косе заплетение.
Во второе место сагилась под кутное да под окошечко,*
- Тут мне не место да не местечко,
Не житье-бытье-красованье, трубочатой косе заплетние.

*Небольшое окошечко в переднем углу избы, закрывалось деревянными створками

Во третье место садилася среди полу да губового
Против кумушек-подруженек
- тут мне место, тут мне местечко.
Тут бытть-красованье, трубочатой косе заплетение.
Ты гора ль моя, да высокая, ты стена ль моя белокаменна,
Ты родила меня, мамонька, породила меня, маленьку,
Опшатились-ка, родна мамонька, от печки-заслоночки,
Погсажи, моя родненька, что космы (косы) да младешеньки,
Заплети, моя мамонька, что мою косу трубочату
Тебе отпрогу не впервые, девьей красоте в последнее.
Ты голубушка моя сизая, ты лебедушка моя белая,
Любимая моя сестрица, Елизавета свет Петровна,
Погойди ко мне, голубушка, ко мне, младешеньке,
Заплети косу трубочату да рассыпчату,
Тебе отпрогу да не впервые, мне, дивьей красе, во последнее.

(Сестра подходит к невесте, обнимаются и плачут).

Не спасибо, моя сестрица, что не сговорила, моя сестрица,
Что мово-то родима пятеньку, что мою-то родиму мамоньку,
Ты скажи, моя голубушка, про чужу-то гальну сторону,
Про чужого свекра-батьюшку, про чужую свекровь-матушку,
Про чужого про чуженина, про злодеюшка незнамого,
Как мне жить-то, молодешеньке, надо слушаться,
Надо старого, надо малого во всяку пору во времечко.
Уж как я, дитя неученое, еще я - дитя нестроченое.
-Я скажу тебе, голубушка, про чужую гальну сторону,
Про боярочку колючую, по крапиву про палючую,
Про злодеюшку незнамого,
Что не будет свекор-батьюшка против пятеньки родимого.

83 стр.

Что не будет свекровь-матушка против родной твоей ма-
моньки,
Что не будет чужой-чуженок против братенька, против род-
ного.
А взглянет он по-звериному - обомрет твое сердечушко,
Погсекутся ножки резвые, затрясутся ручки белые,

Помутятся очи ясные, покатаются слезы горькие.
Вы голубушки мои сизые, вы лебедушки мои белые,
Любомилые мои подруженьки, вы счастливые голубушки,
У родных своих пятенек, у родимых своих мамонек.
Отходили, мои голубушки, что со мной, со молодешенькой,
По лужкам, лужкам зеленым,
По Ирбитской большой ярмарке,
По широким большим улочкам,
По широким по дороженькам, что отпели басни-песенки,
Износили шелковы во косах своих ленточки.

В тот же день вечером у невесты косу расплетает мать, и
она причитает те же слова, сидя на стуле, а девушки сидят
кругом ее, и вместо слова «заплети» говорят «расплети». С
расплетенными ленточками выходит невеста на крыльцо и причи-
тает, держа в руке ленточку:

Улетела дивья красота
Во галече во чисто поле,
Сошла дивья красота
На горькую на осиночку,
На самую вершиночку,
Тут ей не место не местечко,
Не житье-бытье-не красованье.
Пересела дивья красота
На косую на поскочену,
Тут ей не место, не местечко,
Не житье-бытье-красованье.
Пересела дивья красота
На плотцы на белодубовы,
Тут пришла стара старица
Со ледяными да ведерками,
Помакнула дивью красоту,
Унесла же дивью красоту
Во матушку, во Божью церковь,
Во святое во Евангелие.
Тут ей место, тут ей местечко,
Житье-бытье-красованье.

За день до свадьбы или в самый день свадьбы утром невеста
с девушками, если не имеет в живых матери, отца или крест-

ной, ходит на могилки причитать и просит благословения: «Слава-слава Боже Господи! На проезжую на дороженьку меня выпустил сугарь-батюшка со кумами, со поддружками на широкую, большу улочку с душами - красными девицами».

(В церкви во время венчания при чтении Евангелия невестой кладется ленточка- «Красотка» в Евангелие).

84 стр.

Погляжу же я, молодешенька,
Во все четыре стороны:
Всё ли, все ли стоит по-старому,
Всё ли, все ли стоит по-прежнему?
Только я, млада, не по-старому,
Только я, млада, не по-старому,
Запросвал меня родимый тятенька
На чужую дальнюю сторону
За чужого за чуженина,
За злодеюшка незнакомого.
Всех ли, всех ли перекликала,
Всех ли, всех ли перегаркала?
Не гогаркалась, не докликалась
Я своей да родимой мамоньки.
Залежалась родима мамонька
Во матушке - во сырой земле,
Во гробнице белогубовой.
Подымитесь, ветры буйные,
Со восточной со сторонушки
Со громами со сверкучими,
Со молоньями со гремучими,
Чтобы выпали сер-горюч камни
На матушку на сыру землю,
На гробницу белогубову.
Ты раздайся, мать сыра земля,
Расколися, да гробова госка,
Отпахнитесь, тонки саваны полотняны,
Уж стань-ко, родима мамонька,
На свои на ножки резвые,

Отогни-ко ты, мамонька,
Свою да ручку правую,
Перекрести-ко, мамонька, свое лицо белое,
Распечатай, родима мамонька,
Ты свои уста сахарные,
Воспромолви, родима мамонька,
Свое благословеньице
На чужую, гальну сторону.
Мне твое благословеньице- оборонушка.

Во время сидения девушек у невесты вечером невеста с девушками выходит в ограду. Ворота отворялись, и в них невесту окружали девушки, и она говорит те же причеты, что и при заплетении и расплетении косы.

В день свадьбы жених собирает к себе «свадебжан»: тысяцкого (крестного отца), сваху (крестную мать) и дружку (в старое время чертогона), и бояр (шаферов) 4-6 человек. Обязанность крестного — вести к венцу новобрачных, платить в церкви за освящение, а дружка должен быть впереди поезда, очищать дорогу (а в старое время отводить каждое колдовство, посмеятельство от злого человека).

Собравшись всем поездом, отправляются к дому невесты. Подъехав к дому, дружка стучит в окно и говорит Иисусову молитву, и ему из дома отвечают: «Аминь». Заезжают в ограду. Дружка с поддружьем заходят в избу, а жених со свадебными остаются в ограде. Девушки сидят за столом и при входе дружке поют припевку:

Дружка чист, перечист,
Наговаривает горазд,
Наговаривает, наговаривает.

Во время этой припевки дружка пляшет, если умеет, и тем отделяется от девушек, а если не умеет, то дарит им денег. Из избы дружка жениха и со стороны невесты «послянин» со свахой выходят на ограду здороваться со свадебжанами и приглашают в дом. Но девушки-подружки в дверях на крыльце встречают их, раскидывают шаль, не пропускают и поют:

У двора широкого,
У терема высокого,
У крыльца прекрасного,
Чистая улица повыметена,

Наглядко она выскоблена,
Сукном-бархатом усланная.

- Еще кто эту улочку мел?
- Мел родимый братенка,

Сергей Петро Иванович,
Уж он мел-приговаривал,
Никому не приказывал,
Никому конем не въехати,
Коня не поставити.

Только въехати-не въехати
Удалу добру молодцу,
Он въезжал, не привязывал,
Никому не приказывал.

Выходил его ласков тесть,
Ласковый тесть приветливый:

-Зачем, зятюшка, приехал сюда?
-Я приехал по суженое,
Я приехал по ряженое,

По Елизавету, свет Ивановну.
- Твое суженое не выросло,

Дары у ней не вышиты,
Набело они не вымыты,

Наглядко-то не укатаны,
В коробеечку не складены.

Выходила его теща-мамонька:
-Уж ты здравствуй-ко, мой зятюшко,

Благодарствует тещенька:
- Ты зачем, зять, приехал сюда? -
Я приехал по суженое,

Я приехал по ряженное,
Душу красную гевицу.

-Твое сужено выросло,
Дары у ней вышиты,
Набело они вымыты,

Наглядко они укатаны,
В коробеечку-то складены,

На замочек призакрыты.

Лошадей свадебного поезда заворачивают и ставят в ряд головой всех к воротам, и привязывают к протянутой через ограду веревке, и заходят в избу, здороваются. Невеста одна стоит на «середы» пред печкой, плачет и причитает, поезжане садятся за стол:

Не слышала Елизаветушка, как бояре на двор въехали,
Не слышала Петровна, как княже на широкий двор.

Тут Елизаветушка испугалася,

Она кидалася, бросалася

Что из горницы в горницу,

Из светлицы в светлицу,

За куть, белую занавесу,

За кумушек, ли подруженек.

-Уж вы кумушки-подруженьки мои,

Вы прикройте-похраните меня

От чужого да чуженина.

Вот он едет -разоритель мой,

Вот он едет- погубитель мой.

Вот он едет - расплети косу.

Вон он едет -поглядеть красу.

Отвечает ей добрый молодец:

-Не я разоритель твой,

А разоритель твой — батюшка,

Не я погубитель твой,

Погубительница - твоя матушка,

Расплети коса — твоя крестная,

Потерять краса - я, молодец.

Невеста просит благословения у отца, у матушки, крестной:

- Откатись, родима мамонька,

От печки от муравчатой,

Что подай мне, родна мамонька,

Великое благословеньце

На чужую дальну сторону,

На злодейку незнакомую.

Ко чужому ко чуженину
Мне твое-то благословеньице -
Великая оборонушка
И от старого, и от малого.

После этого крестная мать жениха расплетает косу невесты
и одевает к венцу, а она причитает:

Первый ступень ступила я —
Свалилась воля батюшки,
Я второй ступень ступила —
Свалилась нега матушки.
Я третий ступень ступила —
Свалилась дивья красота.
Первой поклон кланялась
Я за тятеньку и за мамоньку
(кладет земной поклон и крестится).
Я второй поклон кланялась
За братьев - ясных соколов,
За сестер - белых лебедушек.
Я третий поклон кланялась
За себя, за молодешеньку.
Мне создайте, Боже Господи,
Что с небес скору смертоньку.
Не гневайся, чужой-чуженин,
Во слезах-то я забылася,
Во причетах замешалася,
Но создайте, Боже Господи,
Века долгого, а на веку
Добра здоровьица.
Я не выйду, я не выступаю
Без тятенькиной порученьки.

Отец берет за руку невесту и ведет к столу. Все встают, и
отец переда-

87 стр.

ет ее жениху, и становится рядом. Отец невесты наказывает

жениху: «Пой, корми, одевай, обувай, на работу посылай и ко
праздникам води». Пред иконами зажжены свечи, все молятся
Богу и садятся. Жених и невеста в передний угол; с левой (не-
вестиной) стороны — свахи, а с жениховой — тысяцкой и боя-
ра. Дружка с подружьем стоят на ногах и угощают, и нагова-
ривают разные прибаутки. Весь тот день жених и невеста не
едят, едут к венчанию, как прежде было, так ведется и теперь.
Во время стола девушки поют:

Отставала лебедь белая
От стага лебединого,
Приставала лебедь белая
Ко стагу, ко белым гусям.
Стала лебедушка по-гусиному крикати,
Ее стали гуси щипати,
Ее щипали гуси серые.
- Не щипите, гуси серые,
Не сама собой залетела я,
Занесла меня неволюшка
И понурая погодушка.
И вставала-то я, Марьюшка,
Звать кумушек-подруженек,
Приставала Марьюшка ко чужому ко чуженину,
К чужим людям незнакомым.
Не умела Марьюшка на головушке поправить,
Ее стали люди бранити.
- Не браните, люди добрые,
Не сама собой за стол ходила,
Заводил родимый тятенька.

Во время еды женщины припевают тысяцкому:

Тысяцкий богат, в добре,
Хлеба пшеницы амбары стоят,
Скота-живота луга зыбнутся,
Цветного платья грядки ломятся,
Шил шубу из девяти бобров,
Десятый на подушку ушел.
В этой шубе к обедне ходил
И мила крестника женил.

Жениху и невесте поют:

Дерево пошатилось,
Веточка обломилась,
Ягодка откатилась,
Покачилось золотым кольцом,
Прокатилось красной девицей-гушой.
Кто бы семя через море перевез?
Отвечает тут угалой молодец:
-Я за тобой корабли пошлю!
-У воды корабли колышливые,
Я же, молодешенька, боязливая-
-Я за тобой шаферов пошлю,
Я за тобой молодых пошлю-
-У вас-то шаферы шутильные,
А я, молоденька, стыдливая.
-Я за тобой соколом прилечу,
Под крылом унесу...

После того, как жених войдет в дом, из ограды выезжают с приданным посяне, то есть посланные от невесты в дом жениха.

88 стр.

Приданое везут, смотря по достатку, от одного до трех возов. И на каждом сопровождают двое: муж с женой или брат с сестрой, или другие из родственников. В ограде жениха старшие встречают посян, угощают вином и приглашают в дом, а те говорят: «Развязывайте наперед, воза принимайте, вносите в дом, а не развяжете, то мы и домой можем уехать». В этом случае посяне, когда много везут приданого, то концы у возов прячут, чтобы концы не скоро можно было найти, а их между тем задривают, угощают вином. В особенности зимой так запрячут концы, что трудно их найти без указания. Запрячут концы за вертушку оглобли, то есть оглоблю отвернут от саней, запрячут за вертушку концы веревки и опять завернут с оглоблей. Когда концы развяжут, то приданое заносят в дом, разбирают вещи, какие нужны к употреблению теперь же, готовят постель и ждут новобрачных.

По приезде от венца к дому жениха весь свадебный поезд останавливается, все выходят из экипажей. Из дома выходят отец с матерью с иконой и хлебом к новобрачным. Те кладут три земных поклона, и после этого их благословляют. Девушки стоят на крыльце и поют:

- Соколы вы наши, соколы,
Сокола перелетные,
Куда же вы, соколы, летали?
- Уж мы летали, соколы,
С моря на море.
-Кого же вы видели?
-Уж мы видели, соколы,
Белу лебедь на заводи.
-Вы зачем ее не поймали?
-Мы, хотя ее не поймали,
Право крылышко заломали...
-Бояра наши, бояра,
Куда вы ездили?
-Уж мы ездили, бояре,
С города на город,
С терема на терем.
Уж мы видели, видели
Красну девицу в высоком тереме,
В куте за занавесом.
-Вы зачем ее не привезли?
-Мы, хотя не привезли,
Русу косу расплели,
Горячи слезы пролили.

89 стр.

После благословения все входят в избу. Девушки идут впереди, останавливаются над грядкой и поют:

Солнышко во терем катилось, красное солнышко - новобрач-
ный князь.
За солнышком светлый месяц, светлый месяц - княжен -ты-
сячкой.

За месяцем две светлые зари, две светлые зари - княжен - свашеньки.

За зорями часты звезды, часты звезды - княжи-бояра.

За звездами буйные ветры. Буйные ветры - дружка с поддружем.
Во время песни новобрачные садятся в передний угол за столом, и с ними тысяцкий, свахи и поселяна по ту и другую сторону. Невесте окружают голову, то есть заплетают две косы, завертывают поверх головы, надевают свернутый вчетверо шелковый платок - «окружок» и завязывают концы его назад туго, а женщины поют:

Семена вы наши, семена,
Семена вы голубинные,
Вас немного было сеяно,
Вас много уродилось.
Уродилось три поля да три раздолия широкие.
Меж теми, да меж теми посевами,
Меж теми не бела лебедь воскликнула,
Распушилася, растрекалася,
Краса-девица в высоком терему,
Об своей да русой косоньке:
- Что вечер тебя, руса коса,
Родна мамонька расчесывала,
Родна сестрица заплетывала
Во пшенино мелко во зернышко,
Того мельче во маковое (т.е. заплетали по 6, 10, 20 плетей, прядей, а теперь заплели только две косы в две пряди).
По корень косы заплетала
Два ножичка булатные,
Посередь косы заплели
Две яблони кудрявые,
Пог конец косы заплетали
Две же ленты седми шелковы.
Доплетутся княжи-свашеньки
До двух лентов седьх шелковых,

90 стр.

Заплетутся, воздвигнутся:

- Это что за дивья красота?
Умела, умела косу красити!
Опять доплетутся княжие свашеньки
До двух яблоней кудрявых,
Доплетутся, воздвигнутся:
- Что это за дивья красота?
Опять доплетутся княжи-свашеньки
До двух ножиков булатных,
Обрежут руки беляя,
Замарают платье цветное,
Пойдут на Дунай - речку
Замывать платье цветное.

Во время «окружения» жениха и невесту закрывают от публики полотном, и когда «окрутят» невесту, она начинает чесать гребнем голову жениха; немного почешет и оставляет гребень в волосах, а тысяцкий кладет на гребень денег. Деньги невеста берет себе и сосчитывает до конца. Потом подносят им зеркало, они посмотрят в него и поцелуются. Начинается угощение всех чаем, пивом, вином. Новобрачные уходят в другую комнату переодеться, отдохнуть, после чего молодая вносит свои приданные вещи: скатерти, салфетки, посуду и расставляет их по столам, ставит чайную посуду и показывает свое приданое. После этого начинается настоящее столование. Женихова сваха угощает своими пирами и разной стряпней. Молодая дарит свекора и золовок, и крестного, крестную мать (это как вырядят раньше) и золовок, а те отдают деньги. После этого начинается свадебный пир, угощение и веселье. Женщины после стола начинают

91 стр.

припевать жениху с невестой, то есть молодым:

Воркуй, воркуй, голубок,
Воркуй, воркуй, сизенький,
У терема на углу,
Ко терему припагу
И припагу-послушаю,

Во тереме муж с женой,
Муж с женой - со барыней,
С гордой боярыней.
- Жена моя - барыня,
Гордая боярыня,
Роди мне сына - сокола,
Дочь - белу лебедушку,
Я за то тебя пожалую,
Куплю тебе капот-
Малиновый, бархатный,
С обшивкой с маньжевой.
Носи, жена, береги,
По праздникам годовым,
По беседам веселым.

Посылаю — мужу с женой:

Во сагу ли виноград растет,
В саге ягодка - калина
Созрелая стоит.
Виноградом - Михаил господин,
Зеленой-то Иванович,
Его жена малюшка - Аннушка.
Им же люди позавидовали,
Что в совете и любви
Хорошо очень живут.
Не дивуйтесь, люди добрые,
Уж вы сами таково
Поживете хорошо!

Поддрузьям:

По сагу, по сагочку
Пролегла тропинушка.
По этой тропинушке
Шел, прошел детинушка.
Детинушка молодой,
Неженатый, холостой.
За ним идет мамонька,
Дитя выпрашивает:

- Что, дитя, кручинное?
Что, дитя, печальное?
- Как мне не кручиниться?
Как мне не печалиться?
Друзья, братья женятся,
А я один гуляю здесь.
Каково-то мне ехать,
Каково заехать
Ко доброму хозяину,
Каково засватати
Душу красну девицу?

Свахе мужней:

По сеням - сенечкам
Ходила, гуляла
Молодая боярыня
И в руках она носила
Два «яхмонты» сырчатые, узорчатые.
Я возьму эти яхмонты
На свои руки белья,
Понесу эти яхмонты
Во столову во горенку,
Во столовую новую.
Я положу эти яхмонты
На два стола раскрашенных,
На два блюда серебряных.
Сяду я на лавочку,
Локотком на окошечко.
Загляну за окошечко,
Что светел ли, светел месяц?
Что весел ли, весел мой милой друг,
Во беседашке седучи,
Свою жену хвалючи:
- У меня жена умная,
Моя жена разумная.
Не пьет пива пьяного,
Зелена вина в рот не берет.
Только пьет один сладкий мед,
Сахарком прикусывает.

Свахе - вдове:

Полоса ль наша, полосонька,
Непаханая, небороненная!
Еще чья это полосонька?
Это полосонька молодой вдовы.
Уросла наша полосонька
Частым ельничком — березничком,
Таким мелким осинничком.
Я в ельничке ягодки брала,
В осинничке - беляночки.

Холостым боярам, каждому особому:

1. Я сажился под розу,
Под розовый кусток,
Сорывал со розы розовый цветок.
Сам цветочком любит, себя,
Красоте своей дивуется:
- У меня неоценима красота.
Сегодня погорее снаряжусь,
Во собор схожу, Богу помолюсь.
Я у Бога-то невесту попрошу,
Душечку красную девицу,
Аннушку - мастерицу свет Ивановну пригожую.
Свет- то Петро Васильевич.

2. - Уж ты голубь, голубь сизенькой,
Голубочек сизокрыленькой!
Уж ты голубь, где был спобывал?
- Уж я был в гостях у молодца-
У красивого, у угалого.
- Чем он нонче занимается?
- Занимается золотой казной.
Сам по горенке похаживает,
Слугам своим приказывает:
- Уж вы слуги, слуги верные мои,

Вы сходите, мои слуги, во конюшню губову,
Вы поймите самолучшего коня,
Самолучшего, вороненого,
Заседайте во черкасское сегло,
Я прогену праву ножку в стремяна
И поеду по всем улицам гулять,
Себе суженое, ряженое искать.

3. Во поле калинушка стояла,
Всяким цветам разувешана:
Алыми, голубыми,
Лазоревыми, дорогими.
На этой калинке соловейко сидит,
Жалобно песни распевает,
Молодцу весть подавает:
- Молодец, молодец угалой,
Белый дитина, кудреватый,
Пора тебе, молодец, жениться,
Время угалому свататься.

4. Сокол мой, соколичек
Летал высокошенько.
Ай люли, люли, люли,
Летал высокошенько.
Спустился низешенько
В зелен сад по вишенье,
По черное черешень.
Сощипнул он яблочек
Наливной, хорошенький.

5. Во столовой новой горенке
Тут стоял кипарисный стул.
Тут сидел добрый молодец
Против чистого немецкого зеркальца,
Он чесал свои кудрицы,
Он чесал да приговаривал:
- Прилегайте, русы кудрицы,
Ко моему лицу белому,
Ко моим ко щекам аленьким.
Привыкай-ко, красна девица,

Ко моему уму- разуму,
Ко нраву княженецкому.

93 стр.

Когда жених к невесте приезжает со всем поездом, чтобы ехать в церковь к венцу, то в это время в дом невесты собирается много публики, соседей смотреть свадьбу. Набивается до тесноты, так что жених с невестой укрываются только за столом. Публика допускает много неприличий, в особенности, когда приедут из церкви в дом жениха.

Кричат, свистят, режут по-кошачьи, по-свиному, ржут, хоркают, хохочут, вслух делают неприличные замечания про молодых. Всем этим часто доводят их до слез.

Во избежание таких безобразий некоторые приглашают особого дружка, умеющего наговаривать складно. Публика его слушает и сравнительно держит себя прилично. Кроме этого, дружка вносит много оживления и веселья во время брачного пира. Здесь имеется особый дружка Максим Петрович Чистяков, гражданин деревни Чусовой, 55-лет. Дело его начинается у жениха, когда нужно ехать к невесте. Как садятся за стол, зажигают свечку перед иконой, и дружка начинает говорить: «Господи Иисусе Христе (всю молитву до конца), родимый батюшка, родима матушка! Благословляйте нашего новобрачного князя молодого, тысяцкого, больших бояр, средних бояр, меньших бояр, княжну свашеньку, резвых-перерезвых дружка с поддружьем».

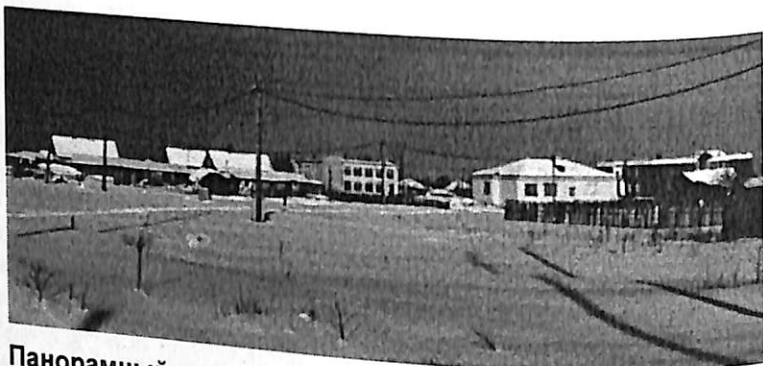
Заступить за столы губовы,
За скатерти браны,
За яствы сахарны,
За питья медвяны,
Сесть на брусчату лавицу,
На пол чеканен
И на ткани шелковы,
Под святыя иконы
И под свечи воску ярого.
Где ведется княже место,
Тут Господь Бог благословит.

Церковь села Пески Катайского района (1957 г.)

Церковь села Пески Катайского района (2005 г.)

Панорамный вид села Пески Катайского района

Сельский Совет и школа села Пески

Улица села Пески

94 стр.

Благословите, дядюшки -тетушки,
Кум со кумой, род, племя,
Старички почтенные,
Разумные головы,
Табурки точены,
Костыли золочены...

Дружка озирается кругом избы, видит ребят на полатях, говорит:

Маленьки ребятки,
На них синеньки заплатки,
Лбы смолены,
Глаза долблены,
Через брус глядят,
Сопли до полу висят,
Упираются,
Ребята с полатей убираются.
Мне их ничуть не слышно,
Нагели платьешко,
Вышли в сени,
Нагели халаты сами,
Вышли на крыльцо,
Стали молодцы.

(Хвалит их, что послушались, вышли из избы).

Я поднял выше палец,
Увидел красных девиц,
Здравствуйте, девицы белолицы!
Пирожные мастерицы,
Дочери отецки,
Жены молодецки.
Пряльи, ткальи, шелковицы,
Нашего новобрачного
Князя потешницы.
Мы с подгрудьем у стола стояли двое
И рассказали кое-что:

Мы были на горах, на долах,
На зеленых лугах.
Ждали с ключей
Хороших речей.
Дело-то призатянули,
Почему-то отца, мать не помянули.
Батюшко родимый, матушка родима!
Благословите-ко нам губовые столы придвинуть,
Браные скатерки раскинуть,
Кленовые ложечки разложить:
Нашему новобрачному князю молодому,
Тысяцкому, большим боярам,
Средним боярам и меньшим,
Свахе княжной, свахе и княжине,
Которая приехала с периной,
Посылаю - приезжанам
И старикам прихожанам,
Резвому - перерезвому гужке с подгужьем.
Вы нас напоите и покормите,
На час с нами поговорите и побайте.
Винца рюмочек по пяти погайте.
Вот мы поьем, поедим,
Веселее на вашу компанию поглядим.
Батюшко родимый, матушка родима,
Вы бояр благословляйте,
А тысяцкий, свечи зажигайте.

Тысяцкий и бояра садятся за стол, и жених с ними, но не ест. После еды все встают. Дружка берет с шестка пирог на руки и говорит Иисову молитву, а после нее:
Не естся яства сахарная
От печки муравчатой.
У меня ножки с подходцем,
Ручки с подносом,
Язык с приговором.

95 стр.

А голова с поклоном.

Кладет пирог на тарелку или поднос, ставит на стол и продолжает:

Дорогие гости!
Хвалите хлеб с солью на столе.
Встань, наш князь молодой!
Госпогу Богу помолись,
У отца, у матери благословись, поклонись!
По сужено съездить, по ряжено съездить,
Пог злат венец стать,
Закон Божий принять,
Чуген крест поцеловать
И к отцу-матери в дом привести.
Благословите, дядюшки - тетушки,
Агафьюшки, Марьюшки - наши хозяйюшки!
Батюшко родимый, матушка родима!
Вы поезд благословляйте,
А вы, тысяцкий, свечи задувайте.

Отец с матерью жениха благословляют иконой, и Дружка берет икону к себе на руки, и все идут в ограду садиться, чтобы ехать к невесте. Дружка обходит кругом поезда и читает молитву ангелу Михаилу. Подъехав к невестиному дому с поездом, дружка подходит к окну и говорит три раза Иисову молитву, а из избы отвечают на каждый раз «Аминь», а после этого продолжает:

Стоит наш новобрачный князь молодой
В чистом поле, в широком раздолье
Пог светлым месяцем,
Пог густыми частыми звездами,
Щиплет листья, прутья,
Бросает на невесты широкий двор,
Чтобы она ждала нашего князя молодого
Со всем храбрым поездом
Прибыть на широкий двор,
Поставить к губову столбу,
Привязать к золотому кольцу,
И сейчас же я к хозяину в дом захожу,
Дохожу до порогу,
Носком пинаю порог.
Скок, скок через порог

С вестью и радостью,
С большой милостью.
Заявляется мохнатый зверь на
Богатый дом
Посудить о делах лагом.
Батюшки, матушки!
Поправна ли у вас наша невестка?
-Нет, не поправна ваша невестка.
Ноги босы и без пояса.
-Вот наш новобрачный князь
Бьет челом обо всем.
Посылает вам гостинцы:
Цветное платье, чистое зеркало;
Вот вам костромское мыло;
Вот и еще что бы тут ни было.
Девочки поют припевочки,
А мы кладем им зелены генежки.
Батюшка, матушка!
Нашего новобрачного князя прошу пригласить.
Посылают крестного и крестную невесты, и все поезжане
проходят в дом.

96 стр.

После столованья жених с невестой и весь свадебный поезд
отправляются в церковь, а дружка остается в доме невесты, где
его угощают. После угощения он уезжает в дом жениха, где и
дожидается новобрачных. По приезде их первое дело дружки -
установить порядок и тишину в комнате, в которой публики
набьется до невозможной тесноты. Сначала дружка обращает-
ся с уважением к маленьким девочкам, которые всегда оказы-
ваются впереди у самого стола.
-Девушки, отойдите, дайте место!
Они не отходят.
-Разве вы сюда забились, у отца, у матери благословились?
Они говорят «нет», и все не отходят. Тогда дружка усилен-
ным голосом строго говорит:
-уйди, нечистый дух! Сразу зашибу трех или двух!

110

А если захочу, головы у всех остальных отверчу!
Как это скажет, тогда только очистят место, запереговари-
ваются: «Вот этот дружка строгой!» И многие выйдут из избы.
Когда порядок восстановится, начинают поздравлять ново-
брачных с законным браком. Поздравляет и дружка:
Новобрачный молодой князь и княжна!
Все ваше прошлое окончилось.
Начинается житье для вас по-новому.
Не печальтесь, не кручиньтесь!
Я вам кручину забуравлю в пучину.
Я вашу печаль пропущу в проходящий ручей,
В Течу все ваши дела улечу.
А поеду в Исеть, все ваши дела кончить.
Новобрачному и новобрачной на место сесть.
У нашего хозяина дело на путие.
Вина взято много в кабаке,
На угощенье всей артели.
Лагун едва в голбец закатали,
Он работан был на хуторах,
Не меньше аршин полуторых.

97 стр.

Начинается свадебный пир. Вино, пиво льется рекой, языки
развязываются, разговор бывает свободный, без стеснений, ци-
ничный до неприличия применительно к новобрачным. Обо всем
этом срамно и глаголати.
На свадебный пир созывается родственников от 10-15 домо-
хозяев, по 2-3 человека с дома - 20-40 человек, смотря по
родству и достатку. От каждого домохозяина приносится на
пир хлеба, мяса, рыбы, масло. Гуляли в старое время 5-7 дней.
Вина-водки расходовалось 5-10 ведер. Все гостившие домохозя-
ева по очереди приглашают новобрачным и всех свадебжан к
себе и угощают; вина расходуется каждым 1-2 ведра.
Одновременно со свадебным пиром у жениха идет угощение
я в доме невесты, собирается столько же родственников, при-
нося с собой гостинцы, хлеб, мясо и прочее, но гуляют один
день, редкие приглашают к себе оттащивать.
У новобрачных во все время гулянки катаются всем поездом

по улицам с песнями, с гармошкой. После пиров, гулянки ново-
брачная берет благословение родителей: «Благословляйте, тя-
тенька, мамонька, на работу!» и кланяется им в ноги. Родители
отвечают: «Бог благословит!» Молодая сама моет пол в доме.
Рассказывают про одну молодую уже при новой власти,

98 стр.

что она, принявшись мыть пол, топнув ногой, сказала: «Да
не будет того после бани, что было до бани», - то есть другой
обиход в доме. И с этого времени начинается трудовая маята
молодой женщины на всю жизнь.

Никто не посетует на меня, что я с излишними подробностями
обрисовал местные свадебные обычаи, тем более, что их на-
чинают уже забывать. А что они местные, передаются из рода в
род, доказывают слова: «Ирбитская ярмарка, колючая бояроч-
ных жалобах и предвидении ожидаемой горькой участи, потери
девичей свободы, красоты, здоровья. В причете обрисованы об-
щия переживания, а не одиночные - эти трудноуловимы, но
бывают. В прежнее время никакого другого выхода не было для
девушки-крестьянки. Ни воспитание, ни образование, ни поня-
тия, ни сама среда не указывали другого, кроме закрепощения
себя в замужество, тем более, что на девушек не полагалось
земельного надела, и она считалась в семье лишней обузой:

Я гораздо тебе напрокучила,
Я гораздо наскучила,

Износила платья цветного,
Износила черны чоботы,

Я сусеки хлеба выела,
Я колодцы воды выпила.

И прежде вытеснялась из родной семьи, и фатально влек-
лась, как жертва, на всевозможные муки и страдания, что и
выражено, хотя и в слабой степени в причетах и народной по-
говорке, сказанной мужчиной при виде этих слез и причита-
ний, хотя как бы шутя и бессознательно, но в своей сущности
жестоккой: «Не горкой, красива, что за нас попала, - не мед же
пить, но горе мыкать».

99 стр.

И мыкает, как мать, как жена, как женщина, как человек
всю жизнь, и выносит непосильную, непрерывную работу и
жестокие, беспричинные побои от своих мужей. И бывало не-
редко, что жена уходила от мужа по причине жестокого обра-
щения к родителям, то муж единолично или при помощи поли-
ции уводил ее к себе домой на веревке.

Старожилы рассказывают, что такое обыкновение существо-
вало чуть не до германской войны. Обычно муж за женой приез-
жал к тестю на лошади и брал с собой веревку, которой и
начинал учить, затем привязывал веревку за косу жены и выводил
из дома за ворота, где стояла лошадь. Собиралась публика, зор-
кая на подобное позорное зрелище. Высказывались и остроты:

«Ой, ты без любви! Не мог бабу удержат добром дома, а
теперь ведешь на веревке». Этот позор муж вымещал на несча-
стной женщине. Привяжет веревку, чем вел за косу, к оглобле
рядом с лошадей, сядет в экипаж и погоняет лошадь и жену,
похлестывая по лошади один раз, по жене два.

Ныне жестокое обращение как между молодыми, так и по-
жилыми не прекратилось при установлении гражданского бра-
ка и развода. Так, рассказывают, что NN молодой в нетрезвом
виде жестоко бьет, истязует свою жену и иногда бегае за ней
с ножом. Однажды было чуть не зарезал ее, но она успела
вернуться. Выбежала из дома, и нож глубоко вошел в дерево.
В другой раз тоже за что-то стал бить ее, повалил на пол на-
зничь, наступил на голову, взял за волосы и много сорвал их с
головы вместе с кожей, так что ей пришлось немало времени
лечиться в больнице. Но жена все живет с ним, не уходит.

100 стр.

Другая чета NN, муж с женой, немолодые. Муж постоянно
колотит свою жену смертным боем. В 1925 году, летом, в ноч-
ное время начал пьяный буянить. Бил жену палкой так, что
слышно было по всей улице. Затем принялся бить палкой те-
ленка. Во время этого убийства страшно громко сквернословил
и богохульствовал.

Воспитание ребенка с пеленок — есть самое главное дело, фундамент его жизни; чем прочнее с малолетства усвоить правила, послушание, положенные в основание воспитания, тем лучше человеку жить на свете впоследствии. А этого в крестьянских семьях нет; прежде всего нет настоящего ухода и правильного кормления. Обычно ребенка начинают кормить грудью еще до кормления материнским молоком. Чуть он заплачет, может быть, от нечистоты или другого неудобства, ему уже дают жеваный хлеб в тряпке или коровью соску с молоком, обременяют его желудок, отчего он бывает беспокойный, плачет, а его чаще кормят. Если мать кормит ребенка грудью, то обычно часто, чуть он заплачет. О кормлении ребенка в определенные часы матери и понятия не имеют: «Где нам по часам-то кормить, заткнешь ему рот грудью или соской, он и замолчит», — как они говорят. А от частого кормления он часто марается, больше у него нечистоты, больше беспокоится и требует больше ухода. А нечистота поражающая: соска с рожком по неделям не моется, и посудинка, в которой держат молоко, постель не проветривается; пеленки после мочи сушат и опять пускают в дело, моются редко. И мрут дети от такого ухода в летние жары и при эпидемиях. Вследствие такого неправильного ухода и матери терпят много беспокойства, и все же ничему не научатся.

Не завидно и моральное воспитание детей. Младенца балуют с пеленок матери, бабушки, нежат и потачат или во всем не приучают к порядку, ни в чем его не ограничивают, дают все, что бы он ни запросил, и сами же нередко

учат их нехорошему. Бывает, что мать старается от чего-нибудь удержать ребенка, а бабушке жалко, она удовлетворяет его просьбу и при этом говорит: «У, какая мать, не дает ребенку, погрози ей кулаком, побей ее». И покажет, как кулаком грозить и как бить. А ребенок воспринимает это, запоминает, и если мать ему в чем-нибудь отказывает, считает за обиду и гро-

зит матери кулаком и бьет ее, а бабушке и матери это любо, это их забавляет: «Смотри, отец, Петька мне грозит кулаком, бьет меня». Ребенок, хотя и мал, но понимает, что ему все позволяют, ни от чего не удерживают, и чем дальше, тем более становится требователем, капризен и настойчив в своих желаниях. И в этом громадная ошибка со стороны родителей. С 1,5 - 2 лет ребенка надо приучать к послушанию твердо, чтобы помнил и знал, и с одного слова слушался, что нельзя этого, и он будет слушаться. Не приученный к послушанию и кротости ребенок в таком возрасте проявляет свой характер: надо ему обуздать, дел такую проделку 1,5 - летнего ребенка: надо ему обуздать, мать показала ему, как надевать чулки и туфли на ноги; он сидит на полу и надевает на ноги чулки. Один надел, озлился и стал надевать другой — не надевается, заревел, озлился и давай рвать зубами чулок. Так же было и с туфлями. В таком возрасте, а уже проявляются раздражительность, злость.

С 3-4 лет ребенка надо приучать к дисциплине, порядку, к труду: в одно определенное время есть, спать ложиться, самому умываться, воды налить в рукомойник, постлать себе постель, убраться, воды налить в рукомойник, принести то, другое, показать ребенка, держать себя в чистоте. А к таким мелочам их не приучают, дети все требуют от матери, чтобы она все приносила, надевала, подавала, а если им в том отказывают, что ребенок дерзости, грубости, укоризны. Приходилось видеть, что ребенок 3-4 лет требует от матери, чтобы она ему постлала постель, а когда она заставляет его самого, то он ей говорит: «А сама-то что не постелишь, околела разве?». В другой раз просит, чтобы ему постлали перину, а когда в том ему мать отказала, то он начинает ей угрожать: «Когда я вырасту перину». Есть просят тебе бок за то, что не дала мне теперь перину, то наматерю часто, не меньше 10-15-ти раз в день и так требовалась!» Иные вай скорей, есть хочу, сама-то, поди, давно нажралась!» Иные дети даже матерят свою мать, а она и это переносит; или ребенок поет скверные похабные песни при ней, а ей это только смешно. Никакого порядка, дисциплины не применяются в воспитании детей. Обычно дети, особенно летом, воспитываются на улице; матери даже довольны, если они уходят из дома, не надоедают им своими шалостями. Ходят без всякого призора везде, делают, что хотят, сталкиваются с детьми старшего возраста 8-10 лет, которые научают их всяким шалостям, сквер-

нословию, табакокурению, разоряют с ними птичьи гнезда. Воруя в оградах, огородах, садах, научаются скверным песням, грубости, нахальству, играют в войну, примерно стреляют, мучают кошек, птицу. Если поймают воробья, не могущего летать, то бросают его кверху и любят, как он летит и падает. Начинают с шалости, продолжают воровством и кончают убийством (см. убийство мальчика).

10-12-летние ходят толпами по улицам, поют похабные частушки с присвистом и гиканьем, в конце каждой частушки выкрикивают: «Эх, ух, ах, их», если проходят мимо. Конечно, детскому возрасту свойственны движение, игры, но так как старшие за ними не доглядывают, они предоставлены себе, находят развлечения, перенимая их от старших по возрасту, с дурными привычками. В особенности опасна игра детей - строить у себя в ограде или на дворе печки и разводить в них огонь, забавляться спичками. Недавно у В.С.Т. мальчик 3-4 лет, взявши спички из дома, начал играть ими и зажег под крышей куделю. Хорошо, что соседи скоро заметили огонь и потушили. Был сильный ветер, и могло сгореть все село.

В виду упадка нравов и заброшенности детей считаю не лишним привести на память современному поколению правила древней мудрости о воспитании детей. «Искусством повседневным поучаемы...яко чесому всякая животная в младости научаются, то до старости глубокия ...содержати обыкоша. Не точижета, но и самая дресвеса...како и камо во младости устроятся, тако и тамо с возрастом клонятся. Еще им же туком сосуд новый умащен бывает, того вони или благоприятныя или злосмрадна...и судеб испразднится. Подобен и в человечестем роде, ченудобь оставляет: ибо учащением дела обычай, восприятый и многим временем нрав утверждется, естества имать силу. Тем же все прилежно блюсти подобает. Своя чада да не сквернословлю, срамно глаголанию и суетному...от младенства научаются, ея же суть душегубительна: ниже во тцных играциях златое детства время, ни коей возвратимою ценою, погубляют: но яко весени жизни своея, нивы сердец своих учением тяжут, и семена слова Божия, от учителей сисмая, радостно приемлют, еже бы классы душепитательная в жатвы год собирати и тех плодов обилием и зде зиму старости прежити честно» /Предисловие в часослов/.

105 стр.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ, ДЕЛУ - ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ - ЧАС

Человеку свойственно после труда иметь отдохновение и развлечение. А так как нет никаких общественных разумных развлечений, поэтому молодежь находит сама, как заполнить время отдыха и чем развлекаться. По примеру с древних лет среди молодежи, начиная с 13-14 лет, существует обычай после всех дневных работ иметь полную свободу в своих забавах и развлечениях в течение всего года. Компанией в 8-10 человек или больше летом ходят по улицам с гармошкой и с песнями или заберутся куда-нибудь на гуменник, баню и начинают играть в карты или рассказывать сказки или похабные анекдоты, побасенки. Надоело в одном месте, переходят в другое. Так и проводят ночь. Зимой нанимают особые дома для игры. Бывают между партиями столкновения, ссоры, драка. Некоторые запасаются для этого какой-либо обороной: железной тростью, толщей в 1,5-2 дюйма, ширины 5-6 четвертей с корневищем, закрученным напоподобие шара, уколоченного обрезками из волоки. Если ударить по голове таким батиком, то можно сделать с одного разу 7-8 колотых ран. Когда поспеют огурцы, ягоды, яблоки, арбузы, то некоторые из молодежи по ночам небрезгуют лакомиться.

Осенью и зимой ходят на вечерки, девичники. Почти у каждого имеется подруга, с которой и проводится время, один другого угощают и дарят. В этом случае страдают карманы и амбары родителей. Здесь обыкновение, что ни один кавалер угощает и дарит свою подругу, но более ухаживают, угощают девушки своих кавалеров.

106 стр.

У которых кавалеров нет подружек - девушек, те дружат с солдатками, вдовами, разведенными женами. Очень здесь сво-

бодно обращение молодежи между собой.

И родители никак не могут удержать своих сыновей на ночь дома, таков обычай. Обыкновенно сын говорит отцу, если он его не отпускает: «Я ведь - не девка сидеть дома - то». Поэтому родители и стараются, как выйдут года, скорее женить сына, чтобы более привязать его к работе, к домашности: женится, переменится. И, действительно, меняются большинство, если жена попадет хорошая, домовитая. Но бывает, что у новобрачных жизнь не складывается по несходству характеров или по чему-либо другому, они расходятся, в особенности по нынешнему времени, и новожен опять начинает гулять.

Развлекается иногда молодежь летом игрой в мяч, шарик, но редко, а также посещает спектакли и церковь во время венчания браков. Но не привыкла вести себя как следует, в особенности, в церкви. Причем допускают себе производить шум, разговоры, и во время венчания преимущественно дети начинают шуметь, бегают с места на место, сорят подсолнечные семечки и даже думают курить табак (зимой) пред топящейся печкой.

Развлекается молодежь и тем, что, не довольствуясь Масличным разгулом, в первый день поста, ходят по селу мелкими толпами с песнями, гармошкой по домам и моют насильно и девушкам, и молодкам снегом лицо. Какая циничность и право сильного. Лезет со своими руками мыть лицо чистых, невинных девушек и молодых. Руки их, наверно, не очищены были от крови среди уличных драк. И что только они (руки) ни делали, к чему ни прикасались среди пьяного разгула.

107 стр.

ПРАЗДНИКИ

После однообразного труда жители прихода разнообразят время своего отдохновения применительно своим привычкам, вкусам, потребностям как единолично, так и односемейно к свадьбам и другим случайным семейным торжествам.

Не всем обществом отдохновения принимаются к праздникам Рождеству Христову, Масленице, Пасхе и к престольным

праздникам: 22 октября, 23 апреля, и молебствиям о бездожде: у жителей деревни Чусовой на 7 недели Пасхи, у песковцев в 10 воскресенье. В эти праздники приезжают и родственники из других приходов к каждому домохозяину. Обычай этот существует с древних лет. А песковские прихожане в свою очередь ездят в гости к родственникам других приходов. И так идет взаимное угощение в течение целого года.

Начинаются эти общественные праздники служением бедня и литургии в храме, а в моления о бездожде - тоже служением литургии и служением молебнов на реках, озерах, колодцах и на полях.

После служения литургии и молебна в полях все расходятся по полям, и начинается воля, угощение. За неделю до праздника хозяйки варят пиво, брагу, напекают горы хлеба, рыбных пирогов, разных печений. Жарят, варят десятки гусей, уток, свиней, скотского мяса. К каждому домохозяину приезжает, смотря по семье, - от 10-15 человек, к другим - от 30-40 и празднуют 2-3 дня. А домохозяева, если в нерабочее время, празднуют 6-7 дней. Ездят целыми ватагами на лошадях с песнями,

108 стр.

гиканьем, гармошкой, сквернословием, а затем заезжают к своим родственникам. Ездят и женщины. Так и крутом неделю, пока не выпивают, не съедают все приготовленное.

Водки в старое время брали, смотря по зажиточности, от 1 до 3 ведер. Виноградного вина - 0,5 - 1 ведро. Даже в последнее время при полном оскудении хлеба и припасов и при расходе на пшеницу, а именно в 1923 году к 22 октября - весь приход издержал около 11 тысяч пудов. В среднем каждый издержал, кто больше, кто меньше:

1. На пиво и самогон - 1 пуд.
2. На пироги, печенье и прочая - 2 пуда.
3. Масла - 3 фунта, 1 пуд, 20 фунтов.
4. Рыбы - 10 фунтов, 2 пуда, 15 фунтов.
5. Сахару - 5 фунтов.
6. Яиц - 50 штук, 1 пуд.
7. Дрожжей - 1 фунт, 1 пуд.
8. Ягод, изюму, урюку - 5 фунтов, 2 пуда, 20 фунтов.

9. Мяса — 0,5 пуда — 2 пуда, 20 фунтов.
10. Семечки, орехи, ячмень — 1 пуд, 30 фунтов.
11. Всего — 20 пудов, 5 фунтов.

Не считая того, сколько израсходуется дров для приготовления самогонки. А всего в приходе числится свыше 500 домохозяев. К празднику и самые бедные последние раскодают, чтобы не сконфузить себя перед родственниками. А что израсходуется в шесть праздников и в свадебные дни?

Самым лучшим угощением считалась водка, а теперь — самогон. Несмотря на строгое преследование курения самогонки, многие сумеют ее приготовить, а другие вместо нее варят пивное пиво, сдабривая его усиленными дозами дрожжей, хмеля, сахара. На одну корчагу пива кладут сахару 3-4 фунта. Такое пиво отуманивает скоро гостей: лучше, чем самогон и водка, что ужасно. Цена сахару была 1 фунт за 1 пуд пшеницы.

109 стр.

Оно отзывается неблагоприятно на их здоровье. Все пьющие становятся дикими, ничего не сознающими и в полном смысле беснующимися. Сквернословят, буйствуют. И в таком состоянии происходят между ними драки и буйства. Многие после этого болеют, и некоторые умирают. И сколько им не подают, всё мало. А подают самогон и пиво стаканами.

Да не подумают, что я преувеличиваю. На такое провождение праздников обратило внимание и Епархиальное начальство. Так, от 9 марта 1924 года получено обращение Екатеринбургского преосвященного Никанора к духовенству: «Что не все священнослужители знают важность своего священнозвания и ведут себя достойно звания. Характером своих отношений друг к другу и прихожанам роняют свое достоинство и подрывают уважение к нему со стороны прихожан. В настоящее время одно из губительнейших язв является самогон. Усиленное употребление самогона приурочивается преимущественно к семейным торжествам и приходским праздникам. Кто, как не пастырь, должен быть в эти дни примером? Между некоторыми о. духовные не прочь сами вкусить этого напитка. В результате — взаимные ссоры, пререкания, худой пример»/ Церковный архив/.

Нельзя винить крестьянина за пристрастие к винопитию. Столетия пребывало оно в несправии, тяжком труде, производстве. Одно крепостное право что стоило. А все переселенцы, по рассказам старожилов, переселились в большинстве от произвола помещика.

110 стр.

Существовала и такая система управления, при которой крестьянство служило средством для получения платежной и рекрутской повинности, как рабочая сила, дающая хлеб, продукты питания и разное сырье. Никто не заботился о его умственном развитии, не развивал среди них любовь к общественной деятельности, стремление к самообразованию. Не было для него ни школ в достаточном количестве, ни библиотек, ни разумных развлечений. И вот он развлекался сам, как умел и как хотел.

Его не воспитывали, а били, муштровали, в особенности на военной службе. Нередко офицер или унтер-офицер бьет рядового рукою по лицу, а он стоит перед ним, сложа руки «по швам», глядит прямо в лицо офицера, вздрагивает при каждом ударе и даже руки поднять, чтобы защититься, не смеет. Того требовала дисциплина.

Кто мог бы ему помочь? Может быть, скажут: «Духовенство»? Да. Духовенство при других условиях могло быть громадной культурной силой, которая с самого возникновения христианства в России проявлялась в отдельных личностях на пользу народа. Но в большинстве своем, в массе так было забито, забито, принижено, и чем дальше в старину, тем хуже, и мало отличалось от жизни крестьян, само добывало себе пропитание от земледелия, было в полной зависимости в материальном отношении от тех же крестьян и помещиков. И не пользовалось духовенство и полной свободой в своей пас-

111 стр.

тырской деятельности, и было в полном подчинении у своего высшего духовного начальства, которое и руководило им, в видах и целях государства.

Взять, например, время винных откупов. Если б все пастыри церкви проповедовали воздержание, то этим много бы способствовали в уменьшении пьянства, но против такого выступления откупщики принимали свои меры, обращались с жалобой, куда нужно, и духовенство принуждено было молчать. Примеров тому бывало немало. Вот один из них. От 11 ноября 1859 за № 8587 последовал указ из Пермской Духовной Консистории духовенству Епархии:

«Священный Синод слушали дело об обнаружившемся в некоторых местах стремлении к трезвости. Приказали: По содержанию доведенных случаев торжественного освящения городских и сельскими обществами обета трезвости Святой Синод находит, что содействие прихожанам духовенства к поддержанию и усилению обнаружившейся решимости прихожан воздержанию к употреблению вина вполне приличествует доход слушателя церкви. Священники, как пастыри и учителя, самим Господом поставленные на это, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благоуготован, должны иметь неослабное попечение о своих прихожанах и ревностно содействовать возникновению решимости от употребления вина», но при сем признаёт нужным внушить духовенству чрез Епархиальное начальство, что содействие свое в сем случае должны ограничивать одними только духовными, пастырскими средствами,

112 стр.

не прибегая к таким мерам, которые «не истекают прямо из пастырских обязанностей и не основаны на положительных узаконениях» /Церковный архив, книга №19/.
Если все это перевести на общепринятый язык, то выходит, чтобы овцы были целы и волки сыты. И при казенной продаже вина духовенство было стеснено в проповеди воздержания от употребления крепких напитков.

СКВЕРНОСЛОВИЕ

Самая гнусная, омерзительная, ничем не оправданная привычка людей есть сквернословие, то есть соединение слов от

зарождения человека и рождения его от матери. Сквернослов есть порождение грубости, имеет ожесточенное сердце, крайне не воспитан, лишен сознания своего человеческого достоинства и в высшей степени не благодарен.

А что должно быть в жизни человека выше, дороже, неприкосновеннее, святее матери, которой каждый обязан своим бытием, всеми ласками, уходу, болезням, понесенным по отношению его. Всё это должно бы запечатлеться, запомниться в душе человека на всю жизнь, и что осквернять имя «мать» похабным словом есть наивысшая неблагодарность, неуважение к высшей любви, самопожертвованию, доброжелательству породившей его на свет! С этого момента

113 стр.

и на всю жизнь в сердце матери возникает к ребенку чувство любви - этот величайший акт, движущий всем миром. Из житейской практики известно, как любят матери и недостойных сыновей. Считаю привести один преточный пример материнской любви...

Был сын у одной матери, любившей его выше всякой меры. Привязался он к одной девушке и неотступно просил ее, чтобы она его полюбила. Желая испытать его чувства, а может быть, и отвязаться от него, девушка предложила ему следующее условие: «Вырежи сердце у своей матери и принеси его ко мне, и тогда полюблю тебя». И молодой человек исполнил ее просьбу, зарезал мать, достал у ней сердце и понес к девушке. Дело было ночью. Бежал, торопился, в темноте упал, расшиб себе ногу, застонал. Когда опять побежал, то сердце материнское, спрятанное у него на груди, говорит: «Дитяtko, не ушибся ли ты?» Еще его пожалело. Вот как великодушна материнская любовь!

Где бы ни было скопление народа: в улицах, в переулках, под кровлями домов, на собраниях, на играх ли, на работах - везде это гнилое слово слышится пронзительно громко. За исключением, все мужчины от млада до велика сквернословят. Нередко доводится видеть и слышать, как отец забавляет 7-ми лет малого ребенка, произносящего гнилое слово го-

ворит: «Мать, послушай-ко, как Петька у меня сквернословится». До чего не воздержны сквернословы и привычны к нему, что в мирных разговорах между собой бессознательно к каждому слову прибавляют «мать» с гнилым добавлением. Но в раздражительности, в ссоре, в пьяном виде омерзительно слышать эту брань.

114 стр.

А в праздники, во время свадебных пиров и нередких совместных кутежей, когда ум человеческий отуманивается, глаза потускнеют, образ человеческий изменяется, делается фантастической, безобразной маской, лицо багровеет, человек делается беснующимся, и в таком состоянии толпа их в 5-6 человек беспрерывно, ежесекундно произносит гнилые слова. И в таком состоянии находятся не один час. Сидят ли за столом, пьют, едят и сквернословят. И до того отупеют, что кто где сидит, тот и свалится под стол или на лавку, где и омочится, и окалится. И никакое бессловесное животное не может уподобиться человеку в его гнусности. В каждые 2-3 секунды у сквернословителю приходится произносить гнилое слово. В час - 3600, в день - 36000. А в края этому сквернословью не предвидится.

При ежеминутно произносимых похабных словах развращается в особенности молодое поколение обоих полов. Преждевременно зарождаются в нем половые инстинкты; с 11-12 лет они стремятся к сближению. Чрез всю эту похабную грязь не может воспитаться в молодом поколении сознание своего человеческого достоинства, этого стимула к достижению нравственного совершенства. При этом похабстве унижается женщина, извращается ее значение как матери, жены, и она приравнивается к любой самке из мира животных. Самый акт зачатия человека и деторождение опошляется до невозможности и не считается за что-то великое и таинственное. Кто как величайшая тайна, и пренебрежение к этой тайне не может остаться не наказанным.

115 стр.

ТАБАКОКУРЕНИЕ

Табакокурение крестьяне считают невинной привычкой, не приносящей большого вреда. Но это одна из омерзительнейших привычек, приносящая материальный ущерб как курящим, так и окружающим их, так же и физически для здоровья не меньше, чем губительное пьянство. А кроме того вред моральный. Невероятно? Но это докажется фактами.

Привычка эта не оправдывается никакими потребностями для организма, совершенно не нужная ему во всех отношениях. Табак — это яд, который человек употребляет, куря в трубке или в бумаге, втягивая внутрь себя дым, содержащий никотин, поражающий легкие, бронхи и действующий вредно на всю нервную систему и особенно на мозг. Курят его почти все мужчины, начиная с 8-10-летних подростков.

Но, замечательно, курят больше всего и чаще люди праздные, свободные от занятий, труда, чтобы заполнить чем-то время, поразнообразить его, чтобы отуманить голову, возбудить свой организм, придать всему этому нужной деловитости. Собираются компанией или в частном доме, или в сельсовете, в лавке, избе-читальне.

Для некурящего странно видеть, как курильщики серьезно относятся к процессу табакокурения, как будто совершают какое-нибудь общественное дело. У каждого свой мешочек, один начнет курить, и другие с ним. Где курят, тут и плюют, и сочат, страшно насвинят, не считаясь с тем, что для других это невыносимо, в особенности в частном доме.

116 стр.

Во всем этом проявляется самый грубый эгоизм и самоулажнение. Спроси: «Для чего куришь?» — «Для того, что сладко» — «А зачем плюешься?» — «Оттого, что горько».

И до того человек пристрастился к табакокурению, что редкий может отстать. Многие страдают бронхитом, поражением легких, нервным расстройством, и все курят. Иной говорит: «Я скорее от хлеба отстану, чем от табака». Курят часто, 3-4 раза

в час, на что уходит не меньше 15 минут, а в сутки 2-3 часа. Каждый курильщик расходует на табакокурение не меньше 70-80 копеек в месяц, а в год на 8-9 рублей. А этими бы деньгами можно уплатить все налоги, если бы они распределялись за землю на всех в раз, а не как они пользуются по количеству земли на живую душу — бедняки, средняки и зажиточные.

Вред табакокурения особенно велик и страшен как дурной пример для детей и подростков. Уже 3-4-летние дети и даже моложе мальчики начинают подражать взрослым, видя, как они курят, перенимают все их движения, приемы при процессе табакокурения, тут же завертывают бумажки, как будто накладывают табак и, подражая взрослым, курят. И никто из семейных их в этих шалостях не удерживает.

А 5-6-летние начинают уже приступать к самому процессу курения. Нарочно собираются в артели 5-6 человек, из которых один украдет у отца табак, другой спички, третий бумагу, кому что попадет, и, прячась в бане или подмостнике, а чаще всего на задворках, начинают курить, а увидят кого-либо из старших, все разбежатся,

117 стр.

все куда попало, бросят и зажженные сигарки, и спички, и табак, не думая о том, что могут произвести пожар. Вот где страшная опасность для всех жителей деревни, когда за такими подростками нет никакого догляда (см. воспитание детей), дома только одни старики да старухи, пожарный обоз в беспорядке, не всегда исправный караул, а у лошадей часто сидят женщины или подростки.

Вот прошлым летом сколько было больших пожаров. И из газет видно было, что эти пожары возникали, по объяснению жителей, от табакокурения. Сколько тратится построек, имущества от простой забавы курить.

А 8-летние подростки-мальчики курят при посторонних открыто, разве некоторые таятся от родителей.

Помните, родители и все старшие в семье мужчины, что вы несете страшную ответственность пред детьми, младенцами, подростками, подавая пример распущенности своей: в табакокурении ли, в пьянстве ли, сквернословии, картежной игре, в пляске,

в похабных песнях, в нескромных разговорах, заражая их детские души, мысли, воображение гнусными словами, действиями, поступками, которые запечатлеваются в них неизгладимыми чертами на всю жизнь, и во всем будут подражать вам.

Не вы ли их приучаете к воровству с малых лет, когда они высматривают, где лежат спички и табак, и бумага, и тащат их, чтобы накуриться, и узнать, для чего это курят старшие, и постепенно втягиваются в мерзостную привычку. А когда подрастут, то тащат хлеб из ваших амбаров на покупку табака, бумажки, спичек. А как подрастают, тащат на сладости, на гулянку, на подарки возлюбленным. А потом приучаются к воровству из чужих амбаров.

С этого приучаются ко всякому воровству. Сами вы чрез свои поступки, слова закладываете в своих детях все дури и потом понесете наказание от всех их позорных действий среди разгула, хулиганства, пьянства и непослушания старшим.

И от них же вы можете понести страшный экономический вред и ущерб в летнее время — от зароненной искры при табакокурении своих детей.

Кроме того, распущенность мужчин обрушивается на матерей ваших, жен ваших — этих вечных тружениц, страдалиц, без ропота несущих свою долю, без которых вы все были бы как потерянные люди.

Прежде всего, ваше сквернословие сыплется на головы их всякое время и по самым ничтожным причинам, а в пьяном виде нередки и побои. Табакокурение ваше в своих домах, да еще с компанией посторонних, многим из них противно до тошноты, оно отравляет воздух, засоряет комнату золой, плевками, окурками.

Для удовлетворения вашей страсти к пьянству, разгулу они несут непосильные труды по приготовлению пива, самогонки.

Ваше сквернословие возмущает их как матерей, оскорбляет их чувство стыдливости и, повторяемое беспрестанно, поражает их в самое сердце, как ножом, своею грубостью и циничностью. А как сквернословие отражается, влияет на ваших дочерей-девушек. Не притупляется ли в них чувство стыдливости, не развращается ли их мысль, воображение? Не от того ли они в ранних годах стремятся на сближение с молодыми подростками?

ВОРОВСТВО

Среди крестьян нет уважения к чужой собственности, в особенности в мелочах. Не считают за воровство взять на чужой поле гороху, репы, маку, перекосить межу и пр. Развито и более крупное воровство сравнительно с этим, - овец, поросят, свиней, гусей, уток, а также и хлеба снопами с пашен, связок лыа и пр. По воровству птицы имеются особые специалисты. Особенно этим занимается NN, живущий на берегу озера, откуда удобно загнать утку или гуся в ограду и заколоть. Охотник он до чужих овец. Не раз находили у него овечьи шкуры без ушей и к суду привлекали, но он как-то увертывался от наказаний как коммунист.

Рассказывают, что некоторые из окраинных жителей в старое время (годов за 10-15 назад) занимались грабежом проезжающих, останавливающих у них на ночлег. Или в ночное время следили за проезжающими и видят, что хозяин пьян, обирали его. В последнее время (годов 5-6 назад) возникали особые воровские организации из разных семей в составе 20-25 человек. Таковые организации имелись в Плетнях, Боровой, в Черемисском селе. Так, в 1921 году такая организация обокрала и Песковскую центролавку и так аккуратно, что никаких следов не нашли, а для воровства был выбран надлежащий момент, известный только местному жителю.

Весной 1925 года по неимению запасов хлеба опять усилилось воровство. Воруют артелями и так дерзко, смело. Двое-трое с улицы залезают с заплота в ограду, ломают замки в кладовой и берут, что попало. А на задах стоят другие с лошадьёю.

Обворованные обращались в сельсовет и просили произвести повальный обыск, но им в этом отказывали. По этому повествует ворам: «Видно, нынче начальство потвор-

Многие стали обращаться в Катайске к гипнотизеру, который при помощи усыпления кого-либо из присутствующих усы-

пит и заставит его говорить, кто и как произвел покражу. Тот обрисует и наружность воров и как они произвели покражу, скажет, и где вору живут. Но, из этого ничего не выходило.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЗНИ. КАК ЖИВУЧ ЧЕЛОВЕК И КАК ЖИВУЧ НАРОД!

После германской войны, внутреннего переворота и голодовок Россия перенесла страшное потрясение и разрушение. Жестоко от этого пострадали и жители Песковской волости в течение 10 лет, считая в том числе 5 лет недорода, более всего подорвавшего экономическое благосостояние жителей. Разрушение было постепенное, но проявилось вполне с 1920-1921 годов. Многие дома были заколочены, постройки в большинстве пришли в ужасный упадок; крыши на надворных постройках были раскрыты на корм скоту, окна без стекол, у бедняков ни обуви, ни одежды, ни скота, ни продовольствия. Страшно было смотреть на село, как после пожара. Почти все солдаты возвращались домой, и жители, у которых дома и постройки развалились, принялись их восстанавливать. И много домов поставлено новых, на что расходуется остаток леса, но во всем остальном чувствуется недостаток.

Все старые устои пошатнулись, у многих старые верования, убеждения отринуты или остаются под сомнением, и вообще происходит переоценка ценностей. Коснемся пока семейных устоев. Прежде семья была сильна, крепка, неделимое тело, а теперь рушится, уменьшается в силе вследствие разделов. Многие из военных побывали в чужих странах, повидали людей, другие обычаи, порядки, много испытали, наслушались, у них установился другой взгляд на жизнь, на отношения людей, и, придя домой и увидав во всем страшное разрушение, ужаснулись, и почти

каждый в своей семье оказался лишним, чуждым, вследствие чего необходимо жить самостоятельно. И делятся отец с сыновьями, брат с братом. Одни из-за того, что семья увеличилась, отец без сына овдовел, снова женился, пошли другие дети, мать неродная, а работать надо на всех, а это уже в тягость; а у других, хотя и бессознательно, проявляется индивидуальность и стремление к обособленной жизни; во многих случаях делятся сыновья из-за своих жен. А все разделы от крепкой семьи требуют расходов вдвойне, втройне и более, смотря по числу выделяющихся: надо 2-3 дома, 2-3 самовара, вдвое, втрое отопления и т.д. А делить — то и нечего. И в каждой новой семье чувствуется недостаток рабочих, надо одному, двум работать и все вовремя сделать, а успеть-то и невозможно. Пока на постройке домов и остановились, но надо дом крыть, возводить другие постройки, приобретать инвентарь, скотину и все хозяйство налаживать, а средств — то нет, и лесу также, и будущее не обещает ничего хорошего.

Из прошлой жизни жителей Песковского прихода известно, что раньше, когда земли было изобилие, то применялась заложная обработка земли, то есть пашня, переставшая давать урожай, бросалась на 10-15 лет и распаивалась отдохнувшая, заложная. Кроме того, пашня попеременно пересыпалась назьмом. Ныне же при уменьшении земли, при увеличении населения, заложное земледелие невозможно, пашни не удобряются за уменьшением скота (не стало назьма, и не на ком стало его вывозить), сеется хлеб на хлеб без отдыха земли, а крестьяне думают, что у них ничего против прежнего не изменилось, и настолько не предусмотрительны, что даже и не задумываются о своем незавидном положении, приписывая

его тому, что не стали выпадать благоприятные дожди, и в будущем надеясь на них. Между тем из наблюдений здешней местности можно предполагать, что засуха и недород хлеба должны быть часты, вследствие изменения климата, а потому

главная задача жителей должна быть обращена на борьбу с истощением земли и безлесьем, и трудиться не единолично каждому, как раньше, а всем сообща, соединившись в одно сельскохозяйственное общество с подготовленным заблаговременно планом общей работы.

В виду такого положения дела на первый раз необходимо расстаться с трехпольем и перейти на многополье, к плодосмену и посадке корнеплодов.

С начала 1924 года возникало в обществе стремление к переходу на отруба и выезду на хутор, но потом многие отказались перейти на отруба, и тем дело кончилось. Но все же 2 домохозяина изъявили желание выехать на хутор, и общество дало им на то согласие. В числе этих двух домохозяев находятся один молодой, бывший в плену у германцев и работавший около 3 лет на ферме и на практике изучивший новое полеводство. Но к сожалению, в уезде на хутор обозначенных домохозяев не утвержден земельный участок, не отмежеван. Но все подобные стремления — не что иное, как позитив по улучшению сельского хозяйства, не могущий их соединить в одно целое, а также раздробит их на мелкие участки земли, что и теперь, и затормозит переход на общественную обработку земли на долгое время.

Стремление у жителей к поднятию своего экономического положения усилилось, но как его достичь, об этом они мало заботятся.

Нужно изменить понятия, убеждения, приемы обработки земли, вкоренившиеся веками в их быт, от которых им трудно отречься.

Со времени первых поселенцев на здешних землях у них сохранилось стремление к стадности, жить кучей, бок о бок с соседом, чтобы в случае налогов татарских иметь возможность соединиться вдруг и дать отпор хищнику, а обработка земли у каждого была самостоятельная. И в дальнейшем жизнь не пришла к организованности в обработке земли. Со временем жители, фиктивно соединенные в общество круговой порукой при исполнении многочисленных обязанностей (ремонт дорог,

уплата денежных повинностей и пр.), но не как общественники и государственные работники, а просто как люди, предоставлены сами себе, каждый отвечает сам за себя, каждый сам за себя страдает, справляется, если может, если не может, погибает (Глеб Успенский). Если окончательно не погибали, не умирали, то все же до того опускались, что самостоятельными работниками не были, но кормились среди справившихся и пробивались из года в год, пользуясь милостыней и подачками, как и ныне, а не при помощи общественной организации. Благо, что у всех справившихся было изобилие во всем, и они по душевной доброте не оставляли без хлеба бедноту.

А в настоящее время при полном оскудении у всех и во всем строительство жизни не может осуществляться вполне вследствие разделения семей, раздробления их на мелкие трудящиеся самостоятельные ячейки, при владении крохотными полосками земли, разбросанными на дальнее расстояние, без удобрения, без достаточного инвентаря и рабочих лошадей. Все обстоя-

125 стр.

тельства, все причины побуждают жителей обратиться к общественной обработке земли и на переход к многополью, но опасаются, как можно предполагать, чтобы этим не было закончено в ясных, простых словах и примерах необходимость организации, без принуждения к коммунизму, с одинаковым преимуществом тем и другим.

Вот приблизительный план перехода к многополью и общественной обработке:

1. Пригласить опытного агронома.
2. Избрать правление общества или поручить руководство кредитному товариществу, выработавшему правила для руководства.
3. Из общего плана всей земли выделить в дополнение к огороду часть ближайшей земли для культурного огородничества, садоводства и других отраслей сельского хозяйства. Это огородничество дает возможность всем членам семьи трудиться на своей усадьбе, если они почему-либо не пожелают рабо-

тать по найму от всего общества и работать по своей инициативе.

4. Выясните, как скот продовольствовать летом — подножным ли кормом или кормить дома; в последнем случае выделить часть ближайшей земли для посева зеленого корма.

За выделом на огороды, на покотину вся остальная земля должна поступить на общую обработку с переходом на многополье с наемным трудом в лице всех общественников, причем, легко использовать весь наличный живой и мертвый инвентарь за определенное вознаграждение, и по мере надобности завести общественные машины. Обработка будет вестись, как раньше велась у помещиков или у зажиточных крестьян; разница будет в том, что все выработанные продукты будут составлять достояние всех

126 стр.

общественников, за исключением расходов по обработке, управлению и уплате налогов.

Скотоводство пока должно вестись самостоятельно каждым домохозяином. В дальнейшем практика покажет, какие должны быть изменения и дополнения.

Не стеснится свобода ни одного гражданина. Каждый может идти за плату на общественную работу или не ходить, а трудиться со своей семьей по огородничеству, садоводству, пчеловодству или поступить куда-нибудь на службу, или заняться каким-либо ремеслом. При общественной обработке не изменится установившийся строй деревни — жизнь «бок о бок» сосед с соседом, — не нужно будет переселяться со всеми постройками, что неизбежно при переходе на отруба или хутора, и будет применяться разделение труда, не нужно будет, как у отдельного домохозяина, успевать во все места обработки всякое дело будет работаться в свое время, тщательно, как требуется, особенно при вспашке земли.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРАВЕ НА ЗЕМЛЮ И РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Не трудясь, мы все равно пользуемся необходимыми элементами для жизни: воздухом, солнечным светом, теплотой, водой. Такое же право человек должен иметь на землю, безразлично, пользуется ли ей на правах обработки или не пользуется. Сама по себе земля без приложения труда составляет мертвый капитал. Необработанная дает доход, как и деньги, пущенные в оборот дают проценты. И в настоящее время в том же песковском обществе только что родившийся ребенок в семье уже имеет часть земли наравне со всеми, а землю обрабатывают родители.

128 стр.

В силу этого права мысль в предыдущем, что не желающий почему-либо участвовать по найму в общественной обработке имеет право на получение выработанных продуктов, то есть право на получение арендной платы за землю, как и в настоящее время бедняк, не могущий обработать свою пашню, отдает другому в аренду за условленную цену и сам же помогает обработать за определенное вознаграждение. А при общей обработке трудящийся получает определенное вознаграждение на всех членов своей семьи, в том числе на малых и престарелых, а не работающий на ней непосредственно получает только одну арендную плату за землю, причитающуюся на него со всей семьей. Такое условие заставит всех участвовать в общественной работе за определенную плату по одинаковой оценке труда за 8 - 12 часовой день, пашет ли кто, или по письменной части в канцелярии сидит, или доглядывает за работавшими в поле. Нероньбе, полоть хлеба, корнеплодов и пр., конечно, за уменьшенное вознаграждение. Все относится к работе сознательно как к своему кровному делу и не так, как раньше относились к общественным работам: придут поздно и работают по пословице: «Что пень колотить, то день проводить».

Среди крестьян и рабочих существует убеждение, что тру-

дятся, работают только они и приносят пользу всему государству, а не крестьяне и не рабочие живут за счет их труда. Труд учителя, доктора, ученого, вообще умственный труд, не ценят, учителя, доктора, ученого, вообще умственный труд, не ценят, не считают за дело, а чтобы каждый из них пахал, сеял и доставал себе пропитание. И не имеют представления, понятия о разделении труда и в особенности о значении умственного труда ученых, изобретателей, инженеров, строителей фабрик, железных дорог и других, благодаря которым крестьяне и рабочие пользуются их изобретениями в облегчении знаний и передвижении, в излечении болезни, в получении знаний и пр. В 1918 году во время всероссийской забастовки по железной дороге, в таком расстройстве обвиняли ученых и говорили: «Убить надо всех ученых людей». И здесь среди чернорабочего люда крепко держится убеждение, что трудится землероб, плотник, кузнец и прочие. По поводу этого возник спор между председателем исполкома и чернорабочим, который высказал: «Я действительно зарабатываю себе пропитание топором, а ты пером. Какой же это труд?»

130 стр.

ВОЛОСТНОЙ СУД ИЗ РАССКАЗОВ СТАРОЖИЛОВ

В крестьянской среде существовало предубеждение против служения в общественных должностях, боязнь старательных домохозяев быть избранными в судьи и другие общественные должности, и старались отбиться подкупом или угощением. А другие на такие должности набивались, особенно в судьи, просили негласно, за угощение, чтобы их выбрали. Потому и волостной суд более всего страдал из-за того, что в судьи выбиралась люди немудрые, ненадежные, такие, что и свое хозяйство вели плохо, неумело, любили выпить.

Согласно Положения 1861 года о сельских обывателях (статья 107) в суде дела решались на основании местных обычаев, правил, и в каждой волости были свои обычаи, и не было письменных руководств, а вследствие этого и царствовал произвол.

решались дела за угощения, по приятельству к тяжущимся. Если и нельзя было виновного оправдать, то присуждали его к незначительному наказанию или малому денежному штрафу, или выговору. Случалось какому-нибудь бедняку идти в суд с жалобой на богатого, у которого знакомство, кумовство с судьями, то бедняк ничего не выигрывал, и оправдывалась поговорка: «С сильным не борись, с богатым не тяжись».

Или случись бедному в чем-либо не угодить богатому — слово ли сказал не по нраву, потребовал ли чего с него по праву за работу, — а тому не хочется отдать, — и за все это богатый нажалуется начальству и попросит наказать, поучить неугодного. И сделают так по его просьбе, не разобрав даже дело бедняка, потому что богатый — всем друг и приятель: угостит, напоит. А с бедного что получишь? И в семейных разделах суд решал из-за угощения и наказывал, по жалобе отца, сына розгами и выселял из семьи, не присудив из домашности ничего. В ссорах между мужем и женой, по жалобе последней, держал сторону мужа, чтобы не давать потачки женам. Судьи обыкновенно говорили: «У бабы волос долог, да ум короток; жена должна быть покорна мужу во всем, а не жаловаться; мало ли что бывает в семье». В старое время при сельском управлении по суду наказывали розгами и женщин, давали по 20 ударов, предварительно намочив нижнюю одежду водой. Наказывали розгами особые любители — специалисты из военмахнешья и хватить хорошенько розгами, то сразу и зарумянится задница-то». Розги применялись и в административном порядке. По своему усмотрению всякий начальник мог арестовать крестьянина и наказать розгами. Однажды приехал мироперепахана, и немедленно приказал сельскому старосте разыскать виноватого и привести в волость. Когда его привели, то сказал: «Дать ему по десятку розог с той и другой стороны, чтобы не портил дорогу».

Не напрасно о прежнем суде вообще составилось мнение, что он наполнен неправдой черной /передавали Артемий Александрович Зайцев и Иван Васильевич Снегирев/.

132 стр.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЗНИ

БЕДНОСТЬ: КАК ОНА ВОЗНИКЛА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ?

Все человечество и каждый человек имеют право на все, что необходимо в жизни. Но это право сопряжено с усиленным, непрерывным трудом всей жизни. Люди же не все равны по способностям, дарованиям и желанию к труду. Потому и распределения между людьми нет, и материальные блага распределены неравномерно. К этой неравномерности — при дарованиях талантности — у некоторых присоединились корысть, жадность, эгоизм, способствующие накоплению богатства, с одной стороны, и лень и неумение, неупорядочность, с другой. И потому у одних богатство и изобилие всего, у других недостаток во всем.

И причины бедности не одинаковы. Бедность бывает острая от стихийных бедствий: неурожая, пожаров и пр. От этой бедности, по устранению причин, люди скоро справляются при энергии и старании. Но бывает бедность хроническая, продолжающаяся годы. Она появляется от предыдущих причин, но к ним присоединяются недостатки людей, равнодушные людей к своему положению, упадок энергии и пр.

Главнее всего хроническая бедность вытекает из чрезмерного пристрастия к винопитию, которое вкоренялось веками и сделалось хронической болезнью. В настоящее время все — наследственные алкоголики.

Укоренению, пристрастию к вину среди крестьян способствовали общая забитость, приниженная жизнь, бесправие. Когда всякое

133 стр

мирское дело — отдача в аренду общественной пашни, покосов, питейных заведений, выбору должностных лиц, наем служащих, постановление приговоров на сдачу рекрута (до 1874 года) — все это сопровождалось повальным пьянством не один день. Пили во всяких частных случаях: при семейных торже-

ствах, по праздникам, при купле-продаже и т.д.

В Песках было 2-3 кабака, и для слабых, бесхарактерных это было заманчиво, в особенности, когда продажа была с вывеской: «Распивочно на вынос»; то есть находились с утра и до вечера в кабаке, выглядывая, кто бы из знакомых угостил водкой. Кроме того, могли, не имея денег, закладывать с себя все рубашки. А кабатчик брал заклад и отпускал водку, никого не стеснясь. И в летнее время, рассказывают старожилы, около кабаков постоянно летом много народа, разутых, раздетых. А проспят, надо опохмелиться, а без денег не дают, а заложить с себя нечего. И бежит каждый домой, тащит в кабак, что может вырвать силой у жены, последнее добро.

И так из поколения в поколение велось пьянство как наследственный порок, а с этим и бедность, потеря воли, здоровья, нежелание трудиться. И, имея пашни, отдавали другим в аренду. Так и вилась бедняки, как в заколдованном кругу, не имея возможности восстановить свое хозяйство.

Бывали и примеры, что многие из них при сильном воллсознании, что позорно пред людьми так опуститься, мало-помалу, работая в людях на всем готовом, заводили свое хозяйство. Сначала готовят усадьбу, затем поставят домик и к нему прибавляют постепенно другие постройки,

134 стр.

основав свое гнездо, получивши пашню при помощи хозяев, у которых живет. Женится, подкопит хлеба не один год, затем переходит в свой дом, заведет лошадь, корову и становится самостоятельным хозяином. Нелегко это достается. Но большинство бедняков, живя в батраках по многу лет на всем готовом, получая платы 30 — 40 рублей в год и зерна и 1/4 десятины или 1/2 десятины, ничего не сберегали, а все прогуливали. Бывают и такие бедняки, что, живя в работниках по многу лет, обзаводятся домашностью и принимают за работу. Но, как говорится, здесь у них «башка» не варит. Они, живя в работниках, привыкли делать все по указанию хозяина, а, взявшись за свое дело, не знают, как вести самостоятельно хозяйство: бродит путаница, и запаздывают в своей работе против других.

Пары надо осенью вспахать, а он весной вспахнет с опозданием, засушит землю; надо косить, а он только начинает пахать пары под рожь; надо жать, а он начинает только косить; посев осушится, зерно осыплется. Бьется, бьется — весь измучится, а толку мало. Видя, что у него нет ни в чем успеха, придет в уныние, не будет у него желания работать, а с горя еще возьмет и выпьет, чтобы забыться. И пропал тогда человек!

Все такие бедняки и могли все же существовать при общем экономическом благополучии старательных домохозяев, и было их, по рассказам, 50 — 60 домохозяев. В настоящее время по обследованию экономического положения прихода (сельского совета), за 1924 год число бедняков определается: безлошадных 161 дом, без всякого скота 75, без посева 14, без коров 138. Итого: 368 бедняцких дворов из 620 дворов. Следовательно, середняцких дворов всего 260.

135 стр.

И вся эта беднота не может трудом своим улучшить свое положение, а все надеется на кого-то, надеется, что ее станут кормить, как кормили во время военного коммунизма, что де укажут им, как при затрате малого труда получить больше продуктов, дадут машины, дадут злаки для посева, которым надо меньше влаги или в случае засухи можно в любое время, во всяком месте нажать кнопку, и моментально дождь оросит землю.

Некоторым беднякам во время военного коммунизма и оказывали помощь выдачей лошадей, коров, семян и пр. Но такие пособия не оказывали благотворного влияния на хозяйство бедняка, у которого в зимнее время нет и корму для скота. Подержит лошадь или корову и отдает обратно, или они у него подохнут с голоду.

Каждому бедняку необходимо надеяться на самого себя — поднять бодрость духа, запастись силой воли, энергией к упорному труду при имеющихся у него наличных данных: домашнего хозяйства, пашни, огорода, гуменника, а это у каждого из них имеется. И следует им заняться культурным огородничеством, садоводством, посадкой корнеплодов и в 2-3 года улучшить свое материальное положение настолько, что, имея огорода, гуменника от 1/4 до 1/2 десятины, без лошади можно обработать

своей семьей ручным способом при помощи мотыги и лопаты и получить 1200-1500 пудов картофеля и корнеплодов, и содержать корову и 1-2 свиней. А от таких овощей, как огурцы, капуста, морковь, помидоры, получить денежный доход. А огородничество здесь считают

136 стр.

самым пустым делом. Обычно сажают бедняки в огороде 5-10 грядок картофеля, репы, моркови и других овощей. Посадят неумело, вовремя не выполют, картофель не окучат, все зарастет сорной травой. И не только для коровы, и для себя ничего не получают. Вообще привыкли к тому, чтобы только пальцем ковырнуть и получить кусок золота.

В течение 6-летнего пребывания я пригляделся, как работают бедняки, не имеющие лошади. Весной во время сева они ничего не делают, дожидаются, когда «лошадные» кончат свои посевы, засеют и им сколько-нибудь пашни. Требования на рабские руки нет. Тогда-то они и могли разработать свой огород и гуменники, и засадить их, а не жить, сложа руки.

Конечно, всякое новое начинание прививается с трудом. И потому необходимо кому-то показать, как нужно вести культурное огородничество. А для этого следует завести показателями культуры: плодовым садоводством, ягодным садом, другими культурами: лекарственными травами, выращиванием семян огородных овощей и корнеплодов. Кто же может заняться культурным огородничеством? Для этого есть две готовые организации: комсомольская и партийная, и имеется при избачитальне 2 огорода. Хотя цель комсомольской ячейки и избыточного сознания и общего культурного поднятия политическое, думается, что политпросвету не помешает проводить в среду крестьянства сельскохозяйственные знания при помощи культурного огородничества.

137 стр.

К ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ТАБЛИЦЕ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ПЕСКОВЦЕВ

Примечание первое

В прежнее время семья была сильна, крепка, прижимиста. Так, в 1838 году при возникновении прихода при числе 1657 жителей обоих полов, домохозяев было 110, и на каждую семью причиталось 15 человек. В 1862 году (220 домохозяев, жителей 2199) — 11 человек на семью. В 1914 году (460 домохозяев, 2907 жителей) — 6 человек /из Песковской ведомости/. В 1924 году (жителей 2870, домохозяев 620) — 4 человека.

Примечание второе

Для определения довоенного экономического положения я руководствовался рассказами старожилов о том, сколько они арендовали пашни и покосов и засевали на надельной земле; и сколько имели скота — зажиточные, средние, нижесредние и бедные. Это относится к 1890 году, пока жители не отказались от данных покосов, земель и лесов. Тогда зажиточных было 30 домохозяев, средних — 300, нижесредних — 120, бедных — 100 = 550 /после годов 1891-1892 и 1911-1912 число жителей уменьшилось по причине их ухода на сторону/.

Зажиточные держали: рабочих лошадей 10-12, жеребят 8-10, дойных коров 10-12, телят и быков 25-30, овец зимующих 20-30, свиней 2-3. Средние на половину меньше. Нижесредние на 1/3. Бедные: рабочих лошадей - 1, подростков - 1-2, дойных коров - 1, подростков - 2, овец - 2, свиней - 1.

Зажиточные птицы держали: 2 стада гусей (5-7 гусей), уток 2 стада, куриц 40-50. Средние на половину меньше. Средние - гуся, гусиху, 10-15 куриц. Бедные по 5-8 кур. В общем, у всех было 1500 гусей да столько же уток, а куриц свыше 12 тысяч. А в 1925 году было сельским советом зарегистрировано петухов 506, куриц 3231, гусей 649, уток 82, индюшек 14...

138 стр.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПЕСКОВСКОГО ПРИХОДА

139 стр.

Видно, с какой быстротой увеличивается число бедняков. И до чего может дойти число их при постоянных неурожаях, при неимении никаких определенных заработков на месте, при нежелании их заняться трудом? Ведь и теперь иные из них говорят: «Да что нам трудиться? Пусть богатые гнут спину, работали за себя и за народ налоги. (Если средняк заарендовал пашню у бедняка, то этот, последний, налог за пашню не платит. А если бедняк и посеет хлеба немного, тоже ничего не платит, и скота у него нет). А мы проживем». Они и могут существовать только среди зажиточных, как паразиты на живом организме. И в настоящее время беднота живет изо дня в день кое-как: пообедает у кого-нибудь, то выпросит займы или в счет работы, или за какую-нибудь услугу. И про бедняков сложилась здесь пословица: «Захочет есть, пойдет к соседу обедать, захочет пить — на реку сбегат». Почему бы им не заняться каким-нибудь ремеслом? Выделкой ножей, вилок, замков, игрушек, плетением рыболовных снастей. А на первый раз — плетением корзин из тальника. Если взять в расчет, что у 500 бедняков имеется 2 человека, хотя бы один подросток, то каждый из них может заработать в день 10 копеек, а в месяц 2-3 рубля, в год — 25-30 рублей. А тысяча человек в год заработают 25-30 тысяч. Ведь это уже капитал. Следовало бы им только организовать как для культурного огородничества, так и для ремесла.

140 стр.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЗНИ АЛКОГОЛИЗМ И БОРЬБА С НИМ

Среди крестьянства алкоголизм — такое страшное зло: экономическое, моральное, физическое, что борьбу с ним в строи-

тельстве жизни надо поставить в первую очередь между другими очередными задачами. За года 1920, 1921, 1922 пьянство, по крайней мере здесь, проявлялось в слабой степени по причине неимения под руками дешевой водки и преследования за самогон от правительства. Но денежные штрафы от 10-15 и от 100-200 рублей, смотря по состоянию, в корень подрывали их экономическое благосостояние. Без репрессивных мер обойтись нельзя. И в преследовании за самогон нужен пример воздержания и абсолютной трезвости. Обычно слышать между ними такие разговоры: «Нас судят, наказывают, штрафуют за то, что мы варим самогон, но знаем и видим, что те, которые притякают нас к ответственности, сами пьют самогон». Известно также крестьянам, что многие из партийных руководствуются иезуитским правилом: «Пить, но не попадаться, и чтобы никто не знал». Я сам читал «Московскую правду», «Московскую крестьянскую газету» и нередко встречал руководственное правило, что нужно применять не приказ, а «показ»: «Врачу, исцелился сам».

141 стр.

Но с 1924-1925 годов пьянство и приготовление самогона увеличилось до невероятных размеров. Крестьяне как бы обезумели. Все бросились на самогон, кто для себя, кто на продажу. На эту отрасль самогонного производства устремилась преимущественно беднота и даже женщины. По деревням милиция не живет, и за последнее время выбраны уполномоченные, которые должны следить за порядком и тишиной и преследовать приготовление самогона. Но могут ли уполномоченные выступить в оппозицию с советскими общественниками?

Помимо репрессивных мер необходимо вести воспитательные меры: устройство библиотек, чтений, бесед научных, литературных, которые бы заинтересовали слушателей; развитие среди взрослого населения стремления к самообразованию, к сознанию своего человеческого достоинства. А то что же? Самое главное воспитательное средство — чтение книг — и не может применяться на местах за неимением библиотеки, в которой должны иметься полностью все сочинения классических русских и иностранных писателей по беллетристике и книги

научного содержания /см. Изба-читальня, 33 стр./.

Чтение классиков — вернейшее средство облагородить человека, развить в нем эстетическое чувство, благородство души, любовь к природе, возможность видеть в ней, а так же в поступках, делах людей — красоту, восторгаться ей (кра-

142 стр.

сотой) и самому возвышаться и стремиться к высшим душевным движениям.

И можно ли требовать от неразвитых, темных людей, не воспитанных в благородстве, в правилах крестьянской нравственности, трезвости, воздержания, когда мировоззрение, кругозор их самые ограниченные, вращающиеся среди тяжелого труда и неприглядной житейской обстановки, не видящих хорошего примера для подражания и не имеющих разумных увлечений? И чтобы забыться, «встряхнуться», как говорят, прибегают к водке — возбуждающему и веселящему средству — и пьют безмерно, до полной потери сознания. И в этом только и находят интерес и удовлетворение. И во время труда мечтают: «Вот поработаем и опять кутнем». Некоторые из них говорят: «Нет выше, дороже, ценнее, как водка, деньги и женщина», «Если бы не было ни водки, ни женщин, ни денег, то для чего было бы жить на свете?»

Для большего достижения в воздержании от винопития, для отвращения приготовления самогонки, в особенности, необходимо ввести товарищеский общественный суд и обязательную круговую поруку всех общественников не варить самогонку. В общих собраниях по этому вопросу должны участвовать женщины и все сознательные мужчины, предварительно подготовленные по борьбе с алкоголизмом при помощи чтений, бесед и самобразования. Быть может, что на первом собрании не согласятся приговор постановить, тогда

143 стр.

в другой и в третий раз и добиться желаемого. И если по большинству голосов собравшихся состоит приговор в том, что-

бы никто не варил самогонку, то уже отдельные лица не осмелятся ослушаться и нарушить его, так как от бдительного ока всех общественников никто не сможет укрыться.

Надо же приступать к приучению общественников к солидарности и воспитывать их в общности интересов, отвечать каждому за себя и всем за каждого. Если отдельный член, нарушивший приговор и привлеченный к товарищескому суду, не захочет подчиниться приговору, то за нарушение вторично, принудительно отделять его, отсекают как вредного члена общественного организма, удалять его по общественному приговору, предавая суду для отсылки на дисциплинарные работы в дальние края, откуда он не мог бы выбежать.

Воспитываемые в круговой ответственности в борьбе с алкоголизмом общественники приучатся скорее и к трудовой организации, и к различным кооперативам.

144 стр.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЗНИ. ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ И БЕЗНАВРСТВЕННОСТИ

По завету Ленина, к 10-ой годовщине со дня революции безграмотность в России и деревне должна быть ликвидирована. Вследствие этого и в Песках организовалось общество «Долой безграмотность» в количестве 30-40 человек с платой десятикопеечного ежемесячного сбора и единовременного 25-ти-копеечного взноса. В начале 1926 года были открыты двухлетние школы в деревне Чусовой и Песках с незначительным числом учащихся в 15-20 человек. Раньше, в 1920, 1921 годах, были попытки привлечь взрослых мужчин и женщин к обучению в школе по вечерам, но все это без благого результата. Крестьяне были не довольны насильственным их привлечением к обучению грамоте и говорили: «Лучше бы учили наших всех детей и 6 учителей, а теперь одна и 3 учителя». Также нет и доверия к школе, и крестьяне жалуются, что нет порядка, дисциплины в

школе, и дети непослушны. В 1923 году детей школьного возраста обоих полов было 300 человек, а обучалось 80-100, и ныне почти столько же.

И сами товарищи сознают, что крестьянам нужно не это. Они пишут: «Крестьянство не мирится с сознанием того, что кампаней по ликвидации безграмотности охватывается одна лишь взрослая часть населения, оставляя за бортом неграмотную часть подростков. Общество должно учесть в своей работе это справедливое нареkanie, выражающее здоровое стремление деревни видеть прежде всего в своем молодом поколении грамотных людей» / «Московская правда», 1925, № 62/. Для этого необходимо ввести обязательное обучение и увеличить число школ. Но этого всего недостаточно. Нужно еще какое-то нравственное воспитание, взамен отриннутой христианской нравственности. Необходимо указать идеал, к которому нужно стремиться. А нравственного воспитания как будто и нет. В газетах, хотя и подымался вопрос о партийной этике, но ничего, кажется, определенного не выработано, а пока провозглашен лозунг: «Все то этично, что партии полезно!» Но провозглашены и другие лозунги: «Бога нет», «Приход коммунизма — уход религии!», «Ответственности нравственной нет!», «Все мне позволено!» и пр. Эти лозунги проникли в народ и выявляются в хулиганстве и половой распущенности молодежи, особенно мужчин. То и другое признается партийной печатью, а именно: «Пролетарская молодежь полагает, что самый лучший подход к вопросам половой любви есть подход коммунистический. Каждый комсомолец, рабфаковец и прочий может и должен удовлетворять свои половые стремления. Каждая комсомолка, рабфаковка, учащаяся, на которую пал выбор мальчика, - самка, должна пойти навстречу!...» / «Московская правда», 1925г., №67/. В результате усиления просьбы об аборте он разрешается, но по закону,

146 стр.

разрешается и в том случае, когда роды угрожают жизни матери, или она обременена большой семьей /там же/.
А по причине свободной любви получается двойное заполнение воспитательных домов, неприютность и беспризорность детей, детская преступность и вообще увеличение уголовных

преступлений: убийств, покушений на жизнь; грабежи и невероятное проявление хулиганства среди молодежи!
/ «Правда московская», 1925г., № 79/.

И здесь молодежь, не удерживаемая никем, допускает всевозможные безобразия, насилие по отношению друг к другу и окружающим лицам. Разбить окна у кого-либо, изругать соседа - это такие пустяки, что на них никто не обращает внимания. Но что грознее, ужаснее - жизнь человеческая обесценилась до невозможности!

При разгуле молодежь вооружается ножами, батиками, шкворнями, копьями, гириями на шнуре, а то просто колом. И безо всякой причины скопом бросаются даже на случайно попавших, беззащитных, не ожидающих побоев, днем и ночью бьют жестоко до полусмерти.

В избе-читальне имеется стенная газета «Пахарь». В ней за 1926 год в № 2, января 17 помещена такая статья: «Святки». «Только почувствовала молодежь, что скоро святки, стали откупать вечерки, на которые идут матершинничать и драться». Наверное, убедитесь сами. Михаил матерился да сказал, что ребята там с ножами. Спросил: «Для чего это вам?» Увидел, что не боятся, не задумавшись, навозят по бокам - захохотал.

147 стр.

КОМИТЕТ ВЗАИМОПОМОЩИ

Возник он с 1918 года. По идее, это хорошее учреждение, но в жизнь крестьянства по-настоящему не воплощается по причине неимения на местах людей, могущих разъяснить значение его и принять на себя руководство.

При насильственном навязывании комитета обществу и принудительных сборах на него и принудительных работах по посеvu и уборке хлеба самостоятельных и не ленивых, и при нежелании самих бедняков работать на себя, дела комитета идут через пень — колоду.

В Песках комитет открылся в июне месяце 1921 года. Я, со своей стороны, бывши на общем собрании, предложил услуги для начала в качестве простого писца как не имеющий гражд-

данских прав, о чем им заявил. Но общественники, как я потом узнал, выбрали меня в состав правления, присутствовали при собрании и партийные, но они ничего тогда не объяснили общественникам. И я принялся за дело. Приготовили все тетради, и я занимался 2-3 недели. Но некоторые из партийных донесли в уезд, что я ненадлежаще выбран, и мне пришлось уйти от этого дела. Выбрано было другое правление. Все средства в пользу комитета предписывалось искать на месте. Но что же можно было получить на месте, когда у всех нужда была страшная? В 1922 году весной комитет мог бы получить пшеницы на 40 десятин пашни, если бы заблаговременно о том хо-

148 стр.

датайствовал. И пашня, и пары были готовы, так как в ту весну семян не было, и вместо 2700 десятин было засеяно 800 десятин на всю волость. Но председатель комитета ничего не сделал. А лето было дождливое, пшеница бы выросла хорошая, и 40 десятин могли дать комитету 3-4 тысячи пудов. В 1925 году обложили всех в обязательном порядке по группам: 1-ая группа - в 5 рублей, 2-ая группа - в 1 руб. 50 коп. и 3-я - в 50 коп. Духовенство обложили в 5 рублей. Но потом округом это постановление было отменено как незаконное. И общество, имея комитет, нисколько им не интересовалось и не требовало от председателя никакого отчета. И только ныне, 1925, года по настоянию округа была избрана ревизионная комиссия для проверки всех местных учреждений, и 3-4 июня под председательством Якова Прохоровича Балина была произведена ревизия комитета и составлен акт, из которого видно, что в пользу комитета поступило пшеницы, овса, ржи свыше 300 пудов и денег до 100 рублей. И что дело велось неаккуратно. Деньги по долговым обязательствам не собраны в виду халатного отношения председателю комитета Сергея Дмитриевича Антропова. И вновь избранному председателю комитета И.В. Чистякову комиссия рекомендует завести книги приходно-расходные, документное оформление.

В общем собрании постановили, чтобы каждый домохозяин уплатил в год 50 копеек, а кто не в состоянии уплатить, то чтобы летом отработывали на полях комитетских.

149 стр.

ОТЧЕТ КОМИТЕТА ВЗАИМОПОМОЩИ (за 1926 год, январь, февраль, март)

Земельный фонд - 10 десятин.
Под озимые - 2 десятины 30 соток.
Имеется пшеницы и овса налицо - 182 пуда, 14 фунтов.
Сколько роздано - 68 пудов, 3 фунта.
Осталось - 114 пудов, 9 фунтов.
Сколько хозяйственников - 43.
Расходы денег - 39 рублей 4 копейки.
Посева яровых всего 8 десятин 5 соток. Выдано всего на посев весной 350 пудов 150-ти человекам.
Посев для комитета производится не на одном определенном месте, но каждый год на новом, где окажется случайно оставшаяся пашня. Работы производятся все по найму. За посев десятины дают десятину пашни на год. В комитете членами состоит все общество, но взносы платят нехорошо. Ни в какие организации по земледелию или огородничеству бедняки не идут.

150 стр.

ВЗГЛЯД НА ПЕСКОВЦЕВ КАК БЫ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Первоначально песковцы - беломестные казаки, переселившиеся люди, служили военной охраной для защиты крепости, бывшей в Катайске, и занятых ими местностей от татарских набегов, и были первыми хлебопашами, пользовались льготами от правительства и владели обширными земельными и лесными угодьями, оставшимися после ухода татар. И имели дарственные записи от Петра I.

К казакам со временем присоединялись другие выходцы из России. Местность была всем богата: лесом, зверями, рыбой.

Придерживались тех порядков, обычаев, какие вынесли из России, а много заимствовали и от татар, их окружавших: грубое, жестокое обращение с женщиной, взгляд на нее как на рабочий скот, веру в колдунов, знахарей, легкое отношение к чужой собственности и склонность к праздности, к лени, тунеядству.

Жили на полной свободе, предоставленные себе, своим желаниям и страстям. Храма не было до 1838 года, и школы до 1862 года. Школа слабо влияла на население, а к церкви прихожане относились формально. И чрез школу при преподавании Закона Божьего ученики мало воспринимали уроки Закона Божьего и не воплощали его в жизнь. Среда, когда они оканчивали школьное учение, заглашала все. Кроме того, из среды местного духовенства выходили личности с антирелигиозными взглядами и провозглашали

151 стр.

безверие. Так, отца Иоанна Кокосова сын Иван проживал у матери, вдовы, внушал ученикам школы нехорошие мысли. К учительнице Е.И. Кор ходила девочка для получения уроков по Закону Божьему. Выучила по книжке о воскресении Лазаря и повторяет вслух про себя заученное. Бывший при том у Е.И. в гостях К. сказал девочке: «Обманывают вас попы-то. Никакого Лазаря не было. Лазарь умер, снег растаял, сестры плачут, ручьи бегут» /Передал А.И. Балин/.

И духовенство слабо влияло на прихожан и не пользовалось пасторским авторитетом как зависимое от них в материальном отношении. И вследствие многочисленной семьи (у священника было 6-7 человек) постоянно обращались к ним за сборами разных продуктов: хлеба, масла, сметаны, яиц, мяса, льна, шерсти (за год 6 раз). Кроме того, устроили так называемые «помочи» около Рождества и Нового года. Собирались мужчины с мешками пшеницы, овса и женщины с пряжей или холстом (40-50 человек). Угощали хорошо водкой, вином, кто сколько мог выпить, пряниками, орехами, чаем, обедом. Были приглашены музыканты. Иные допивались до того, что их приглашались развозить по домам на лошади. А после вспоминают: «Ну, и как угостился не помню, и как домой приехал». Многие приходили опохмелиться.

А другие, ушедшие пешком, припеваючи, говорили:

*Бывало, как налижется
В приятельском кругу,
Еле-еле движется,*

152 стр.

*А сам уж — ни гугу!
По кочкам пробирается,
Где раком, где ползком,
Туда — сюда споткается
То загом, то ползком!*

У духовенства в течение года с прихожанами хлебосольство было большое. Принимали у себя и сами гостили. Также бывало помочь при уборке хлеба, сена с таким же угощением. Если стога была, мешающая быть на высоте своего призвания, то чуть ходили в праздники с крестом или с иконами в Пасху, то чуть не в каждом доме угощали водкой, пивом, чем особенно злоупотребляли низшие члены причта и напивались /Передал Артемий Александрович Зайцев/.

Отцы и братья, и крестьяне проводят престольные праздники. Кто их должен был удерживать? Прошу не посетовать на меня, что я так откровенно написал, как будто много и преувеличил. Не преувеличил, а о многом еще умолчал. Истину глаголю, не лгу. Я служил в заводе и городе, и 4-ех сельских приходах чуть не шестьдесят лет. В заводах и городах нет такого обычая, но в сельских приходах до германской войны, за не-многими исключениями, помочь — обычное явление, где слабее, где сильнее. И если бы все духовенство находилось на высоте своего призвания, то и жизнь была бы не та, как ныне.

Теперь не лишне обрисовать современную семейную жизнь эту основу всего государства. Раньше в супружеской жизни господствовал мужчина, а женщина была рабски покорная личность (см. Значение женщины в крестьянском быту, с.61 и Свадебный обряд, с.79). А в настоящее время при гражданском браке и скором расторжении брака семейная жизнь пришла к полному развалу.

Молодежь обоих полов учла данный момент как полную свободу половых отношений, и, не связанные никакими обязательствами при неустойчивости характеров, не руководствуемые ни родительской опекой, ни стыдом, ни гражданскими законами, свободу брака обратили в своеволие.

Зарегистрируются и через месяц — два расходятся. Или муж не желает жить, или бывает, что в расстройстве жизни молодых участвуют и родители. Не взлюбит почему-либо свекровь сноху и начинает ее притеснять. Затем склоняет к тому своего мужа, настраивает сына, убеждает его, чтобы прогнал жену. Прибегает даже к бабушкам-колдуньям. Чтобы сын возненавидел свою жену. А для расторжения гражданского брака достаточно обоюдного согласия супругов. А если такого не состоится, то суд и без согласия которого-либо из супругов расторгает брак. А потом идут тяжбы по судам. А от беспорядочной жизни увеличивается и беспризорность детей и неопределенное положение женщины, ее заброшенность и стремление на вольную жизнь по городам.

В общем, жители в большинстве консервативны, придерживаются старинных в быту и хозяйстве. К новой жизни, учреждениям, начинаниям применяются с трудом и относятся к ним недоверчиво. Но к пропаганде заводить земледельческие орудия идут охотно. Но, не имея средств на покупку таковых, покупают одни пока плуги.

Несмотря на некоторые отрицательные стороны в жизни псковцев, в них есть и хорошие черты. Первое. Прежде всего бросается глаза их выносливость, приспособляемость ко всякому невозможному положению, хладнокровие и как бы равнодушные в перенесении несчастий.

Что только ни пережили все солдаты в своей походной жизни, особенно пленные: все ужасы войны, холод, голод, раны, увечья, потерю трудоспособности, истязательства от немцев. Между тем, воротившись домой, не ожесточены.

Убитых во время войны и переворота по приблизительному подсчету около 125 человек. Инвалидов и малоспособных к труду около 40 человек. Бывших в плену у германцев и австрийцев около 40 человек. Кто воротился с потерей трудоспособности, и все с какой-либо хронической болезнью — бронхитом, ревматизмом, отравленные газами, с пулями в организме и пр.

Да и все жители за время войны, переворота и военного коммунизма много переиспытывали. Тяжело было для них исполнять повинность при отступлении войск — как красных, так и белых, и присутствовать со снарядами во время перестрелки, и ехать, неизвестно куда, не имея съестных припасов ни для себя, ни для лошади. Кроме того, как красные, так и белые, при отступлении отбирали и лошадей, и коров, хлеб, сено и мобилизовали с собой молодых людей. В 1920-1921 году наряжали жителей на ремонт железных дорог, на вырубку дров и вывозку их на станции, а содержание давали скудное.

А при наряде на вывозку и рубку дров зимой была страшная несправедливость, жестокость на местах. Так, например, наряжали Лукерью Васильевну Снегиреву (муж ее был в Красной Армии) дрова рубить, а у ней ни одежды, ни обуви и на руках двое малых детей. Ездил с ней и другая женщина на лошадах, и она на лошади своей. Рубили с неделю. Лукерья там и простыла, и домой ехала уже больная. Слутницы ее потом говорили: «Анна Павловна и Елена Ивановна Баженовы, снохи Никиты Ифановича Баженова, ехали и пели песни. И одну из пелсен сложила Луккия, и с горя постоянно ее пела:

*Наши миленьки воюют,
Нас хотят освободить,
А нам таку свободу дали,
Повели дрова рубить.*

Женщины сказывают, что и продовольствие брали себе из дому. Лукерья тогда так простыла, что получила чахотку и вскоре умерла.

А рубка и вывозка дров была тяжела не только женщине, но

и мужчине, и в голодное время. Отправили на работу из Песков партию в 40 человек. Часть из них попала на уральские заводы. Условия жизни были страшно тяжелые, кормили плохо, и в голодном состоянии некоторые из них ради куска хлеба готовы были друг друга резать. Трое песковцев: Филипп Никифорович Антропов, Артемий Борисович Снегирев и Павел Матвеевич Нетунаев жили на квартире у мастерового. Утром ушли на работу. Без них принесли пайки хлеба, каждому по полуфунта, передали хозяйке, та положила их на стол и накрыла, а сама ушла из дома.

156 стр.

Пришли с работы на квартиру прежде Филипп Антропов и Павел Нетунаев, а за ним и Артемий Борисов, который и стал спрашивать у них, где его паек хлеба. Те ответили, что сами только пришли и ничего не знают. Снегирев стал приставать к Филиппу, укорять его, что он съел его паек. Не разобравшись, не поискав, не дождавшись хозяйки, взяв случившийся нож на столе, бросился с ним на Филиппа, направив в живот, но тот успел схватить нож рукой (правой) за острие и удержать удар, но руку изрезал глубоко, но по счастью жилы не повредил. А хлеб оказался на столе.

Вторая общая черта — это терпение, покорность, безропотность в перенесении самых ужасных несчастий. А что может быть ужаснее для человека молодого, здорового, чем потерять зрение внезапно по вине другого? Если только представить себе такую участь на всю жизнь, то можно прийти в отчаяние и решиться на самоубийство (см. «Ослепление самогонкой»). Но Пелагея Харитонова и теперь живет с семьей, и не ропщет, трудится. Такая же покорность проявлялась и во время голодовки 1921-1922 годов. В этом-то смиреннии и покорности и заключается тайна жизни и назначения человека как странника и пришельца на земле, и в смиреннии и покорности дающая ему силу и крепость переносить всевозможные положения и несчастия на земле. Эта черта так резко выпукло выделяется среди женщин. Как они спокойно умирают, и нет в них страха смерти!

157 стр.

Или взять женщину, имеющую малых детей, больную, измученную, овдовевшую в молодых годах и в силу необходимого сти принужденную выйти во второй раз замуж за пожилого в надежде, что не будет детей и что в небольшой семье она сможет отдохнуть и поправить свое здоровье. Так оно и могло быть. Жизнь с мужем у ней направилась хорошо, но пошли дети беспокойные, а от них бессонные ночи, вся работа по домашности. И вот мучится человек, от мужа слышит брань, укоризны, но живет без ропота.

В общем, не приглядна жизнь песковцев. Ничего нет в ней отрадного, и ни к чему они не стремятся, как только быть сытому. Но и сытости нет. И живут под угрозой голодовок, и у большинства домашность падает, не улучшается, но живут — не тужат.

С 1925 года советское правительство начало стремиться к сближению с деревней под лозунгом: «Лицом к деревне!» Что обратилось первое к деревне — это почта, бывающая 2 раза в неделю. Ездит почтарь по Китайскому району, останавливается в каждом селении и производит все почтовые операции. И все это дома, у себя. Народ доволен.

Второе — народный суд. Народный судья приезжает в Пески на 2-3 дня. Это громадное удобство для населения и большая экономия в сбережении времени. И имеет воспитательное значение для всех присутствующих, которых собирается немало, и очень их интересует.

158 стр.

СТРЕМЛЕНИЕ ГРАЖДАН ПЕСКОВСКИХ К МАТЕРИАЛЬНОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ

Провозгласив лозунги: «Вся власть трудящимся!», «Объединение трудящихся!», «Лицом к деревне», советское правительство стремится организовать крестьянство и уравнять всех в одинаковом отношении: земельном, лесном, трудовом, правовом, умственном и экономическом. Но насколько достигло своей

цели в течение 7-8 лет в жизни песковских жителей?

В земельном отношении по своему семейному положению все наделены одинаково: бедняки, середняки, зажиточные. Но неодинаковы в труде, старании, успешности. Трудолюбивым, заботливым земли недостаточно, а беднякам, ленивым она излишня. Бедняк личный свой труд и своих семейных использовать на своей земле не может за неимением живого и мертвого инвентаря, а более всего за неимением желаний, энергии и стремления приняться постепенно за улучшение своего материального благополучия, и, начав с малого, улучшить свое положение. Ранее бедняк привык отдавать свои пашни в аренду и свой личный труд старательным. И все возможные сделки по этому поводу совершались по словесному договору, на веру, без письменного условия, и с обеих сторон исполнялись свято, ненарушно. В настоящее же время отношения эти нарушились, и при законе о батрачестве для найма работника

159 стр.

они стеснительны, а батракам дают привилегии и права, сопряженные с доверием к батракам со стороны правительственных агентов.

В 1921-1922 годы старательный домохозяин, не знакомый с законом о батрачестве, по обычаю нанимал себе работника без письменного договора, словесно, на веру, по совести. Батрак работал неделю, месяц, год, получал все, что ему следовало по условию, а потом через несколько времени, наученный кем-либо, пользуясь доверием власти, предъявляет хозяину другие требования, подает в суд или словесно заявляет в Исполком, которые, не принимая во внимание объяснения нанимателя и даже показания со стороны его свидетелей, обязывают хозяина уплатить батраку все, что тот требует. Примеры:

NN нанимал в голодное время бедняка на поденщину для рубки дров с платой по 10 фунтов муки пшеничной в день с готовой пищей и одеждой. Поработал 5-6 поденщин и получил условленную плату. А 10 фунтов муки в то время (1922 г.) имели громадное значение, и все бедняки даже в страду подчинялись ей. А потом, спустя год или два, батрак еще вздумал просить себе плату за прежнюю работу, и призвали хозяина в

Исполком, и принудили выдать батраку пять пудов пшеницы за ту же работу. /Да и как ему знать эти законы, когда газет частных не было, правительственные газеты получали только правительственные учреждения и не хранили их. Да и домохозяева были неграмотные. Как они могли знать о новых законах?/

160 стр.

Второй пример. NN уговорился с работником С., чтобы он работал у него лето за определенную плату, на всем готовом, чтобы сверх этой платы NN сработал С. всю работу на его пашне (посев, вспашка, бороньба, вывозка хлеба на гуменник, молотьяба). А тот после срока обратился в Исполком с жалобой, ему поверили, а объяснения NN не приняли и заставили выдать С. 15 пудов пшеницы.

Третий пример. В деревне Чусовой NN взял себе в работники по словесному соглашению как бы вместо сына. Он прожил 2,5 года на всем готовом, причем, ему отсыпали каждый год на личные расходы пшеницы, измолоченной с 1/2 десятины. Но по причине неодобрительного его поведению сельского совета NN должен был ему отказать, и по распоряжению денег, лошадь, корову, пятистенный амбар, телегу, сани, одежду, обувь, сбрую. Все это, если перевести на деньги, то получится сумма свыше 450 рублей, не считая пшеницы, выданной ему на личные расходы.

И многие из батраков, с которыми после срока все, что им хотелось. Надо правду сказать, что батрак или батрачка, живя у хозяина, старались отлынивать от работы. Иная батрачка живет сначала хорошо, а потом начинает не слушаться, спорить и даже ругаться с хозяйкой. Утром нельзя ее разбудить скоро.

Да и с заключенным договором батрак позволяет себе самовольство, дело ведет

161 стр.

нехотя, небрежно. Так, с апреля 26 1925 года Церковный Совет заключил договор с Филиппом Никифоровичем Антро-

повым для сторожевой службы в церкви на год. И в договоре было оговорено, чтобы плату выдать всю к ноябрю месяцу. А когда Антропову было выдано все, то он вторую половину и служить не стал, ушел самовольно, а за себя оставил другого.

Но палка всегда бывает о двух концах. Если один конец был по хозяйину, то другой бьет по батраку, которого за его вымогательство и нерадивость из местных жителей и брать никто не стал в работники. А держатели батраков облагаются в большем размере налогами, а во избежание этого стараются вести в малых размерах хозяйство и не нанимать батраков. Вообще крестьянский пролетариат привык рассчитывать на пособие правительства. И здесь бедняки в 1920, 1921, 1922 годах надеялись, что им будет все готово и говорили: «Теперь свобода, что нам заботиться - работать? Нам все будет готовое». И ныне эта надежда существует.

Так, села Тропинского, Далматовского района, Шадринского округа Михаил Стефанович Тропин обратился с просьбой к секретарю областного комитета партии Антропову и в просьбе обрисовывает незавидное положение крестьян и роскошную жизнь городских жителей, которые как советские служащие, по его мнению, получают оклады жалованьем при 6-ти часовом умственном, техническом труде даже 800 рублей в месяц, а крестьянин

162 стр.

работает по 18 часов в сутки. И в заключении просит уравнивать деревню с городом, у городских (рабочих - служащих) убавить жалованья и дать деревне. Характерен ответ товарища Антропова. Он призывает к самостоятельности, к самопомощи. Объясняет общее положение крестьян, рабочих, служащих. И что уравнивать всех сразу невозможно, и что главное: крестьянству можно помочь единственно при помощи организации во всех делах деревенской жизни: сельскохозяйственной, торговой, промышленной и пр. «Шадринская рабоче-крестьянская правда», 1925, №11/.

А организоваться-то крестьяне не могут, и нет на местах умных руководителей. Сверху настаивают, чтобы все организации, кооперации приблизить к деревне, ближе к населению, а

руководители на местах стремятся к централизации. Так, например, в 1923 году было открыто кредитное и сельскохозяйственное товарищество 5 августа и начало развивать свою деятельность: увеличилось число членов, открылся сортировочный пункт. Было открыто 2 завода. Один по выработке масла из конопляного и льняного семени и по выработке масла из коровьего молока. И вдруг в начале 1925 года Китайские руководители Песковское товарищество присоединили к Катайскому товариществу, а на месте оставили отделение под руководством одного члена. А осенью прикрыли и отделение, чем песковцы остались недовольны. А при таком руководстве может ли проявиться среди деревенских жителей, самодеятельности,

163 стр.

самопомощи и стремления к самоорганизованности! А потому и уравнивания - ни земельного, ни трудового, ни экономического, ни правового - нет. Пока уравнивание получалось в пользовании лесом. До переворота лес был в личном распоряжении каждого домохозяина. Средняки и зажиточные свой лес берегли и на свои нужды - отопление, стройку и прочая, - покупали на стороне. А бедняки свой лес продавали на деньги, проедали, пропивали, и ко времени переворота совсем леса на своих пашнях не было. А когда еще был объявлен государственной собственностью, то бедняки стали рубить его где попало, тем более, что надзора за рубкой леса не было.

Много страдают песковцы помимо правового отношения к батракам и от местной партийной ячейки при определении урожайности на своих пашнях. Сколько бы местная комиссия старалась по справедливости определить урожайность пашней, партийные всегда стараются урожайность в соседних селах высить по сравнению с урожайностью на песковские приходы.

С 1924 года при новом земельном законе песковские приходы стараются улучшить свое экономическое положение при выходе на отруб и на хутора. В Песковском селе имеется 4 десятка. И вот одни из них, Оверинский, решил образовать Трехозерное самостоятельное сельское общество, отделились

особым углом. Общество будет состоять из 111 членов мужского пола и 113 человек женского пола. Мужчин, имеющих право голоса, - 57, женщин, имеющих право голоса, - 69. В пользование им отмежевали 646 десятин. В том числе: усадебной земли 51 десятину, 64 на 100 человек. Выгона 123 десятины, 36/100. Пахатной 259 десятин, 26/100. Покоса чистого 4 десятины, 68/100. Покоса с кустарниками 86 десятин, 38/100. Леса 16 десятин, кустарника под болотами 4 десятины, 20/100. Озер 3 десятины, улиц 17 десятин, дорог 4 десятины, 80/100. Через 4-5 лет должны перейти на четырехполье. Земля была нарезана в 1925 году. Перемер между собой должны провести в 1926 году под осень.

Из того же десятка 18 домохозяев выходят на хутор, на урочище - таушкайский угол - с названием селения «Новопесковский выселок». Земли всей отведено 247 десятин, 20/100, по 2,5 десятины на едока.

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННЫХ О ПРЕЖНЕЙ СЛУЖБЕ И ПЛЕННЫХ В ПОСЛЕДнюю ВОЙНУ, ЗАПИСАННЫЕ С ИХ СЛОВ

Воспоминания лейб-гвардейца Ивана Михайловича Чистякова, участвовавшего в кампании 1877 года.
Родился в деревне Чусовой Песковского прихода. В старое время эта деревня называлась «Хандринной» от татарина Хандры, который жил до прибытия русских. « В мои молодые годы народу жилось хорошо, всего было довольно, хлебушко родилось хорошо, скота было много. Зажиточные держали по 12-30 голов. В военную службу был принят в первый набор обявительной повинности 1874 года в ноябре месяце и отправлен в Петербург для определения в гвардию. Гвардейцев осматривал и принимал сам Александр Николаевич в Зимнем Дворце, вы-

бирал по лицу и по росту и у каждого принятого сам писал мелом на груди 1, 2, 3, а сзади новобранцев ходил унтер-офицер Бегинский, рослый - 3 аршин и 3 вершков; накланивался над новобранцем и выкликал: 1,2,3, называл полк, а другой записывал. Меня назначили в первую роту Преображенского полка. Рота находилась в казармах у Зимнего Дворца и называлась «Царской». Учили 2 года по 12 часов в сутки, утром военному строю, вечером словесности. Кормили хорошо, дисциплина была строгая, но справедливая.

Против нашей казармы Александр Николаевич выходил каждый день с 9 часов утра на прогулку без конвоя, его сопровождали 2 бульдога. Во время этих прогулок являлись к нему посетители и ждали его около Дворца. Если был военный, то становился во фрунт, фуражку снимал, а прошение держал в руках, из которых и брал государь прошение на колени, шапку снимал. А подходил штатский, то становился на колени, шапку снимал. А жалобу держал на голове. Осенью 1877 года Преображенский полк был командирован на войну и в ноябре месяце прибыл к Горному Дубняку, в командование к Гурко. Полком командовал князь Оболенский, а нашей 1 ротой - Рейтер-2. Первый бой был назначен на 18 ноября под Горным Дубняком. Поздоровался: «Здорово, преображенцы!» И, приблизившись к 1-й роте: «Здорово, моя рота!». Все поздоровались обычным приветом. Сделал парад и обратился со словами: « Наименование лейб-гвардейца не нарушите и воротники не замажьте, чтобы вами Россия гордилась». После смотра обратился к ефрейтору 1-ой роты Стефанову: « Что, остальных много?» - «Никак нет» - « Ну, народ молодой!».

В бой вступили в 1-ом часу утра, и он продолжался до 12 часов дня непрерывно; были взяты: Горный Дубняк, Горный Студень, Калаш.

После штурма опять прибыл Александр Николаевич - он всегда подъезжал к 1-й роте, и я мог слышать его слова. Осмотрев, обошел все поле битвы, видимо, ужаснулся громадной потере людей, подъехал к нашей роте, поздоровался и обратился к Гурко: «Что ты думаешь? Так ли следует делать в рукопашный бой?». Гурко только тянул, а я был в 5 сажнях. По всему полю битвы виднелись громадные кучи мертвых тел русских и

турков. После боя ходил по раненым и награждал Георгиевскими крестами. Подошел к раненому Ладыгину и сказал: «Ладыгин, тебе, поди, обидно, что тебя ранило?» - « Никак нет! Я шестерых кончил, а седьмой меня ранил». — «Молодец!» и дал ему крест. Всем гвардейцам был дан такой наказ: «Если заболит брюхо у неприятеля, то такого не щадить», — то есть, если кто-либо из солдат или командного состава станут прятаться, такого чтобы убивали.

После взятия Горного Дубняка отряд Гурко был командирован на осаду Плевны, где стояли 18 дней. Работали редуты, окопы, жили в походных палатках и голодовали из-за нехватки продовольствия. В декабре месяце 1877 года отряд Гурко и наш полк были отправлены взять Софию, куда шли три дня. Снегу пало много, приходилось переходить речку, покрытую снегом. Некоторые перескакивали, другие переходили по льду — мне ее приходилось перейти по широкому месту. Я вскочил на лед и проступил ногами, дно не мог достать и уперся локтями на леду, а оружие держал в руках, положив его поперек себя на снег. Стал было руками брать за лед, чтобы вылезти из речки, но лед обламывался, но я все же подвигался, держа ружье на леду и болтая ногами по воде, и тухнул. Товарищей никого не было, ушли вперед. Но дальше лед, где снега было тоньше, не стал обламываться, и я успел из воды выбраться, сильно озяб, но, наступая свою часть, скоро согрелся. В 3- верстах от Софии был дан отдых. Наша рота была в резерве. Командир роты Рейтер-2 дал распоряжение достать соломы и дров. Были все голы, питались одной кукурузой. Солдаты бросились на поиск соломы и дров, нашли себе продовольствие. На другой день к 10-ти часам утра подступили к Софии и прямо в бой, продолжавшийся около 10 — ти часов. Турки отступили, и все войска вошли в Софию. После Софии был бой у многих городов, брали Адрианополь, Тополенские высоты и другие и дошли до Сан-Стефано, где стояли 5 месяцев, во все время перемирия. Во все время похода я ни разу не был ранен. Ранило и убивало товарищей с правой и с левой стороны, а я остался цел. За 2 года до призыва я видел замечательный сон: « Находились я в солдатах уже 2 года и был в сражениях много раз. Пули летали мимо меня — жить-жить, и снаряды разрывались, но меня не задевали». А о снарядах и как пули жужжат, я и

понятия не имел. Из Сан-Стефано наш полк отправился на кораблях в сентябре месяце 1878 года и прибыл в Севастополь, а оттуда по железной дороге до Петербурга. Дорогой были наши встречи в городах, и были угощения. По прибытию в Петербург в декабре месяце наша рота опять остановилась в казармах около Зимнего Дворца для охраны.

Был очевидцем покушения на Александра Николаевича при взрыве Зимнего Дворца. Во время взрыва я находился в своих казармах. Тотчас после него в 7 часов вечера в казарму прибыл Владимир Александрович и роту нашу взял с собой к Зимнему Дворцу, и я был тут же. Когда прибыли ко Дворцу, то увидели, что Александр Николаевич ходил с фонарем и осматривал убитых в карауле солдат, причем, сказал: «За что солдаты погибли в мирное время?» С ним был Александр Александрович. Взрыв был под столовой, где предполагался обед для князя болгарского к 6 часам вечера. Князь опоздал прибытием, и обед был отложен на полчаса, и в столовой во время взрыва никого не было. Владимир Александрович только что прибыл ко Дворцу, при нем и взрыв произошел. Сила взрыва настолько была велика, что все стекла Зимнего Дворца были выбиты, но свод дал только трещину благодаря тому, что под сводом находилось пустовавшее пространство, куда газы прежде всего и направлялись.

Был также и очевидцем при покушении Соловьева, которое было на другой день Пасхи. Александр Николаевич утром вышел на обычную прогулку против нашей казармы, где я в это время находился, и вдруг послышался выстрел, моментально выбежали все на улицу к сторожевой будке, из-за которой и стрелял Соловьев. Дал 4 выстрела в то время, как Александр Николаевич проходил между будкой и стеной главного штаба, а городского в будке не было. Караульные прибежали на выстрелы и схватили Соловьева, а Александр Николаевич ушел к Зимнему Дворцу. Соловьева посадили у начальника в арестантскую и караулили до 12 часов вечера. Соловьев был красивый, видный из себя мужчина 30 лет. При казни его я присутствовал, когда ему надели петлю на шею, то он сказал: «Не я, а всё кто-нибудь кончит государя». Со службы вышел домой в начале 1880 года.

В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ

(Записано со слов Ивана Петровича
Антропова, 42-х лет)

Призван в 1902 году в экипаж «Александра III», в порту Ливава. Обучался военной службе 4 месяца. После обучения нас посадили на броненосец «Синявин», где нас было 650 человек. С мая 1903 года обучали матросской службе при плавании в Балтийском море. Кормили хорошо, жалование платили по 3 рубля, 33 копейки в месяц. Занятия продолжались по 12 часов в сутки. Дисциплина была хорошая, начальство относилось к нам уважительно. Командиром был Мордовский, старшим офицером — Полошибный, ротным — Ричковский.

Береговое плавание длилось 4 месяца. Осенью 1904 года эскадрой Рождественского отправились к Японии. Плыли 7 месяцев. Нагрузка припасами во все время плавания производилась в море.

Прибыли к Японии 14 мая 1905 года и с 10 часов утра вступили в бой с японским флотом. Бой был до вечера. Японцы во время боя потопили наши корабли: «Ослябя», «Аврора», «Князь Суворов». На «Синявине» повреждений не было.

В темноте японцами была произведена минная атака, погибли «Наварин», «Орел», тогда же Рождественский был ранен и попал в плен на миноносце «Буйный». Командование было передано Небогатову, который, приняв его, 15 мая вечером дал сигнал потопить корабли «Синявин», «Ушаков», «Николай» и другие.

Открыты кингстоны, а команды спастись не было. Японцы подняли сигнал к потоплению кораблей и со своей стороны предупредили русских, чтобы они сдавались в плен с кораблями, а, если их потопят, то они не станут спасать команду. Кингстоны были закрыты, но команда уже бросилась спасаться, кто с чем мог.

Я бросился в море с доской. Меня скоро японцы переняли и других, всего около 200 человек. Привезли в Нагасаки и посадили в угольный сарай, где мы жили 10 суток, спали на полу, на

соломе, выдавали по 1/4 фунта рыбы в день, и больше ничего не было. Был строгий караул. Потом перевезли в какой-то город, где мы пробыли 10 суток на полной свободе. Нас не карали, где мы пробыли 10 суток на полной свободе. Нас не карали, где мы пробыли 10 суток на полной свободе. Нас не карали, где мы пробыли 10 суток на полной свободе. Улили и ничего не давали. Кормились тем, кто что смог достать.

После этого перевели в г. Камамот, где было струпшировано до 7000 пленных. Помещались в бараках, где прожили 8 месяцев. Выдали всем одежду: рубашки, подштанники, ботинки и жалования по 50 копеек. Пропитание состояло: 1/2 фунта хлеба, суп 3 раза в день из конины или свинины, или рыбы, или рисовая каша — попеременно. Чего сколько хочешь. Сахарного песку по ложке в день.

Держали нас чисто. Кто желал, мог каждый день мыться в теплой ванне, где и белье мыли. Вшей не было.

Живя в бараках, ничего не работали, развлекались картами, устраивали спектакли. Охрана была строгая, но никого ни за что не наказывали и никуда не отпускали. Я в течение 8 месяцев плена был 2 раза в городе с конвойными. Больных было мало, а кто заболел, отправляли в лазарет, где лечили хорошо. Два раза Александра Федоровна (императрица) высылали по 3 рубля каждому пленнику. На эти деньги пировали.

Были неудовольствия у пленных из-за хлеба. Сначала выдавали с отрубями хлеб пшеничный из просеянной муки, потом стали выдавать с отрубями. Некоторых из начальства русские поколотили, и хлеб стали выдавать хороший. За это никого не наказали.

Ходил к нам православный священник один раз в неделю по вторникам, служил литургию в походном бараке умерших священников. Рождество ходил с крестом по всем баракам. Умерших священник сопровождал из барака до кладбища без всякого от нас приглашения.

В 1906 году в феврале месяце нас выпустили из плена и отправили по железной дороге в Нагасаки, где посадили на свои корабли и отправили во Владивосток. Здесь всем выдали за 8 месяцев жалование, каждому по его ставке. Я получил 250 рублей. Ехали 24 суток до станции Шумиха. На продовольствия в пути выдавали по 50 копеек в день».

174 стр.

В ПЛЕНУ У ГЕРМАНЦЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИСТЯКОВА, 30-ти лет, ЗАПИСАННЫЕ С ЕГО СЛОВ

«Был мобилизован до срока - в феврале месяце 1915 года. Военному строю обучался месяц и был назначен в 335 Анапский полк, стоящий на фронте у Августовских лесов, и в мае месяце попал прямо в бой, продолжавшийся сутки и кончившийся безрезультатно. Командиром полка был Дриер, и роты — Российский, человек стойкий, с солдатами обращался хорошо, заботился об них и в бой шел впереди. Бывали ротные командиры, что в сражении бросали свою роту. После боя остались на своем месте в окопах для наблюдения, чтобы неприятель не прорвался. Перестройка велась постоянно; между нами и неприятелем было расстояние 30 сажень. Стояли долго. Солдаты были изнурены, многие болели цингой. В начале августа полк отступил к местечку Ораны, где окопались, голодовали, стояли 1, 5 суток и в половине августа прошли мимо Вильно, и остановились у местечка Сморгонь. Отступление это было общее по всему германскому и австрийскому фронту на протяжении 3000 верст. Вследствие продолжительного беспрерывного боя при отступлении настроение войска упало, солдаты были оборваны, истощены, недоверие в измене. В подтверждение измены указывали на следующую обстоятельство: от местечка Ораны отступали по линии Виленской железной дороги, и видимо было, как на станциях находились целые поезда с припасами, и с нами они не отступали к местечку Новобогдановка. Остановились в одиночных окопах и вступили в бой. Был дан приказ задерживать неприятеля. Держались до 10 сентября с 4 часов вечера до заката солнца. В этом бою я был ранен пулей навывлет от позвоночника

175 стр.

у шеи в правое плечо. наших две роты - 9-ую и 10-ую -

немцы окружили и взяли в плен, заняли Новобогданы, и нас раненых, стали подбирать. Когда я был только что ранен, то ружье у меня выпало из рук, сам же был в сознании, и на меня бежали 2 немца, и один хотел меня ткнуть штыком в живот, а другой удержал. Я лишился чувств, а когда пришел в сознание, то увидел, что нахожусь в яме у свороченного дерева, где немцы делали мне перевязку. Раненых нас было 12 человек, а здоровых 200 человек. Какая участь постигла здоровых, где известно, а нас, раненых, отправили в Виленский лазарет, где мы пробыли 1 месяц, а после этого нас отправили в Западную Пруссию, в лазарет, в котором я находился 6 месяцев. Уход за больными был хороший, но пища скудная.

Из госпиталя я, как слабосильный попал на хутор Густава Циммермана в Восточной Пруссии около гор Культы в деревне Эн Коленкин. Циммерман занимался земледелием, имел от дельный хутор. И семьи у него было: старуха — мать, 75 лет, жена, четверо детей - полтора года, 5 лет, 8 лет, 11 лет - и сестра жены, 28 лет. Собственной земли было 7 десятин, рабочих лошадей 2, дойных коров 4 и телки, 2 козы, 20 свиней. Я был у них 1 работник, хозяйством руководила жена, муж был на войне. Поступил на таких условиях: плата мне 1-2 копейки в сутки на наши деньги, одежда казенная, за что хозяева платили в казну по 1-2 коп. в день. Занимал отдельную комнату в квадратный сажень с одним окном, имел кровать с хозяйскими посылками. Белье стирали и опочинивали хозяйками. В 9-10 часов. Кормили хорошо, за одним столом с хозяйками. В 4 ч. 30 мин. утра завтрак, состоящий из кофе с хлебом, и к нему (попеременно) масло, сало, мармелад, колбаса, сколько хочешь. В 9 часов 2-й завтрак — кофе с хлебом и прочим, но определенной порцией. В 13 часов порция супа с мясом, но без хлеба, в 4 часа вечера хлеб с маслом (порция), в 8 часов — ужин.

176 стр.

Спать ложились в 9 часов. Вставали в 6 часов. Порядок работ бочего дня: культурный уход за лошадьми и полевые работы до обеда. Отдых 2 часа. С обеда и до ночи полевые работы. Огородничество начиналось с апреля месяца. Сажали: картофель, горох, са-

лат, шпинат, пастернак, петрушка, редиска, капуста, огурцы, тыква, фасоль, бобы и прочая. И затем посадка корнеплодов: свеклы, турнепса, брюквы. Огородничество и корнеплоды занимали 3 десятины. Картофеля получалось 4000-5000 пудов, других корнеплодов 2000-2500 пудов, хлеба 300 пудов, сена 500 пудов. Для скота сеяли зеленый корм. Корнеплоды хранились в ямах, засыпались зимой землей. Картофель кормили свиньям, а корнеплоды — коровам, и доставало их до зеленого корма. Лошадям все время кормили мешанкой из соломы. С Петрова дня коров и свиней кормили листом от корнеплодов. Все работы производились при помощи меня и двух женщин — хозяйки и сестры ее. Хлеб убирали руками, я косил, женщины вязали. Для молотбы хutorяне один другому помогали, собираясь артели. Для удобрения пашни и огородов применялся навоз, которого при домашнем кормлении скота было много, уваживали по 2 десятины в лето. В работе пособляли женщины: одна пособляла накладывать, а другая разбрасывала в поле, а я вывозил и в капитал. Поддесятины у них находилось под фруктовым садом. Продавали в год 8 свиней, соленого коровьего масла 5-6 пудов, фруктов до 20 пудов, всю пшеницу и часть картофеля. Все это сдавалось государству. Много продавалось и тайком. В деревнях жизнь была образцовая, культурная, сытая. В городах чувствовался недостаток в продовольствии, выдавали по

177 стр.

определенным нормам. Обращение хозяев со мной было вежливое, деликатное. Первоначально немцы были предубеждены против русских, что это народ дикий, необразованный, и хозяева меня боялись, ночью затворялись от меня в своих комнатах. Но когда присмотрелись ко мне, стали доверчивы, обращались со мной как с близким родным человеком. Выезд из Германии был неожиданным вследствие возникшей у них революции. При отъезде хозяева снабдили меня продуктами питания на всю дорогу, дали денег. Отбыла из Германии 9 сентября 1918 года, домой прибыл 3 февраля 1919 года. От войны осталось тяжелое впечатление, а от плена хорошее, радостное, там я многому научился по земледелию».

УЧАСТИЕ В ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА АНТРОПОВА

«Был мобилизован 38 лет в феврале месяце 1904 года. Назначили в 8 Томский полк, в 3 роту. Полк стоял в Томске, где нас и обучали военному строю. Командиром полка был Тальянский, а батальонным и ротным командиром Черкасов. Тальянский солдатам батальонным и ротным командиром Черкасов был придиричивый, пьндат берег, заботился об них, а Черкасов был придиричивый, пьнствовавал, взыскивал с солдат без причины, ставил их часто под ружье. Полуротным был Киселев, человек хороший. Из Томска полк отправили в Лаоян на Долинский перевал для охраны железнодорожной дороги. С охраны железной дороги полк перевели в Хайчен, где простояли недолго, а затем передвинули на станцию Тачаву в 25 верстах от Порт-Артура. С гор были видны корабли на море. Здесь образовали сторожевую цепь на гребне горы.

178 стр.

На другой день японцы начали обстреливать нас, почему мы скрылись за гребень горы, а наш командир на выходе солнца взошел на гребень и стал наблюдать за неприятелем, сидя на земле, и пробыл до 12 часов дня. Около него разрывались снаряды, летали пули. Ко гребню стали подступать японцы, и мы начали с ними перестреливаться. Орудия же наши стояли дально, потому молчали. Японцы не видели и стали обходить, почему за нами, неприятеля не видели и стали обходить, почему подошли к нашему гребню за 50 сажень и стали обходить, почему командир приказал делать отступление. Мы рассыпались по гаолану, в котором нас было не видно, а японцы взошли на гребень, наши стали их обстреливать орудийным огнем и помогли нашему отступлению. Японцы продолжали нас обстреливать и натолкнулись на барнаульский полк и на наш разделенный. Барнаульцы били их в упор, а мы с флангов и принудили отойти. При этом бое наших потерь было 60 человек, а японцев до 100. На другой день продолжали отступление до Хайчена, где стояли месяц, отдыхали. После отдыха опять вступили в бой с японцами, наступавшими целыми колоннами, а наших было 4 полка, и бились с ними 3 дня. Пришлось отступить к Лаояну, где было основное укрепление, стояли месяц, и боев не было. В Лаояне

наш перевели внутрь страны (название местечка забыл) и поместили одних солдат до 1000 человек в пустые казармы, жили не долго, кормили хорошо, караул был строгий, никуда не отпускали и никого не наказывали. Затем всю партию разбили на партии в 80-100 человек. В одной из наших партий находились общественники: я, Терентий Иванович Антропов и Алексей Филиппович Балин. И нашу партию отправили в тыл австрийской военной позиции для работы укреплений. Жили у частных жителей в домах, кормили плохо, работа

182 стр.

была тяжелая. Стояли долго. Потом перевели на рубку леса в другое место, жили в сараях, бедствовали, голодовали страшно, ели конскую падаль и брошенную тухлую рыбу. От еды падали, страдали поносом. Жили 6 месяцев. Когда стало теплее, то рвали в лесу цветы и варили с супом. До того отоцали, что не могли работать и объявили забастовку. Немцы угрожали расстрелом, но нам все равно было пропадать: или от расстрела, или от голодовки, и мы настаивали в своем. Тогда они вытребовали комиссию медицинскую, которая признала нас негодными к работе, и всю нашу партию распределили на земледельческие работы. В числе десяти человек я попал к помещику, где прожил год. Кормили хорошо, жили в бараках, работали с восхода солнца до заката. Из Австрии выбыл в октябре 1917 года. Домой прибыл 9 января 1918 года. Участвовал в 3 наступлениях (кроме незначительных перестрелок) и одной штыковой атаке, но ранен не был. Каждый раз при вступлении в бой обуреваемый страхом, волосы на голове становились дыбом. Пробыл на войне в плену более 3 лет. А ради чего это все было?!»

183 стр.

В ПЛЕНУ У ГЕРМАНЦЕВ. РАССКАЗ ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА БАЛИНА

«Меня мобилизовали на войну 20-тилетнего, в 1915 году. К

15 июня я был уже отправлен в Шадринск, а из него в город Бузулук, где в запасном батальоне обучался военной службе 1 месяц. Затем был назначен в 87 полк, в 15 роту. Это совпало со вступлением 24 августа 1915 года в Гродно на фронт. Это совпало со вступлением всеобщего наступления по всему австрийскому и германскому фронту. Не заходя в Гродно, полк прошел далее за манскому фронту. Не заходя в Гродно, полк прошел в поле, где 18-20 верст и был остановлен на подмогу войскам в поле, где окопался, ночевал, а утром пришел приказ отступить обратно. Мы прошли Гродно и в 70 верстах окопались, ночевали, а утром на другой день наши окопы стали обстреливать германцы. Всего тут было наших 4 полка.

Отстреливались до вечера, расстреляли все патроны, и нас (15 рот) обошли и взяли в плен. Это произошло 4-го сентября 1915 года. В обоих ротах нас было 100 человек. Со мной был Федор Иванович Негунаев, Василий Петрович Боженков, из деревни Чусовой Федор Березин. С места боя отправлен проволокой. Жили в бараках города Гермештель. Лагерь был окружен проволокой, каждому по 0,5 фунта хлеба и раз в сутки ничего не делали. Выдавали по 0,5 фунта хлеба и раз в сутки суп из брюквы с картофелем. Делали всем прививки, каждому по 6 уколов. Страшно тяготились голодовкой. Все только и думали о том, чтобы чего-нибудь поесть. И во сне видели

184 стр.

постоянно, что покупаем или воруем хлеб. Ели желуди, в помойных ямах — картофельную шелуху, рыбы головки. Бросались толпами, когда видели, что в нее бросали караульные помой, не боясь угрозы винтовки. В лагере пробыли 2 недели. Затем нас шестого числа 30 человек отделили в особую артель, в том числе меня и наших песковцев, дали каждому по 1/2 фунта хлеба и по 1/4 фунта сала, посадили в вагон и повезли, неизвестно куда. С этой провизией мы ехали 4 суток, и нам ничего не давали, должно быть, и забыли. Просили маяками у караульных, нас сопровождающих, но они нам отвечали тоже маяками (поддевали руками живот), что сами голодны.

Сначала, как поехали, то все было весело, надеялись, что нас определят на частные работы. А в последнюю, четвертую, ночь все приготовились к смерти, думали, что нас хотят заморить

голодом, простились друг с другом и улеглись спать. А нас все везли. Перед утром проснулись, когда поезд остановился. К нашему телячьему вагону подошел русский пленный, привезший на станцию своего помещика, у которого жил в работниках. Мы попросили его узнать: дальше ли нас повезут или оставят на месте. Узнавши, он сказал, что здесь нас высадут. Станция эта называлась Шуарали, находилась в 30 верстах от границы русской, где нас оставили для ремонта железной дороги, разрушенной русскими. Я прожил на этом ремонте 3 года и 3 месяца. Первоначально мы жили в деревне у крестьян, в 100 саженях от дороги, и со временем

185 стр.

перевели нас на самую станцию в кирпичное здание с решетками, где нас на ночь затворяли. Выдали нам на все время 1/2 фунта хлеба и на суп 3 фунта картофеля, 6 золотников крупы, 3 золотника мяса каждому. Все это варили в общем котле. Выдавали белье, обувь — деревянные «клинпы» — вроде ботинок, матрац, одеяло. Одежды меняли 2 раза в месяц. Проводили дезинфекцию. Каждое воскресенье мылись в ванне, устроенной в вагоне. Держали строго, но не жестоко. Исправляли железнодорожный путь на 50-тиверстном расстоянии.

Летом работали в сутки 12 часов с отдыхом, а зимой 8 часов. Я научился плести корзинки по праздникам из ивы, и другие тоже, и выменивал их на хлеб и картофель.

В 1917 году в июне нас 6 человек (3 русских и 3 поляков) собрались бежать к своим. Мы разузнали, что старая граница близко, но фронт русских отделился за 200 верст. Приготовили себе сухарей, а один из наших товарищей, слесарь, сработал ключ, которым отворили камеру, а для отвода глаз отворотили у окна железную решетку и темной ночью вышли из камеры и направились в лес. Разделились на две партии — поляки и русские — и направились в разные стороны. Мы, трое, дошли до реки Шушуна, переночевали, сделали плот из досок, взятых в окопах и стали переплывать на нем через реку по одному, и плот переводили с той стороны веревкой обратно. На том берегу нас двоих и поймали немецкая сторона, а третий товарищ укрылся».

186 стр.

В ПЛЕНУ У АВСТРИЙЦЕВ. РАССКАЗ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЧИСТЯКОВА ИЗ д. ЧУСОВОЙ

«Был мобилизован 1914 года, в октябре и назначен в Пашинский полк в 4 роту. Обучался в Казани военному строю 3 месяца. Из Казани отправили в Варшаву. В 1915 году полк перевели на немецкий фронт перед Пасхой, под Красньш, где постояли 18 дней без боя, а потом перевели на отдых около Красньша в 5-ти верстах.

В мае месяце 1915 года перевели на австрийский фронт под Ярославом, и 31 мая вступили в бой со всем корпусом с австрийцами. Вели бой с трех часов дня до 12 часов ночи. Австрийцы левый и правый фланги прорвали, а нас в центре обошла и нашу роту взяли в плен, и увели в проволочные заграждения на 14 суток, выдавали по 1/4 фунта хлеба. Сидели, лежали под открытым небом.

Мнение солдат было такое, что в этом случае была измена. И австрийские солдаты это подтверждали. «Мы, — говорили они, — вас еще вчера ждали». Промаявшись во многих лагерях, я в 1916 году попал на вольную работу в Венгрии к крестьянину Василию Григорьевичу Меньшикову. Его дома не было, осталась хозяйка с двумя детьми. Пособляя ей работать по хозяйству, прожил 2,5 года. Кормили хорошо, каждый день винограда, жалованья 5 копеек в день, и хозяйка платила осободил вино. В Россию попал в 1918 году, где был переворот. Нас всех уговоривали поступить к красным, мы не согласились, и нас не стали кормить. Пришлось жить у своих же крестьян на работах, и выжили 8 месяцев. Домой прибыл в 1919 году».

188 стр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может быть, меня укорят за то, что я как духовное лицо при обсуждении экономического положения бедняков, обви-

няю их в нетрезвости, лености, нежелании трудиться, а сам живу трудом других.

На это я скажу, что в течение 74-хлетней жизни в разных местах изучил жизнь бедняков как среди крестьян, так и среди рабочих. Преобладающий в них недостаток - это невоздержанность от вина как наследственная передача от родителей - алкоголиков, вследствие чего у них бывают периодические запои, перед которыми они не могут удержаться. Нет у них энергии, сила воли ослаблена, и они тянутся к вину, как к единственной утешке, к единственному утешению, и у них нет желания трудиться и вместо водки находить в труде удовольствие. А если нет водки, они много курят, чтобы возбудить свой организм. У них это как бы мания — думать о водке, табакокурении и чтобы ничего не делать.

189 стр.

Знаю одного крестьянина (теперь он умерший) - здорового, молодого в течение 23 лет. До того он изменился, что ничего не делал, кроме рубки дров для себя. Всем хозяйством правит жена, которая и ругала, и била его за это.

Был у них старенький дом безо всякого присмотра и одна корова. Нет у него хлеба, пойдет по домам, соберет и сыт. И собирает целый год. Иногда нанимали его на поденщину, он придет к хозяину на работу, пообедаст, а потом уйдет домой. Дров никогда не запасал, разве-разве когда выпросит у кого лошадь и привезет сушняк. В поскотине валежнику было много, чтобы он не пакостил. А как он наживал дрова? Зимой и летом, ночью или рано утром ходил по чужим изгородям и таскал жерди, и рубил их на дрова. Общественники смотрели на это как-то равнодушно, снисходительно, считали его как бы за шуту, если и поговорят, то он отделяется от них смехом. Благо, что лесу было у всех вдоволь. А много было таких тунецыдцев и профессиональных нищих!

Я сам сын алкоголика, но к вину не был пристрастен во всю жизнь, и в этом меня винить нельзя.

На службе церковной я всю жизнь пробыл в качестве низшего члена причта

190 стр.

и получал в год 300-380 рублей, а для положения на содержание с 1874 года начал заниматься переплетом книг. И когда жил в городе, зарабатывал 400-800 рублей в год, а в селе 150-200 рублей. И каждодневно работал 12-14 часов в сутки, и благодаря этому мог дать детям приличное образование. Следовательно, 50 лет я принадлежу к классу трудящихся и смею иметь свое мнение о бедноте.

Проживая в селе Черный Яр Пермской губернии в течение 23 лет, я занимался и сельским хозяйством в малых размерах, лично работал.

Первое. Пользуясь церковной землей, расчистил личным трудом 2 покоса от мелкого леса — кустарника, сравнял все кочки, осушил болота - все в размере 2 десятин, и теперь этими покосами пользуются общественники.

Второе. Село Черный Яр разделял овраг, образовавшийся от разлива вешней и дождевой воды. Общественники каждый день дороги, привелось бы делать мост. Общественники неумело и не летом заваливали этот овраг чащей, но работали в длину и ширину и начал размывать берег реки Сылвы (с коми-пермяцкого языка « талая вода»), что опять угрожало уничтожению огорода. С разрешения общественников и ввиду того, что начало от реки и оврага размывать огород, принадлежащий мне как члену причта, я взялся на свои средства и личным трудом укрепить овраг и берег реки Сылвы. Сначала загородил этот овраг, присоединил его к своему огороду, стал от реки делать невысокий забой и заваливать его чащей. И таким способом поднял его на 3-4 сажени, сравнял с дорогой и засадил овраг ивой, и вырос на месте как бы сад, способствующий укреплению оврага. Так же сделал забой от реки Сылвы. Эту работу я начал с 1907 года

191 стр.

и кончил в 5-6 лет. В благодарность общественники как овраг, так и огород по приговору отдали мне в пожизненное пользование.

Третье. Способствовал развитию траволечения: клевера, тимофеевки, костра, кормовой репы, сначала в малых размерах.

На собственные средства купил куколеотборник, 2 сита и ветрогон. За ракета держал его 4 года и в течение этих лет очистил не меньше 30000-35000 пудов пшеницы, а также немало клевера, тимофеевки, ленного семени. При помощи различных сит мелкие семена клевера, тимофеевки, льна так чисто отделился, что не было ни одного сорного семечка. И как раз клевер был поставлен крестьянами из соседней деревни и другой зерноочистительный пункт. А я свои машины продал хозяину, у которого жил на квартире, и они сейчас живы.

Пятое. В 1908 году выпросил у общественников 2 десятины пашни, заросшей вересовником. Они дали мне его по приговору на 8 лет. Очистил пашню от вересовника, загородил и устроил опытное поле с применением искусственного удобрения и посева улучшенными семенами. Сеял пшеницу, рожь, овес, ячмень, клевер и другое. Зерно получилось крупное. Я давал немногим и понемногу на семена. Все работы производил на свои средства. Никто ни в чем мне не помогал. На другой срок общественники мне эту пашню не дали, говоря, что место надо для поскотинны. Действительно, на опытном поле оказался хороший подножный корм после посева тимофеевки, костра, клевера.

Шестое. И в 1910 году расположил черныярцев устроить толоконный маслодельный завод. Согласились открыть завод 26 человек. Открыли артель, собрали по 25 копеек с человека на гербовые и почтовые расходы. Я занимался в кредитном товариществе, помог артели получить из товарищества 500 рублей ссуды на 3 года. Выписали от Альбера Лаваль сепаратор и все принадлежности

192 стр.

в кредит. Постройкой завода и маслодельным производством руководил техник маслоделия и сыроварения от Пермскогубернского земства Петров. Через год перешли на сыроварение. Сыр в продажу пошел ходко. От выделки масла молоко отходило для выдачи на руки 40-50 коп за пуд, а при сыроварении по 1 рублю за пуд молока. Число членов увеличилось значительно. Через 2-3 года почти все общественники были членами артели.

Стали заводить молочных коров, строить теплые помещения для коров, завели одного артельного породистого производителя. Был послан губернским земством инструктор для наблюдения за кормлением скота по нормам и учету удоев.

Смотря на Черноярскую артель, стали открывать сыроваренные артели и в других деревнях волости, и в соседних волостях. Каждая новая артель первоначально приглашала меня на собрание для разъяснения дела, для написания устава, договора, просьбы на получение кредита и т.п.

По постройке заводов и обучению сыроварения непосредственное участие принимал техник Петров. И в течение 5-6 лет после укрепления на крепком фундаменте Черноярской артели, ко времени моего отбытия из Черного Яра в 1919 году, осталось 13 организованных сыроваренных артелей /Когда я прибыл в Пески, то местный Исполком обратился к Черноярскому исполкому за справкой удостоверения моей личности. Смотри этот ответ на 18 стр. летописи/.

И когда я прибыл в Пески, то предлагал тому, другому, третьему домохозяину заняться сыроварением, но для них был мой совет, как горох к стене. Да и как они могли согласиться на сыроварение, когда они не имели понятия о травосеянии, о посадке корнеплодов? Заговорили они

193 стр.

о корнеплодах тогда, когда прибыли из Германии и Австрии все пленные.

И здесь я начал книги переплетать, коробки делать для спиц, чек, под очки, под бритвы, под соль, сахар, чай и прочая, а летом плету корзинки и работаю в сутки 10-12 часов. Это все известно. А на моих глазах иные бедняки все дни шляются без дела. Следовательно, как трудовой человек я могу судить бедняков - не трудящихся.

Между тем, меня как нетрудового члена правления Песковской потребительской лавки не принимают в число членов. Дьякон Евгений Дмитриевич Золотов. 1926 год.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как создавалась книга Евгения Золотова «Песковская летопись»? Роль В.П.Бирюкова в ее творческой истории.
2. Над чем заставляет задуматься рукописная книга Е.Золотова?
3. Какими человеческими качествами обладал автор книги? Какой личностью предстает Золотов после прочтения его писем, книги?
4. Отношение автора к истории, обычаям и нравам песковцев.
5. Что нового вы узнали об истории края?
6. Бытование каких фольклорных жанров зафиксировано рукописью?
7. Свадьба в записи Е.Д.Золотова как уникальный вариант.
8. Отражение в речи и действиях дружки сакральных функций охранителя обряда и развлекателя.
9. Драматургия Песковской свадьбы. Отражение в ней обряда совершеннолетия «русской девицы» (Д.К.Зеленин).
10. Основные этапы свадьбы. Есть ли повторение отдельных моментов?
11. «Своя сторона» и «чужая сторона» в корильных песнях.
12. Отражение в приговорах дружки новой лексики как свидетельства развития обряда.
13. Свообразие песен обряда косокрашения. Сопоставьте их с песнями этого же обряда в записи В.Н.Бекетовой (Шадринский район).
14. Особенности записи заговоров.
15. Место преданий в рукописи. С какими целями обращается собиратель к ним?
16. Роль пословиц.
17. Обращение к традиционному сюжету фольклорной прозы о слепых - форма отражения социальных перемен в обществе.
18. Особенности сюжетики устных рассказов солдат. Какие приемы фольклористической работы Е.Д.Золотова проявились в записывании устных рассказов?
19. Мифологический подтекст сюжета о продаже себя в солдаты.
20. Ремесла и промыслы в Песках.
21. Концепция человека и «строительство жизни».
22. Место семьи, школы, книги в становлении человека.
23. Что вы приняли и что не приняли в позиции Е.Д.Золотова?
24. В чем злободневность книги гуманиста-краеведа Е.Д.Золотова?

ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРА В ПЕРЕПИСКЕ В.П.БИРЮКОВА И Е.Д.ЗОЛОТОВА (1924 — 1931гг)

Рукописная книга Е.Д.Золотова, датированная 1926 годом и найденная в Государственном Архиве в городе Шадринске, представляет собой летопись села Песковского Катайского района Курганской области.

Е.Д.Золотов — сын дьячка, родился 18.01.1852 года в селе Степановском Осинского уезда Пермской губернии. Обучался в Пермской семинарии, выбыл из первого класса, поступил на должность псаломщика и служил на таковой 34 года. В 1920 году в феврале месяце поступил псаломщиком в Песковскую церковь /1/. Последние годы жизни провел в селе Черный Яр Пермской области.

Известно также, что у Е.Д.Золотова была семья, дети. Ради их благополучия он и работал всю жизнь. Е.Д.Золотов занимался воспитанием своих детей, заботился об их образовании. В рукописи он пишет: «Каждодневно работал 12-14 часов в сутки и благодаря этому смог дать детям приличное образование» /1/. Это практически все сведения, которые были известны нам о Золотове до недавнего времени. Неизвестным оставалось следующее: как сложилась дальнейшая судьба этого человека, как появилась рукопись в Государственном архиве в городе Шадринске, знакомы ли были В.П.Бирюков и Е.Д.Золотов, где мог видеть рукописную книгу Золотова М.Китайник, назвавший ее среди других источников «Библиографии, уральского фольклора».

Некоторые ответы на эти вопросы дала переписка В.П.Бирюкова с Е.Д.Золотовым, которая завязалась в 1924 году. Этот волнующий эпистолярный диалог длился семь лет. Он имел большое значение для обоих ученых. Оригиналы писем хранятся в Государственном Архиве Свердловской области (ГАСО), фонд р. 2266, опись 1. В архиве хранятся на 24 листах письма Золотова и на 9 листах письма Бирюкова. В письмах слышатся голоса живых людей 20-х годов прошлого столетия. Данное эпистолярное наследие дает возможность приблизиться к заботам и тревогам наших предшественников.

В письмах В.П.Бирюкова и Е.Д.Золотова сохранены все особенности авторского стиля и авторская пунктуация. Сокраще-

но. В предисловии Вы говорите, что жили в разных уездах, в том числе и в Камышловском. Но в нем — то Вы жили самый пустяк, и все Ваши наблюдения относятся к старым временам, когда Вы жили в Предуралье. Между тем не только Зауралье отличается от Предуралья, но и одна волость, даже одна деревня от другой. Ввиду этого Ваша новая работа будет только тогда иметь строго научное значение, когда во всех случаях будут указаны названия селений, уездов, а равно, где нужно, и собственные имена. Мне мыслится такой путь продвижений Вашей рукописи. Я смогу показать ее Областному Бюро Краеведения, которое, несомненно, подтвердит все сказанное мною, порекомендовав насытить весь материал соответствующими вставками. Если же вообще материал бюро понравится, и оно вознамерится сделать его продвижение, то лишь при условии, что, во-первых, Вы сделаете соответствующие дополнения, во-вторых, редакцию всего материала редакция поручит кому-либо из своих членов, может быть, мне. А при редактировании придется пользоваться вставками, переписать рукопись на второй ряд и на одной стороне листа. По выполнении такой работы она, я хотел бы верить, будет принята к печати даже отдельной книжкой, так как материал очень интересен.

Но первое условие — надо привязать сообщаемые факты к строго географическим пунктам и соответствующим датам. Хорошо было бы, если бы у Вас остался второй экземпляр, руководясь которым и ссылаясь на соответствующие страницы, Вы сделали бы дополнения на отдельных листиках и уже эти одни дополнения и поправки послали бы мне» /2, 5/.

Таким образом, уже в первых письмах названы темы, которые получили широкое освещение в «Песковской летописи». Обращает на себя внимание тема, связанная с проблемой фольклорного рассказа. В.П.Бирюков считал устный народный рассказ фольклорным жанром. Вероятно, эта теоретическая проблема волновала самого В.П.Бирюкова. В лице Золотова он увидел трудолюбивого человека, который способен найти интересный материал, записать рассказы, тем самым создать источниковедческую базу для теоретического построения. Этот вопрос оказался злободневным. Он обсуждался на страницах периодических изданий, специальных трудов по фольклористике, в письмах Д.Бедного В.П.Бирюкову /3, 81/. В устных рассказах В.П.Бирюков видел возможность познать зауралья и край за Каменным Поясом.

В.П. Бирюков способствовал публикации рукописей Золотова в крае. В письме от 30.12.1930 года он высылает Золотову копию письма в Областное Бюро краеведения: «Уральскому Областному Бюро Краеведения. На днях со мной возобновил переписку историк г. Кунгура, бывший учитель и кооператор, Евгений Дмитриевич Золотов, теперь очень почтенный старец, живущий в селе Черный Яр около станции Кишерть. В данное время Евгений Дмитриевич занимается переплетом книг и плетением корзин, чем и существует, но свободное от этих занятий время уделяет писанию своих воспоминаний и наблюдений, причем нередко обращается за краеведческими темами ко мне. Между тем имеет большую рукопись «Старый быт деревни Пермской губернии» (воспоминания с 1862 года) и «Воспоминания, как пермские крестьяне использовали сибирский тракт до открытия железной дороги». Думаю, что некоторые краеведения Евгения Дмитриевича подошли бы для «Уральского краеведения», в виду чего я прошу автора послать работы мне на свердловский адрес.

Евгений Дмитриевич — краевед старый, краевед-одиночка, но с очень развитой общественной жилкой. Хорошо бы ему послать последнее издание ЦКБ об установках советского краеведения и «Четвертую областную краевую конференцию», думаю, что Евгений Дмитриевич воспользуется указаниями этих материалов и организует у себя краеведческий кружок, — надо посылать и устав кружка. Адресовать: ст.Кишерть, Пермская железная дорога, с.Черный Яр, Евгению Дмитриевичу Золотову.

Не откажите исполнить мою просьбу в возможно непродолжительном времени. Член УОБК (В.Бирюков) 31.12.1930г.» /2, 6/. Разумеется, письма не предназначались для печати, их передал в архив Владимир Павлович Бирюков. Личностный характер писем дает возможность почувствовать разницу натур двух краеведов и фольклористов.

Золотов — очень скромный, не очень уверенный в себе, фольклорист-одиночка. Евгений Дмитриевич, еще не зная о Владимире Павловиче Бирюкове и его творчестве, стал записывать собственные воспоминания о детстве, о жизни крестьян в тех селениях, в которых ему довелось жить и работать. Он продолжил традиции А.Н.Зырянова, Флоринских, И.Я.Кокосова. А когда В.П.Бирюков стал известным ученым, Е.Д. Золотов начал отдавать материалы ему на хранение, потому что у Бирюкова В.П.,

человека общественного, в те непростые годы было больше возможностей, чем у священнослужителя. Дьякон Золотов неоднократно обращался к «многоуважаемому» Владимиру Павловичу с просьбой пересмотреть присланные Золотовым работы, отобрать их по мере необходимости для науки, по возможности напечатать или оставить на хранение в Научном Хранилище, так как записи эти «могут иметь в дальнейшем большую ценность».

Уважительный, деловой тон обращений в письмах сохранился до конца их переписки (1931). Однако существует одно письмо Золотова Бирюкову, в котором дьякон доверяет ученому свои сокровенные мысли, жалуется на свое состояние души. Это говорит о том, что со временем он стал доверять Владимиру Павловичу не только свои работы, но и собственные чувства и переживания как близкому другу, который способен понять другого и поддержать в трудную минуту. В письме раскрываются размышления о «привычке к труду благородной», о радости свободного труда:

«1931 февраля, 8-21. Великая скорбь по утрате возможности трудиться. Субъективные чувства и переживания старика 80 лет.

Когда был в силах, не думал, что в преклонных годах так можно скорбеть, утративши возможность что-либо делать, трудиться, чем заполнить время. Старость подошла как будто незаметно: зрение ослабело, внимание, память, кое-как хожу, руки не стали работать как следует, все из них валится, силы не стало. А ничего не болит. Желание же работать осталось прежнее...

В настоящее время для меня остался один возможный труд, это что-нибудь писать. По краеведению и своим воспоминаниям я немало написал. А теперь не могу придумать, что написать. Вот если бы кто задал бы тему по какому-нибудь злободневному вопросу, я с удовольствием соглашусь. А жизнь моя приближается к концу. Физические силы упали. Но энергия духа, ум, мысль еще не парализованы. Мир так же прекрасен. Радость быта не утрачена. Высокие, благородные, самоотверженные подвиги людей на всех поприщах жизни возвышают душу человека. Хотя зло, вражды, произвола, насилия в мире по-прежнему много, но все это пройдет, минет, останутся одни — любовь и правда.

Золотов Евгений Дмитриев. Черный Яр Кишертского района, Пермского округа» /2, 8/.

В письмах В.П.Бирюков и Е.Д.Золотов выступают как реальные лица, ученые, обогатившие фольклористику интересными рассуждениями. Переписка краеведов поднимает и проблемы фольклора: сбориание фольклорного материала в определенных хронологических рамках, выбор тем и направлений поиска фольклорного характера, локальный фольклор, выход собирательской работы, снабжение краеведов необходимыми для работы методическими материалами. Составители хрестоматии оставили в неприкосновенности орфографию и синтаксис писем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Е.Д.Золотов. Песковская летопись. Шадринск, государственный архив, 1926, р.№ 887, 193 с.
2. Письма В.П.Бирюкова и Е.Д.Золотова, 1924-1931гг. Екатеринбург, Государственный архив Свердловской области, р.2266, опись 1.
3. В.П.Тимофеев. Избранные статьи. Шадринск, 2004, - 120 с.

Е.Н. Колесниченко

ПИСЬМА Е.Д.ЗОЛОТОВА В.П.БИРЮКОВУ

№1

2. 10.1924 (получено)

Открытку о получении от меня двух тетрадей летописи я получил, и вместе с тем извещение о вашей болезни, что для меня очень прискорбно было. Теперь вы, наверное, в добром здравии, почему я и осмеливаюсь обратиться с просьбой о решении моих недоразумений. Мне желательно знать ваше мнение о моей летописи, которой я представил 3 тетради на 30 листах; именно, какие в ней недостатки и излишества; для того, чтобы в дальнейшем я бы мог избежать до времени у себя.

Уважающий Вас, Дьякон Евгений Золотов.
1924 года сентября 19 дня.

№2

16 мая 1926 (получено)

Многоуважаемый Владимир Павлович!
Была у меня с Вами переписка по поводу напечатания Песковской летописи, и я высылал 3 тетради, из которых одна выслана мне обратно, и приготовил 4-ю, 5-ю, но не выслал в ожидании от Вас ответа на мое письмо, в котором я просил, чтобы Вы написали мне свое мнение о летописи, но не получал ответа.

Мне известно, что журнал при музее не издается, и поэтому в настоящее время не может быть и речи о напечатании летописи. А я все же окончил свою летопись, которая составляет 80-90 полных листов писчей бумаги.

И если Вы вышлете 2-ю и 3-ю тетради, то у меня будет почти половина летописи написана. И я могу дополнить и принаградить с Вашей стороны единственно для хранения в музее. Думаю, что в будущем она будет иметь значение по изучению Шадринского округа.

Кроме того с 1926 года я веду дневник приходской жизни. И его тоже могу выслать, если желаете. И обе книги переплету. Жду ответа. Уважающий Вас, Евгений Золотов. 1926 мая 12 дня.

№3

14 июня 1926 (получено)

Многоуважаемый Владимир Павлович!
Высылаю Вам и «Песковскую летопись» в полное распоряжение. Может быть, найдете в ней что-либо неподходящее, то такое отриньте, но не вырывайте. Пусть летопись всегда хранится в музее. Таких обстоятельств немного встретится. Многие я не переписал, например, «Декрет о свободе совести», где горе и где факт. Если Вам это было бы интересно, то напишите, я перепишу и вышлю.

Да вот еще, что я Вам предложу. Я жил в Кунгуре почти 25 лет и в Черном Яре 23 года и вел дневники в 1/4 долю листа, толщины в 2-3 пальца. Таких дневников должно быть около десятка.

Затем я хотел написать историю г.Кунгура, и есть много выписок, вырезок. Хранится много писем. Есть фотографические карточки. В дневниках имеется много касающегося жизни г.Кунгура и духовенства. Есть, кажется, сколько-то рукописных книг старинных, о чем, не помню. Также находится книга в 1/2 листа в 3 пальца толщины, в переплете - «Мои воспоминания». Все это хранится в крепком черном ящике в 3/4 квадратных аршин. А ящик этот находится в селе Черного Яра Усть-Катайского района Кунгурского округа у крестьянина Федора Ильича Бачурина, у которого я жил на квартире 20 лет.

Не мешало бы его (ящик) сдать куда-нибудь в музей. Отсюда я ничего не могу сделать. В Кунгуре у меня нет никого знакомых. А все эти дневники и рукописи имеют ценность. Имеются там и письма моего старшего брата Ивана, учившегося в Казанском университете, а потом сосланного за что-то административным порядком в город Яранск Вятской губернии. Там он и помер. Помню, что письма интересные, и писаны были отцу. Там и вырезка есть, и выписка, за что его выслали. Не можете ли Вы, Владимир Павлович, написать от себя в

Кунгурский музей, и не захотят ли они достать себе этот ящик на хранение. Им это ничего не будет стоить, а если их не прибрать, то они совсем утратятся и могут сгореть.

При сем я прилагаю и письмо крестьянину Ефиму Ильичу Бачурину, у которого я жил. Он все и выдаст тому, кто предъявит эту записку. Он, кажется, служит или служил в Черноярском сельском совете или председателем, или членом.

Что думаете сделать, или даже и не сделаете, нельзя ли о том уведомить меня. Вам ведь можно этот ящик доставить и в свой музей, если найдете, что для Вас эти рукописи могут иметь интерес.

1926 года июня 14 дня

Уважающий Вас, Евгений Дмитриев Золотов.

№4

4 июля 1926 (получено)

Многоуважаемый Владимир Павлович! Недели 2 тому назад я послал Вам Песковской церкви летопись. Получили ли Вы такую? Прошу, нельзя ли меня в получении такой уведомить открыткой. Известный Вам, Евгений Золотов. 1926 2-е июля.

№5

1926 июля 17

Многоуважаемый Владимир Павлович! Извещаю Вас, что я уезжаю в Пермь к сыну. Прерывать с Вами сношения мне нежелательно. Что бы еще для Вас (музея) написать? Задайте тему. Служить в церкви больше не могу, потому и уезжаю. Займусь переплетом. Между делами желательно бы пристроиться к какому-либо журналу или газете. У Вас, наверное, есть знакомство с газетным миром. Не можете ли дать мне рекомендацию. Адрес: г.Пермь, ул.Ильинская, д.№5. Уважающий Вас, Евгений Золотов.

№6

26 марта 1928

Многоуважаемый Владимир Павлович! Я все живу у сына, переплетаю книги и по праздникам кое-что пишу. Начал недавно писать свои воспоминания с 1860 года о школьной жизни в духовном училище и семинарии и обо всем, что видел, пережил, перечувствовал. Дошел уже до 1926 года. Между прочим, написал и статью, при сем прилагаемую. Подобную уже передал и в редакцию университетского краеведческого журнала. Редактору ее Павлу Стефановичу Богословскому для помещения в журнале, но он сказал, что невозможно в таком виде ее поместить, что нужен коммунистический подход.

Посылаю и Вам для любопытства и с просьбой — нельзя ли ее поместить в Вашем журнале, если таковой есть. А если это невозможно, то прошу поместить, приложить, пришить ее к моей Песковской летописи.

Нельзя ли уведомить меня открыткой о получении моей посылки, и какое сделаете ей употребление. Ваш доброжелатель, Золотов Евгений Дмитриев. 1928 марта 18. мой адрес: г.Пермь, Свободная ул., д.№5.

№7

1928 августа 19

Многоуважаемый Владимир Павлович! Опять высылаю Вам пробу пера. Пишу ради скуки в праздники, а в будни занимаюсь переплетом книг. Ради курьеза прошу приложить к летописи. О напечатании уже не прошу. Попытаюсь — нельзя ли здесь напечатать, конечно, со многими применениями. Нельзя ли открыткой уведомить о получении. Уважающий Вас, Евгений Золотов.

Г.Пермь, улица Свободная, д.№5

№8

1928 октября 5

Многоуважаемый Владимир Павлович! Работать книги не

могу, а без работы жить не могу. Ну и пишу, что придет в голову. Всю жизнь прожил в деревне, и меня заинтересовало хулиганство. Написал и посылаю Вам. Может быть, Вы ее используете для чего-нибудь, а не используете, приложите к тем же рукописям.

Да и Вас прошу, нельзя ли задать мне какую-нибудь тему, и я что-нибудь написал бы. Скучно жить старику, а смерть не приходит.

Уважающий Вас, Золотов Евгений. г.Пермь, Свободная, №5.

№9

1928 ноября 28

Многоуважаемый Владимир Павлович! Как я благодарен Вам, что послали мне две темы. Скучно мне, тяжело жить на старости лет без работы. Благодаря Вам я хотя этим развлекаюсь, забываюсь. Если я не надоел, то нельзя ли еще послать, чтоб я еще мог чем развлечься. Причем посылаю Вам три статьи: «Как я сделался краеведом?», «Мои впечатления по прибытии в Шадринский округ в 1920 году» и «Мою автобиографию». Прошу приложить их к прежним рукописям и уведомить о получении их. Уважающий Вас, Золотов Евгений.

Г.Пермь, ул. Свободная, д.№5

№10

Декабрь 30 дня 1928

Многоуважаемый Владимир Павлович! 29 ноября 1928 года я послал Вам заказной бандероль на заданные Вами темы статьи: «Как я сделался краеведом», «Мои впечатления в 1920...», - и прибавил к тому мою автобиографию с фотографической карточкой, и приложил открытку. Получили ли это? Прошу, нельзя ли уведомить. Уважающий Вас, Золотов Евгений.

Г.Пермь, ул. Свободная, д.№5

№11

1930 10-23 декабря

Здравствуйтесь,

Многоуважаемый Владимир Павлович! Еще в 1928 году я услышал, что Вы оставили Шадринск, и не стал сам Вам писать. Ныне мне из Катайска дочь отписала, что Вы находитесь в Шадринске при музее, почему я и решил опять войти в переписку с Вами. Я с июня месяца 1929 года живу в деревне. Работаю книги по-прежнему и плету корзины, и тем кормлюсь, сын посылает мне на содержание, но и деньги мне ничего не дают, кроме спичек и керосину, и приходится работать. Но силы уходят, сам становлюсь все слабее, а работать много не могу, а без работы скучно, особенно в праздники, но мало-мало все еще вижу и продолжаю что-нибудь писать.

Не ведется ли у Вас при музее какой-либо краеведческий журнал? Я с 1928 года кой-что написал и желал бы Вам выслать из написанного. Но прежде всего прошу извинить меня за навязчивость и желание снова посылать мои статьи. Скучно мне, совсем я здесь одинок, заброшен. Тяжко мне здесь, хочется перемолвиться с Вами по краеведению, потому что я занимаюсь краеведением почти 50 годов, и много писал, и кой-что напечатал.

Написал: «Старый быт деревни крестьян Пермской губернии». Статья в 60-70 листов писчей бумаги в 4 листа, начиная с воспоминаний детства с 1862 года.

«Воспоминания, как пермские крестьяне использовали Сибирский тракт до открытия железной дороги», «Воспоминания о Мамине-Сибиряке» по поводу его преждевременной смерти и трагической кончины. Наверно, Вы читали статью о Мамине Михайлове, кажется, в 4-ом выпуске Пермского краеведческого журнала.

Так от скуки, живя здесь, написал до 10 писем: «От старого деда в деревню», «К детям», «Школьникам», «Матерям», «Алкоголизм и борьба с ним», «О вреде табакокурения», «О сквернословии», «О значении жены в крестьянском быту», «О пользе крестьянского труда» и др.

Я премного благодарен Вам за то, что раньше Вы задавали мне разные темы, и теперь бы был рад какой-нибудь теме.

Поверьте, тяжело мне без труда, не знаю, как провести время. Припоминаю, что раньше предлагали собирать газеты старые для музея. Поселившись в деревне в прошлом году, где я прожил раньше 23 года, я нашел у хозяина бывшего книгу большую в переплете, вырезки чуть ли не за 10-15 лет из разных газет, преимущественно «Русских ведомостей», которые выписывал в течение 2-х лет с лишком. Их я бы мог Вам выслать, если желаете. Прошу не отказаться ответить на это письмо. Буду ждать его с нетерпением. Остаюсь с глубочайшим почтением. Уважающий Вас, Золотов Евгений Дмитриевич. Мой адрес: Станция Кишертъ Пермской железной дороги, село Черный Яр. Золотову Евгению.

№12

1930 декабря 24

Многоуважаемый Владимир Павлович! Извините меня, что я беспокою Вас вторым письмом. По забывчивости, по рассеянности, отправил Вам закрытое письмо на почту, вспомнил, что не приклеил к нему десятикопеечную марку. Не поставьте мне это в большую вину. В следующем Вам письме вышлю 2 десятикопеечных марки. А это письмо оплатите и, пожалуйста, ответьте на него. Остаюсь с глубочайшим почтением. Уважающий Вас, Золотов Евгений.

№13

1931 год 1 февраля

Многоуважаемый Владимир Павлович! 5 января я послал Вам заказной бандеролью свою рукопись: «Старый быт крестьян». Получили ли ее? И годится ли она для Вас? Если просмотрели, то как она Вам понравилась, и можно ли ее использовать? У меня есть еще большая рукопись, труд 50 лет. «Воспоминания с 1860 года». Мои воспоминания, переживания души, наблюдения.

В переплете книга в 1/4 листа, толщиной в 500 листов писчей бумаги. В ней немало помещено религиозных чувств, переживаний.

Думаю, что это не подойдет. Могу послать только лично Вам в полное распоряжение. Уважающий Вас, Золотов Евгений.

№14

1931 февраля 8-21 (получено 4 марта 1931года)

Глубокоуважаемый Владимир Павлович! Письма Ваши получил и в ответ Вам высылаю свое последнее рукописание, мои субъективные чувства и переживания за последний месяц. Прошу Вас, нельзя ли эту рукопись подшить к моей автобиографии, и она будет тогда закончена. Все мои рукописи я передал Вам в полное распоряжение для научного хранилища. И чем дольше они будут лежать, тем они будут иметь более значения. А моя песенка спета. Лежу больной без всякой медицинской помощи. У меня поясница отнялась, и обхожусь и без ухода, и без лечения совершенно один. И сам себе должен служить. Мне только печку затопят да отвара из горячей воды подадут. Глубокоуважающий Вас, Евгений Дмитриевич Золотов.

PS Если пошлет сын рукописи, то перешлете, в ней за 12-13 лет наклеены вырезки из разных газет, преимущественно из «Русских Ведомостей». Годится для Вас. Могу выслать наложным платежом. Золотов.

№15

1931 февраля 8-21

Великая скорбь по утрате возможности трудиться. Субъективные чувства и переживания старика 80 лет. Когда был в силах, не думал, что в преклонных годах так можно скорбеть, утративши возможность что-либо делать, трудиться, чем заполнить время. Старость подошла как будто незаметно: зрение ослабело, внимание, память, кое-как хожу, руки не стали работать как следует, все из них валится, силы не стало. А ничего не болит. Желание же работать осталось прежнее. К тому же мне угрожает слепота, катаракт глаз, что усиливает скорбь. Время для меня как бы остановилось. Днем иногда ляжешь,

чтобы ненадолго забыться, но долго не спится, помотришь на часы, думаешь, что прошло 1 — 2 часа, а оказалось 15 — 20 минут. Тяготит одиночество, всегда один в своей хате, редко кто навестит. И тяготит забота, что не будет за тобой родительного ухода, и все должен сам для себя делать. В раздражительности вскочишь с постели, вскричишь: «Да как же это жить без работы!», и зальешься жгучими слезами. Иногда зайдешь к кому-нибудь из знакомых, то всем ты чужд, относятся пренебрежительно, с брезгливостью, как к зачумленному. Речь моя бессвязная, глухая, зубов нет, рот немного парализован, на губах слюна. Все тяготеет твоим присутствием. И уходишь с сердечной болью и гнетущей тоской.

Особенно тяжело проводить ночи, да притом клопы беспокоят, и бессонница. Ночью преследуют черные мысли. Начинаешь бояться самого себя и враждебного тебе духа. Возникает жалость к себе, желание облегчить скорбь, смягчить сердце, сбросить с него ожесточенность, отвердившую сердце, как камень. Невольно тогда с плачем упадешь на пол, зальешься слезами и обратишься к Богу с молитвой. Сердце размякнет, скорбь облегчится, успокоишься и скоро заснешь!

Так чередуются тягостные переживания и уныния с просветленными и радостными минутами. Днем легче проходит время. Сам убираю в комнате, готовлю себе завтрак, обед, топим печь. Иногда схожу на улицу, но скоро устаю, или становится холодно и ухожу в избу. Все ищем забвения в труде, а его-то и нет, и появляется особого рода боязнь, смутная, неопределенная — боязнь времени. А ночи страшат и потому, что сидишь в темноте, как в могиле, потому что нет керосина в продаже, и осветиться нечем.

В прошлом я страдал от длительной периодической бессонницы и тоски, и нервы мои совершенно расстроены, и я от пустяков раздражаюсь, возбуждаюсь, и страдаю от порока сердца, а от плохого питания ослабел организм.

Если бы зрение не ослабело, я бы мог время заполнить чтением. Но для этого надо иметь книги под руками очень крупные, а их в деревне нет. Конечно, я не представляю исключения в этом отношении. Большинство крестьян и рабочих, всю жизнь трудившихся усиленно, мужчин и женщин, страдают этой скорбью, но не высказывают свои субъективные переживания и

чувства, потому что неграмотны, и притом жили в своей семье. Я видал престарелых, выехавших со своей семьей на пашню и на покос, как некоторый из них брался уже трепетными руками за соху, проходил шагов 10 — 15 за лошадью по борозде; и как его соха ворочала из стороны в сторону, и он невольно не опускал соху, и валился в борозду, и заливался слезами. А иной брал в руки косу-горбушу и начинал косить, но, взмахнув раз десяток в ту и другую сторону, оставлял косу. Я знавал деревенскую женщину 100 — 105 лет, которая до последу, управившись по домашности, уходила на «постать» с серпом, и жала до вечера, и в работе померла.

Вообще труд так втягивает человека, что он не может без него жить, как не может жить запасной охотник без охоты, рыболов без рыболовства, пьяница без водки. Сама жизнь для подобных не имеет смысла.

С 8 — 10 лет я привык колоть, рубить дрова. И эта работа была любимым развлечением во всю мою жизнь. Было, сидишь за переплетом книг 4 — 5 часов, не сходя с места, утомишься, даже работа опротивела, но выйдешь в ограду порубить, попилить, поколоть дрова 1/2 - 1 час и освежишься, и снова принимаешься за оставленную работу. А теперь рубить дрова не могу. С трудом могу снять пимы с ноги, застегнуть пуговку у рубашки.

Может быть, скажут, что эта скорбь не что иное, как напускное возвеличивание пред другими, чтобы вызвать сожаление. Но это не так.

Желание проводить время в труде и находить в нем величайшее наслаждение и удовлетворение жизненной потребности, и пользы в человеке так же бесспорны, как непреложный закон бытия.

Во время Германской войны наши солдаты видали, как вблизи фронта наши крестьяне свободно пахали весной, не боясь выстрелов и случайно залетевшей пули или снаряда. Они находили, что, если настало время сева, то его нельзя пропускать. Хоть камни вались с неба, а крестьянин должен выполнять свое провинциальное назначение по обработке земли: опоздает, если сходит сломить ветку понужнуть лошадь. В настоящее время для меня остался один возможный труд, это что-нибудь писать. По красведению и своих воспоминаний я немало написал. А теперь не могу придумать, что написать. Вот если бы кто задал

бы тему по какому-нибудь злободневному вопросу, я с удовольствием соглашусь. А жизнь моя приходит к концу. Физические силы упали. Но энергия духа, ум, мысль еще не парализованы. Мир так же прекрасен. Радость быта не утрачена. Высокие, благородные, самоотверженные подвиги людей на всех поприщах жизни возвышают душу человека. Хотя зла, вражды, произвола, насилия в мире по-прежнему много, но все это пройдет, минет, останутся одни — любовь и правда.

Золотов Евгений Дмитриев. Черный Яр Кишертского района, Пермского округа.

№16

1931 марта 25

Здравствуйте, многоуважаемый Владимир Павлович! Неделю 5-6 тому назад посылал Вам заказное письмо. В нем была вложена рукопись: «Великая скорбь» - получили ли его? Прошу меня уведомить открыткой о том, все ли Вы проживаете в Шадринске? От болезни я немного поправляюсь, но работать ничего не могу. От скуки пишу свои воспоминания на новую тему. Если напишу, вышлю Вам, если желаете. Глубокоуважающий Вас, Золотов Евгений. ст. Черный Яр Кишертского района Пермского округа.

№17

1931 мая 14

Здравствуйте, многоуважаемый Владимир Павлович! Я всю зиму был болен, теперь немного поправляюсь, но работать ничего не могу, но продолжаю писать что-нибудь по краеведению. До рождения уже больной я посылал заказное письмо в Шадринск и в нем статейку «Великая скорбь». Мои переживания, получили ли это мое письмо? Без труда страшно тяжело жить, но все еще сам себе служу в своей комнате: сам себе готовлю завтрак и обед. Но кое-как хожу. Одиночество тяготит, родственного ухода нет. Напишите о себе весточку. Адрес: Станция Кишерт железной дороги. Черный Яр. Золотову. Уважающий Вас, Золотов Евгений Дмитриев.

№18

1931 января 3 дня

Многоуважаемый Владимир Павлович. Одновременно с этим письмом высылаю заказной бандеролью и рукопись « Старый быт крестьян ». И по прочтении и по просмотре прошу высказать мне свое мнение о ней чистосердечно. Мне очень нужно знать, что в ней лишне, чего не достает. Очень я рад, что установилась между нами снова переписка. Еще есть у меня 3 статьи: «Как в старину брали в солдаты», «Воспоминания о Мамине-Сибиряке» и «Воспоминания, как пермские крестьяне использовали сибирский тракт». Эта статья Вам должна понравиться. Я ведь всю жизнь провел вблизи сибирского тракта. В одном Кунгуре прожил 17 лет. С 1860 года начал наблюдать как крестьяне собирались и отправлялись в извоз с весны и до весны.

Эти 3 статьи я в 1929 году перед отъездом лично сдал редактору Пермского краеведческого журнала, Павлу Стефановичу Богословскому. Он обещался их использовать в зиму, но ничего не сделал. Даже и не пишет. Теперь я прошу, чтобы Богословский выслал мне обратно рукописи. А получу от него — вышлю Вам. Уважающий Вас, Золотов Евгений Дмитриев.

ПИСЬМА В.П. БИРЮКОВА Е.Д.ЗОЛОТОВУ

№1

Уважаемый Евгений Дмитриевич! В Кунгур я уже писал на имя Р.Н.Серебренникова, но письмо возвратилось обратно, не застав адресата, ввиду чего, я думаю, Вам из Перми через музей удобнее будет устроить судьбу своих рукописей. В ответ на Вашу просьбу посылаю отношение на имя пермского музея, где прошу Вас лично обратиться или к А.С.Лебедеву, или к Р.Н.Серебренникову, которые, я уверен, окажут Вам свое содействие. Примите уверение в глубоком к Вам уважении. С приветом, Владимир Бирюков. 20.08.1926 г. Шадринск.

№2

Многоуважаемый Евгений Дмитриевич. Большое Вам спасибо, что не забываете Научного Хранилища и нет-нет, да и пошлете опять что-либо из своих произведений. Последнее, полученное от Вас, приложится к предыдущим и будет также храниться. С приветом, уважающий Вас, В.Бирюков. 24.08.1928г.
Пермь, Свободная, 8.

№3

Многоуважаемый Евгений Дмитриевич. От лица своего учреждения приношу Вам благодарность за присланную Вами рукопись. Вы просите дать вам тему для литературной работы. Охотно исполню это, глядя на данное дело со своей краеведческой точки. Тем можно найти множество, но из них хотелось бы выделить проработанными Вами: а) как Вы работали над Кунгурской историей (Ваши воспоминания, перечень использованных архивов и источников, что каждый Вам дал, кто и как издавал, как встретили появление вашего труда и прочее; б) Ваши воспоминания о прибытии в Шадринский округ, отношения к Вам разных людей, встречи с интересными людьми и многое другое. Вот пока две темы. С приветом, уважающий Вас, Бирюков. 18.10.1928 г.

№4

Многоуважаемый Евгений Дмитриевич. Все присланное Вами благополучно дошло до Научного Хранилища и вписано в книгу научных поступлений. Я прочитал все. Читая, многому удивление: и лицо интересное, и исполнение прекрасное.

Если не писал долго ответ и благодарность, то виновата была моя загруженность, - все думал, что вот выберется минутка, так непременно отвечу. И только вот сегодня, накануне своего завтрашнего отъезда в Москву, решил все-таки перестать быть неблагодарным по отношению к Вам. То, что Вы уже написали, конечно, далеко не все, что Вы смогли бы еще написать. Только в выборе тем для Вас сейчас я затрудняюсь. Лично у меня давно

была мысль взяться описывать встречи со сколько-нибудь незаурядными людьми, будь то крестьянин, писатель, полководец, революционный работник. Каждая такая встреча — исторический факт. Думаю, что таких встреч у Вас было множество. Если теперь нет возможности печатать и злободневные материалы, то в будущем на это средства будут наверняка. Будут, - глубоко верю, - отпечатаны и все Ваши работы, хранящиеся и в Научном Хранилище, и в пермском университете. Если только у Вас есть возможность общаться с большим крутом лиц, то мог бы предложить Вам занятия собирать для Научного Хранилища старые газеты, особенно уральские. Ведь это такой бесценный материал для истории. На высылку их нам деньги найдем. Хорошо также заняться собиранием вообще разных пермских изданий, будь то афиша, книга, календарь — справочник. Особенно ценны этого последнего типа материалы. За них Научное Хранилище было бы Вам крайне признательно. Жму Вашу трудолюбивую руку и желаю веселого долголетия. Уважающий Вас, Бирюков. Шадринск, Научное Хранилище.

№5

Многоуважаемый Евгений Дмитриевич, прошлым летом я был в Перми и искал Вас, но не нашел уже по адресу: Свободная, 5 и терялся в догадках, куда Вы делись. Сейчас, получив Ваше письмо, очень обрадовался вновь возобновить с Вами переписку. Пишите мне, что вздумается, включительно до описания условий, в которых Вам приходится высказаться. Я очень рад, что вечно, у Вас есть потребность существовать, если только, конечно, у Вас есть потребность высказаться. Я очень рад, что в нашей, Научного Хранилища, библиотеке имеется ряд Ваших рукописей. Очень недалеко то время, когда они будут использованы наукой и даже напечатаны в той или иной мере. Сейчас Уральским Исполнительным комитетом принято издание «Уральской советской энциклопедии», куда я приглашен сотрудничать. Весьма возможно, что мне удастся, воспользовавшись имеющейся у меня Вашей автобиографией, дать некоторые сведения о Вас в эту энциклопедию. Все, что Вы пришлете, я помещу в нашу библиотеку, а если буду жить в Шадринске в 1932 году, то предприму издание сборника в честь 15-летия Научного Хранилища и тогда часть Ваших материалов о Шадринском крае поме-

щу туда. К этому сборнику начинаю готовиться уже теперь.

То, что подходит для этого сборника, постараюсь продвинуть в уральскую краеведческую печать, тем более, что я состою членом областного бюро краеведения. В связи с работой этого бюро, мне часто приходится бывать в Свердловске, где, кроме того, у меня имеется дом: 1-ая Мелькова, д.33, кв.1, мне, так что если вздумаете скоро послать туда что-либо, в частности, старый быт, то я вскоре же решу, как использовать эту рукопись. Очень жалею, что я до сих пор не знал Вашего адреса, а то летом, будучи в Бершетском лагере на учебном сборе, заехал бы к Вам повидаться. Мне кажется, Вы, несмотря на свой возраст, еще смогли бы оказать большую услугу краеведению организацией краеведческого кружка в своем селении. Как это сделать, думаю, Вас учить не придется. В частности, если там есть кустарные промыслы, то очень кстати будет приняться за их изучение.

Одновременно с этим пишу письмо в областное бюро (а копия — Вам), в котором прошу оказать Вам содействие и прислать кое-какой литературы. Еще раз очень Вам признателен за память обо мне. Крепко жму Вашу руку и желаю здравствовать. С глубоким уважением, Владимир Бирюков. 30.12.1930 г.

Уральскому Областному Бюро Краеведения

На днях со мной возобновил переписку историк г. Кунгура, бывший учитель и кооператор, Евгений Дмитриевич Золотов, теперь очень почтенный старец, живущий в селе Черный Яр, около станции Кишерть. В данное время Евгений Дмитриевич занимается переплетом книг и плетением корзин, чем и существует, но свободное от этих занятий время уделяет писанию своих воспоминаний и наблюдений, причем нередко обращается за краеведческими темами ко мне. Между тем имеет большую рукопись «Старый быт деревни Пермской губернии» (воспоминания с 1862 года) и «Воспоминания, как пермские крестьяне использовали сибирский тракт до открытия железной дороги». Думаю, что некоторые из работ Евгения Дмитриевича подошли бы для «Уральского краеведения», в виду чего я прошу автора послать работы мне на свердловский адрес.

Евгений Дмитриевич — краевед старый, краевед-одиночка, но с очень развитой общественной жилкой. Хорошо бы ему по-

слать последнее издание ЦКБ об установках советского краеведения и «Четвертую областную краевую конференцию», думаю, что Евгений Дмитриевич воспользуется указаниями этих материалов и организует у себя краеведческий кружок, — надо послать и устав кружка. Адресовать: ст.Кишерть, Пермская железная дорога, с.Черный Яр, Евгению Дмитриевичу Золотову.

Не откажите исполнить мою просьбу в возможно непродолжительном времени. Член УОБК (В.Бирюков) 31.12.1930г.

№6

12.02 — 31г. Многоуважаемый Евгений Дмитриевич, получение от Вас рукописи о старом быте совпало с неожиданным для меня телеграфным вызовом меня на работу в Свердловск к Областному Бюро Краеведения. Ознакомиться с рукописью пришлось только недавно, по возвращении из Свердловска. «Старый быт» — очень интересный материал, который рано или поздно должен быть напечатан. В настоящем его виде, если приложить старания к художественной обработке материала, то он мог бы пойти в качестве книжки для легкого чтения. К сожалению, для Вашего уже установившегося слога это, пожалуй, составит непосильный труд.

В виду этого надо эту работу сделать по крайней мере значимой краеведчески. Именно. В предисловии Вы говорите, что жили в разных уездах, в том числе и в Камышловском. Но в нем — то Вы жили самый пустяк, и все Ваши наблюдения относятся к старым временам, когда Вы жили в Предуралья. Между тем не только Зауралье отличается от Предуралья, но и одна волость, даже одна деревня от другой. В виду этого Ваша новая работа будет только тогда иметь строго научное значение, когда во всех случаях будут указаны названия селений, уездов, а равно, где нужно, и собственные имена. Мне мыслятся такой путь продвижений Вашей рукописи. Я свожу показать ее Областному Бюро Краеведения, которое, несомненно, подтвердит все сказанное мною, порекомендовав насытить весь материал соответствующими вставками. Если же вообще материал bureau понравится, и оно вознамерится сделать его продвижение, то лишь при условии, что, во-первых, Вы сделаете соответствующие дополнения, во-вторых, редакцию всего материала редакция

поручит кому-либо из своих членов, может быть, мне. А при редактировании придется, пользуясь вставками, переписать рукопись на второй ряд и на одной стороне листа. По выполнении такой работы она, я хотел бы верить, будет принята к печати даже отдельной книжкой, так как материал очень интересен.

Но первое условие — надо привязать сообщаемые факты к строго географическим пунктам и соответствующим датам. Хорошо было бы, если бы у Вас остался второй экземпляр, руководясь которым и ссылаясь на соответствующие страницы, Вы сделали бы дополнения на отдельных листиках и уже эти одни дополнения и поправки послали бы мне.

О Вас я говорил в УОБК. Его зам. председателя, Дмитрий Михайлович Бобылев, хорошо знает Вас. Он между прочим просит послать Вашу рукопись об использовании Сибирского тракта. Она может быть напечатана и в скором времени. Если вздумаете послать через меня, то посылайте на свердловский адрес — туда я приеду числа 20, чтобы затем поехать в Магнитогорск недели на полторы — две.

Если Вы считаете нужным доверить Ваши воспоминания, то позвольте благодарить Вас за такое доверие и уверить Вас, что со своей стороны приму все меры к ее сохранению и дальнейшему использованию (т.е. опубликованию). С приветом и уважением, В.Бирюков. 12.11.1931 г.

№7

Многоуважаемый Евгений Дмитриевич, совсем уж собрался запечатать письмо, написанное сегодня Вам, да решил еще немного побеседовать с Вами.

Прежде всего, посылаю две печатных листовки для сведения. Во-вторых, если Вы имеете время, то можете сделать специальную работу, посвященную описанию местных народных лекарственных веществ и способов, попутно собрав коллекцию того, что можно собрать.

Одновременно с этим можете сделать другую подобную переносимую работу — описание суррогатов питательных веществ, приготавливаемых людьми в пищу и даваемых в корм скоту при бескормице.

Не худо вообще проделать работу по собиранию и описа-

нию всякого рода местных суррогатов: замена жира для пищи человеку; замена колесной и сапожной мази, разного рода местные краски и многое другое.

Дело-то вот в чем. Готовясь к отпору наступления буржуазных стран, наш СССР должен быть обеспечен, в случае недостатка настоящих материалов, возможностью использовать при нужде так называемые суррогаты. И этому вопросу теперь уделяется очень большое внимание. Мне кажется, что на такого рода работе даже можно иметь Вам лично некоторый материальный заработок, т.к. Областное Бюро, надеюсь, изыщет денежные средства, чтобы оплатить Ваш труд.

В настоящее время я занимаюсь собиранием сведений о всех периодических изданиях, вышедших каких-либо в нашей Уральской области, в том числе и в Пермской губернии. Думаю, что Вам время от времени попадают если не комплекты, то отдельные номера уральских газет и журналов, в частности, «Пермские епархиальные ведомости» после 1886 года, «Пермские ведомости» и пр., а также газета «Искра» (Кунгурская) и т.д. Если для Вас не составит труда собирать такие издания и время от времени пересылать их мне, то кроме великой благодарности у меня к Вам не будет. Шлите только наложным платежом на сумму своих расходов, я все выкупаю.

Цель моей работы над уральской периодических изданий и ставить и издать словарь уральских периодических изданий и б) составить особую библиотеку из таких изданий, как вообще библиотеку из изданий, вышедших на Урале и об Урале. Мне хочется при своей жизни обеспечить эту библиотеку зданием, привести ее инвентарь в надлежащий порядок и предоставить в полное распоряжение государства (т.е. общества), в частности, всем изучающим Уральский край.

Значит, кроме газет, я собираю вообще печатные издания, вышедшие в нашей области, а также всякие рукописные и иные материалы об этой области. Словом, пока имею одно детище в виде Научного Хранилища, так хочется еще иметь второе — научную библиотеку.

Извините, что я занял Вас своими полумечтами. Будьте здоровы. Кланяюсь и жму Вашу руку. 12.11.1931.

Посылаемые марки не откажите наклеить на будущие Ваши письма ко мне. У меня, видите ли, сын собирает старые марки. Владимир Бирюков.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

АНТИФОН — поочередное пение двух хоров
 АРШИН — 0,711 метра
 БАТИК — батог, палка для телесных наказаний, использовавшаяся в 18 веке
 БАУШКА — бабушка, умеющая лечить, «знаткая»
 БАШКА — голова
 БЕРЕЖЁНЬЕ — хранение, бережливость
 БЛАГОЧИННЫЙ — округ нескольких церквей, причтов и приходов
 БОРНОВОЛОК — устройство вспахивания земли, от слов «борона», «волочить»
 БОРОНА — кованные грабли
 БОЯРОЧКА — кустовое дерево с шипами (помета Золотова Е.Д.)
 БРАНЫ СКАТЕРТИ — вытканые узорам
 ВЕРСТА — 500 сажений (1,0668 км)
 ВОСКУЯРКНУТЬ — вскричать неожиданно
 ВЫДУТКА — способ изготовления изделия выдуванием
 ГАОЛАН (гаолян) — однолетнее травянистое растение рода сорго семенных злаков. Зерновая культура в Японии
 ГОРАЗДО — сильно
 ГУЛЬФАРТА — часть штанов
 ГУЛЬНЫЙ СКОТ — коровы, готовые к отелу
 ГУМЕННИК — место, где ставят хлеб
 ДЕВЕРЬ — брат мужа
 ДЕСЯТИНА — десятая часть земли (1,09 га)
 ДИВЬЯ КРАСОТА — девичество, лента в косе, венок с лентами, коса
 ДОЛГУША — род длинного экипажа, длинная повозка для воза сена
 ДЮЙМ — русская дометрическая единица длины. 1Д = 2,54см
 ЕДИНОСТНЫЙ — единый, единственный, один
 ЗАПЛОТ — изгородь
 ЗАПОРУЧИТЬ — обручить
 ЗАЦЕН — назначение цены
 ЗОЛОТНИК — русская дометрическая мера массы (веса) = 4,266 г

ИЗЫДЕ — выйди
 КАНДИЛО — кадило, металлический сосуд на цепочке для курения ладаном при богослужении
 КАПОТ — домашняя женская распашная одежда широкого края
 КВАШЁНКА — квашня, тесто
 КЛИР — собрание церковнослужителей
 КЛИРК — церковнослужитель
 КНЯГИНЯ — невеста
 КНЯЗЬ — жених
 КОБЫЛЯТНИК — конский щавель, трава
 КРИНОЧНЫЙ — от слова «кринка», «горшок»; собираемый из криноков
 КУДЕЛЯ — пучок льна, выделанный для пряжи
 КУТНОЕ ОКОШЕЧКО — небольшое окошечко в переднем углу избы, закрывалось деревянными створками (помета Золотова Е.Д.)
 КУТЬ — часть избы от печи до окна, отгороженная занавеской
 ЛАВИЦА — лавка
 МАКОВИЦА — купол церкви
 НАЗЁМ — навоз, удобрение
 НАЙМОВАТЬ — нанимать
 НАПЕРСТНИК — кольцо
 НА ПУТЕ — в порядке
 НОНЧЕ — нынче, сегодня, в этом году
 ОВОЦИЯ — овощи
 ОКРУЖАТЬ ГОЛОВУ — укладывать косу вокруг головы
 ОЛУХ — архитектурная наклоненная деталь круглой формы
 ОСЬМИГРАННЫЙ — восьмигранный
 ОЛЯБУШКИ — олады
 ОКРУЖОК — заплетение косы кругом
 ОХОТНИЧЕСТВО — охота
 ПАКОСТИТЬ — делать назло
 ПАХАБНЫЙ — срамной, постыдный
 ПИЛЯСТРЫ — плоские вертикальные выступы прямоугольного сечения на поверхности стены или столба
 ПОВИТИ — крыши из соломы
 ПОДДРУЖЬЕ — помощник дружки
 ПОЕЗЖАНЕ — свадебные чины, входящие в свадебный поезд
 ПОНОМАРЬ — причетник, низший служитель церкви
 ПОСБИРАТЬ — собирать
 ПОСКОЧЕНА — изгородь

ПОСЛЯНЕ – посланные, участники свадьбы
ПОСОБЛЯТЬ – помогать
ПОТАЧИТЬ – потакать, разрешать, идти на поводу у кого-либо
ПОШНИК – бедная одежда
ПРЕОСВЯЩЕНСТВО – высшие чины православной церкви
ПРИЧЕТНИК – церковный бухгалтер
ПРИЧТ – служители и певчие в православной церкви
ПРИХОЖАНЕ – жители, посещающие одну церковь
ПРОСФОРНЯ – женщина, выполняющая работы по хозяйству, например, выпекающая просфоры, круглые хлебцы из пшеничной муки, употребляемые в христианских обрядах
ПРОСЯННИК – просо
ПСАЛТЫРЫЩИК – дьячок
ПУШ – подушка, на которой плетут кружева
РУКОБИТЬЕ – обряд, во время которого объявляется согласие невесты на замужество
САБАН – инструмент для пахоты
СВАДЕБЖАНЕ – участники свадьбы
СВАТОВЩИК – сватающий
СБОРНЯ – контора, сельсовет
СИНОД – собор духовенства
СКОПОМ – все вместе, сообща
СУЖЕННЫЙ – назначенный судьбой жених
ТАБУРКИ – скобка для укрепления
ТЫСЯЦКОЙ (тысяцкий) – старший свадебный чин, крестный, посаженный отец
УБЕГОМ – выйти замуж без благословения родителей невесты
УДВОРЬЕ – удворные пашни – зады в селении, удворная половина, земля
ЦЫГУШКИ – цыплята
ЧЕРЕШЕНЬЕ – черешня, вишня
ЧОБОТЫ – обувь, сапоги
ЧУЖЕНИН – чужой человек, незнакомый, жених
ШАФЕР – дружка
ШКВОРНЯ – шворень – стержень в поворотном соединении повозки, позволяющий производить повороты на ходу
ЯХМОНТ – яхонт
ЯСТВЫ – еда, угощения

Учебное издание

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ: Из истории зауральской фольклористики

Учебное пособие

В авторской редакции

Подписано в печать 18.03.05
Формат 60*84 1/16
Заказ 74

Бумага тип № 1
Усл.-печ. л. 13,18
Тираж 100

Печать трафаретная
Уч.-изд. л. 13,18
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет.

